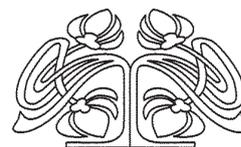

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Елисеева М. А.** Медиапространство: социально-философский анализ 4
Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе 8
Каткова М. В. Культура, цивилизация, религия в современном мире 12
Крайнов А. Л. Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора 16
Красильников В. О. Философия Рене Генона как философский эзотеризм 21
Лопастейский С. А. Ценностные основания научного сообщества в условиях становления общества знаний 25
Панасенко Ю. А. Феноменология «жизненного мира» воинской службы 30
Трунев С. И., Антонюк Е. Ю. Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния мифологий 35
Устьянцев Н. Г. Становление множественной идентичности в цифровой среде 39
Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства: проблема интерпретации в консервативной идейно-политической философской традиции и политической теологии К. Шмитта 43

Психология

- Духновский С. В.** Выраженность параметров саморегуляции у государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности 49
Орлова М. М. Этапы формирования иждивенческой позиции в ситуации болезни 55
Рягузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик 61
Степанова Н. А. Проблема изучения самодетерминации личности в отечественной психологической науке 69
Черникова Т. В. Рефлексивно-вербальные индикаторы эмоционального выгорания учителя 76
Ярошенко Е. И. Особенности психологического отношения личности к объектам и субъектам труда как предиктор эмоционального выгорания (социально-когнитивный подход) 83

Педагогика

- Башлыков А. М.** Эффективность использования фрейм-алгоритмов при создании проблемных ситуаций на практических занятиях в военных вузах войск национальной гвардии России 89
Булгаков В. В. Контекстная подготовка и аттестация спасателей в учебных заведениях МЧС России 93
Вениг С. Б., Ворошилов С. А., Дубовская Е. Н. Современные проблемы функционирования систем менеджмента качества в высших учебных заведениях 98
Дельвиг Н. А. Изменение содержания морского образования в связи с проведением в России военной реформы в 1860–1870-х годах 103
Железковская Г. И., Жуковский В. П., Жуковская Н. А. Профессиональная успешность учителя: теоретический анализ понятия и возможности развития в системе дополнительного профессионального педагогического образования 108
Игошин В. И. Учить логике будущих учителей математики (часть I) 113

Критика и библиография

Представляем книгу

- Александрова Е. А., Тимушкин А. В.** Рецензия на книгу: Максимова Е. А. Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения 118

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01; 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 28.02.2019
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 27-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Eliseeva M. A.** Media Space: Socio-Philosophical Analysis 4
- Guryanova A. V., Frolov V. A.** Spirituality as a Basis of Morality and Patriotism in a Modern Russian Society 8
- Katkova M. V.** Culture, Civilization, Religion in the Modern World 12
- Kraynov A. L.** The Values of the Posthuman Future: the Problem of Choice 16
- Krasilnikov V. O.** Philosophy of Rene Guenon as Philosophical Esoterism 21
- Lopasteysky S. A.** Value-Based Foundations of the Scientific Community in the Conditions of Formation of the Society of Knowledge 25
- Panasenko Yu. A.** Phenomenology of "Life-World" of the Military Service 30
- Trounev S. I., Antonyuk E. Yu.** Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies 35
- Ustyantsev N. G.** The Formation of Multiple Identities in the Digital Environment 39
- Shchekin N. S.** Dialogue of Church and State: Problem of Interpretation in Conservative Ideal and Political Philosophical Tradition and Political Theology of K. Shmitt 43

Psychology

- Dukhnovsky S. V.** Expressiveness of Self-Control Parameters of Civil Servants with Different Levels of Social Normativity 49
- Orlova M. M.** Formation Stages of a Dependent Position in a Situation of Disease 55
- Ryaguzova E. V.** Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices 61
- Stepanova N. A.** The Problem of Studying Self-Determination of Personality in the Domestic Psychological Science 69
- Chernikova T. V.** Reflexive and Verbal Indicators of Teachers' Burnout 76
- Yaroshenko E. I.** Features of Psychological Attitude of Personality to Objects and Subjects of Labor as a Predictor of Emotional Burnout (Socio-Cognitive Approach) 83

Pedagogy

- Bashlykov A. M.** Effectiveness of the Frame-Algorithms Application When Creating Problem Situations in Military Universities of the VNG of Russia 89
- Bulgakov V. V.** Contextual Preparation and Certification of Rescuers in Educational Institutions of the Ministry of Emergency Measures of Russia 93
- Venig S. B., Voroshilov S. A., Dubovskaya E. N.** Modern Problems of Quality Management Systems Functioning in Higher Education Institutions 98
- Delvig N. A.** Changes of Marine Education Content in Connection with Military Reforms in Russia in the 1860s-1870s. 103
- Zhelezovskaya G. I., Zhukovsky V. P., Zhukovskaya N. A.** Professional Success of a Teacher: A Theoretical Analysis of the Concept and Development Opportunities in the System of Additional Professional Pedagogical Education 108
- Igoshin V. I.** To Teach Logic to Prospective Mathematics Teachers (part I) 113

Critics and Bibliography**Presentation of the Book**

- Aleksandrova E. A., Timushkin A. V.** Review of the Book: Maksimova E. A. Innovative Organization of the System of Professional Education: Educational Unions 118

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гасилин Владимир Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Тельтевская Нателла Ваханговна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

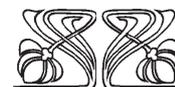
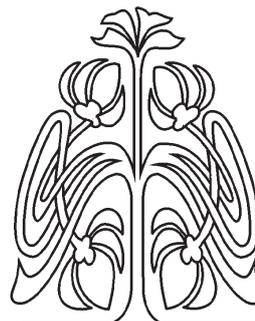
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Vladimir N. Gasilin (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Natella V. Teltevsckaya (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

Медиапространство: социально-философский анализ

М. А. Елисеева

Елисеева Марина Андреевна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ladymarina.eliseewa@mail.ru

Целью данной статьи является анализ различных подходов к изучению проблематики медиапространства в современном обществе, а также определение четких общих характеристик, приписываемых медиапространству в различных теориях медиа в социальной философии. В поисках универсального определения феномена медиапространства рассматривается социально-философская категория медиапространства, понимаемая как особого рода реальность, включающая в себя базовые компоненты социализации современного человека в рамках не только социальных институтов, но и культуры в целом. Актуальность выбранной темы подкрепляется повсеместной включенностью современного человека в медийные процессы социума, которая сегодня по сути определяет успешную социализацию и информационную мобильность каждого индивида. Формулируется вывод о том, что в обыденной реальности современного человека медиапространство играет ведущую роль, одновременно фиксируя социальную данность и кодируя ее через сознание людей, в некоторой степени подчиняя себе предметный мир. Таким образом, включенность субъектов в медиапространство становится не менее значимой, чем связь с собственной культурной традицией.

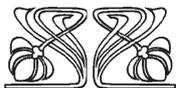
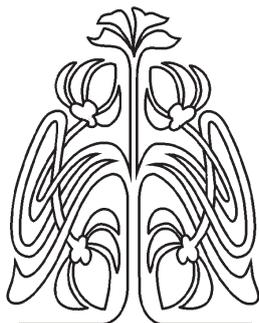
Ключевые слова: медиапространство, медиа, коммуникация, глобализация, Интернет, идеология, информация, социум.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7>

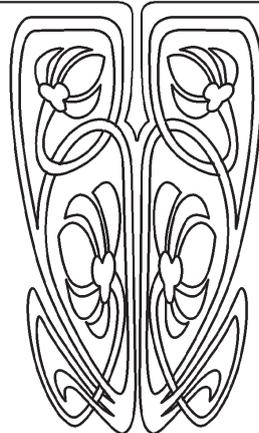
В современной социальной философии информационным, коммуникативным и медийным процессам уделяется значительное внимание. Информационное измерение проникает в каждый уголок социальной реальности, и ни один субъект не может находиться вне данного информационного дискурса, в рамках которого пространственные образования утрачивают свой культурно-исторический статус и преобразуются в образные формы, сетевые информационные структуры, актуализируя пространство информационных потоков (медиапространство), заменяющее географическую локализацию.

Для каждой исторической эпохи характерны определенные феномены культуры, следующие за потребностями социума, которые наиболее эффективны как с позиции реализации утилитарных задач, так и с точки зрения взаимодействия теории и социальной практики. Это напрямую относится к медиапространству как особой составляющей информационного общества. Поэтому процессы, инициируемые медиапространством, нуждаются как в теоретическом социально-философском анализе, так и в прикладных исследованиях в рамках различных отраслей.

Медиапространство обладает рядом компонентов, которые различаются структурой, объемом, внутренней социальной динамикой. На рубеже XX–XXI вв. роль медиапространства, элементами которого являются такие важные атрибуты обыденной жизни современных

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

людей, как телевидение, Интернет и средства коммуникации, мультимедиа, цифровое фото и кино, компьютерные каналы, существенно возросла. Согласно М. Маклюэну медиа изначально стремились получить власть над сознанием человека посредством иллюзорных конструкторов. Человек, с одной стороны, радуется широким возможностям «электрической технологии», но с другой – становится слабым, управляемым и зависимым [1, с. 51].

Медиапространство следует понимать как особую реальность, не поддающуюся полной визуализации, организующую идейные схемы и шаблоны действия для субъектов, потребляющих и производящих информацию с помощью методов и средств массовой коммуникации, являющихся физической составляющей медиапространства.

Феномен медиапространства носит междисциплинарный характер, поскольку представляет интерес не только для философов, но и культурологов, психологов, политологов, журналистов, социологов. Медиапространство выступает сложным образованием, включающим в себя все социализирующие человека компоненты в рамках не только социальных институтов, но и культуры в целом. В своей предметной данности медиапространство актуализирует «все поле возможности использования потоков информации» [2, с. 6]. Кроме того, оно представляет собой некие символические конструкторы, наполненные образами, смыслами, текстами, формирующие социокультурное пространство посредством моделей трактовки реальности.

Участники коммуникации в рамках медиапространства взаимодействуют внутри него посредством ценностных установок адресата. Медиа в рамках медиапространства представляют собой мифы, которые осуществляют для нас «предварительный выбор того, что есть. Вместо того чтобы представить информацию для дальнейшей переработки, они “почтуют” нас некоей смесью из убеждений и желаний. Так для зрителей возникает мир упрощенных причинно-следственных связей» [3, с. 29]. В свое время Х. Ортега-и-Гассет обратил внимание на тот факт, что современный человек имеет огромное количество ненасытных запросов и могучий потенциал их удовлетворения, однако у преобладающего большинства людей нет собственного мнения, которое «надо дать им, как смазочное масло в машину» [4, с. 115], чтобы некто обладал достаточной властью наделять мнением большинство. В этой связи необходим и актуален социально-философский анализ процессов коммуникации и интеграции медиа, личности и общества, воздействия медиатехнологий как на социализацию,

так и на манипуляцию ценностными установками общественного сознания [5, с. 134].

Категория медиапространства в социально-философский дискурс была введена А. Аппадурой в статье «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике». В дальнейшем идеи данного концепта развивались в свете анализа теорий глобализации. А. Аппадурой обращал внимание на доминанту феноменологического и культурного-символического, а также на потерю связи ряда социальных процессов с конкретным физическим пространством. В современной социальной реальности конституируется своего рода «глобальный культурный поток», расходящийся на несколько символических направлений, пространств-потоков (landscapes):

- этнопространство, которое формируется иммигрантами, туристами, гастарбайтерами, беженцами;
- технопространство (поток технологий);
- финанс-пространство (оборот капитала);
- медиапространство (образно-символический поток);
- идеопространство (социальные мифы и идеологии) [цит. по: 6].

Данные изменчивые, нестабильные пространства представляют коммуникативную основу для тех миров, где взаимодействие субъектов происходит посредством символических обменов.

С точки зрения П. Бурдьё, медиапространство можно понимать как форму конвертации различных «капиталов» с помощью промежуточного «символического» звена. Соответственно, между адресатом и адресантом посредническую роль берут на себя новые медиа, которые достаточно популярны и обладают публичным авторитетом у необходимой социальной группы [7, с. 49]. Имеются в виду медиатехнологии, способные формировать общественное мнение и влиять на ценностные установки целевой аудитории. Необходимо понимать, что медиа представляют собой не только средства трансляции информационных потоков, они являются полноценной средой, в пределах которой формируются, эстетизируются и транслируются в социальную среду сконструированные культурные коды.

Данная коннотация дает возможность наделять медиапространство «территориальными» характеристиками, посредством которых оно может быть соотнесено с некой виртуальной территорией, относящейся к государству, выступая своего рода территориальным ресурсом. «Геополитический подход предполагает, что процессы, происходящие в медиапространстве (т. е. на определенной территории), могут быть описаны в терминах освоения, завоевания, колонизации»

[8, с. 58]. В работах такого плана круг проблем сосредоточен вокруг тем, связанных с открытостью и доступностью медиа-ресурсов, а также их ролью в политическом и экономическом развитии территориальных образований.

Интерпретация феномена медиaprостранства в символическом ключе включает в себе его понимание как гипертекстовой структуры. Подобно тому, как содержательно-информационное пространство является вместилищем широкого спектра взаимосвязанных концептов, образов, текстов, мифологем, медиaprостранство вмещает в своем поле знаковые «информационные единицы», среди которых выделяются ценностные установки, накопленные знания, верования. Подобный ракурс трактовки медиaprостранства формируется в русле культурологического подхода. Аналитическому рассмотрению в этом плане подвергаются жанры, стили и формы репрезентации локальных информационных единиц, а также коммуникативные технологии и способы их реализации.

С точки зрения социологического подхода, необходимо выделить модус специфически информационных взаимодействий индивидов и социальных групп при работе и различных манипуляциях с информационными потоками (формирование, сбор, обработка, трансляция, потребление). Исходя из данной интерпретации, можно исследовать ряд социально-структурных характеристик медиaprостранства, в частности задачи и функции СМИ, их институциональные формы, социальную дифференциацию аудитории, классификацию коммуникаторов и варианты взаимодействий. В современных условиях при сложившейся интенсивности глобализационных процессов и границы, и локальные территории становятся условностью.

В рамках конструктивистского подхода медиaprостранство можно интерпретировать как социальную реальность исходя из доминирующих в общественном сознании избранных акцентов при различных формах коммуникации. Игнорирование или продвижение тех или иных коннотаций зависит от общей структуры выстраивания общественного мнения. К примеру, тема попадает в определенный, заданный контекст, в результате чего потенциальные точки зрения по ее поводу ориентируются в определенном ключе, получая тем самым некоторое ограничение [9, с. 47]. Следует иметь в виду, что, несмотря на формирование общественного мнения, значительная часть аудитории становится интерактивной за счет обратной связи. Виртуальные сообщества позволяют субъектам коммуницировать в медиaprостранстве без привязки к локальным пространственно-временным параметрам, в связи с

чем большие группы людей могут одновременно принимать участие в обсуждении значимых для них социальных проблем.

В целом, учитывая разнообразие подходов и трактовок относительно исследуемой категории, многие ученые стремятся к интегральному рассмотрению, что дает возможность выделить ряд общих элементов во взглядах на феномен медиaprостранства. Фундаментом медиaprостранства служат медиа, которые, в свою очередь, способствуют формированию иных видов социальных пространств (культурно-исторического, религиозного, образовательного и пр.). Любые трансформации в медиaprостранстве непосредственно связаны с инновационными социальными процессами.

Медиaprостранство актуализирует ключевые тенденции социальной динамики, что позволяет анализировать его в контексте происходящих изменений, конструирует образ реальности, находящийся вне чувственного опыта конкретного индивида.

Таким образом, медиaprостранство является сложной системой, обладающей некоторым количеством структурных взаимосвязанных и взаимосвязанных элементов, подчиненных общим социальным закономерностям.

Современные социальные процессы, обусловленные глобализацией, все в большей степени включают каждого единичного субъекта и различные социальные группы в единую мировую сеть социальных идеологем, смыслов и культурных кодов, формируемых и транслируемых, в том числе и посредством медиaprостранства. В обыденной реальности современного человека медиaprостранство играет ведущую роль, не только сиюминутно «здесь и сейчас» фиксируя социальную данность, но и кодируя ее; через сознание людей, в некоторой степени подчиняя себе предметный мир. Ведь ряд явлений, о которых заявляет медиа, воспринимается людьми как реальная данность, как то, что «происходит на самом деле». Таким образом, включенность субъектов в медиaprостранство становится не менее значимой, чем связь с собственной культурной традицией. Процессы, протекающие в медиaprостранстве, ведут к изменению социальной реальности и трансформации моделей взаимодействия в ней.

Список литературы

1. Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003. 305 с.
2. Зубанова Л. Б. Современное медиaprостранство : подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6–17.

3. Болъц Н. Албука медиа. М., 2011. 136 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. 256 с.
5. Кириллова Н. Б. Медиа – личность – общество : критерии социально-психологического взаимодействия // Парадоксы медийной культуры : избр. ст. Екатеринбург, 2017. С. 258–261.
6. Бузин В. Н. Медиапространство в структуре социального пространства // Социум и власть. 2012. № 2 (34). С. 9–13.
7. Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопр. социологии. 1993. № 1/2. С. 40–51.
8. Монастырева О. В. Медиапространство : обзор представлений и подходов к пониманию // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 50. С. 145–149.
9. Сайко Е. Л. Массмедиа в эпоху глобализации : основные характеристики и тенденции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 4. С. 44–49.

Образец для цитирования:

Елисеева М. А. Медиапространство: социально-философский анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 4–7. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7>

Media Space: Socio-Philosophical Analysis

M. A. Eliseeva

Marina A. Eliseeva, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, ladymarina.eliseewa@mail.ru

The purpose of this article is to analyze various approaches to studying the problems of media space in modern society, as well as the definition of clear common characteristics attributed to media space in various theories of media in social philosophy. In the search for a universal definition of the phenomenon of media space, the author considers the socio-philosophical category of media space, understood as a special kind of reality, which includes the basic components of the socialization of modern man in the framework of not only social institutions, but also culture as a whole. The relevance of the chosen topic is reinforced by the widespread involvement of modern people in the media processes of society, which today essentially determines the successful socialization and information mobility of each of us. On the basis of the research done, the author of the article comes to the conclusion that in the everyday reality of modern man, the media space plays a leading role, simultaneously fixing social data and coding it, through the people's consciousness, to some extent subordinating the objective world to itself. Thus, the inclusion of subjects in the media space is no less significant than the connection with its own cultural tradition.

Keywords: media space, media, communication, globalization, Internet, ideology, information, society.

References

1. McLuhan M. *Understanding the media* (Russ. ed.: Maklyuehn M. *Ponimanie media*. Moscow, 2003. 305 p.) (in Russian).
2. Zubanova L. B. Modern Media Space: Approaches to Research and Principles of Interpretation. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2008, no. 2 (14), pp. 6–17 (in Russian).
3. Bolts N. *Azbuka media* (Russ. ed.: Bolts N. *The ABC of Media*. Moscow, 2011. 136 p.) (in Russian).
4. Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass*. Moscow, 2002. 256 p. (in Russian).
5. Kirillova N. B. Media – Personality – Society: Criteria for Socio-Psychological Interaction. In: *Paradoksy medijnoj kultury: izbr. st.* [Paradoxes of Media Culture. Selected Articles]. Ekaterinburg, 2017, pp. 258–261 (in Russian).
6. Buzin V. N. Media Space in the Structure of Social Space. *Socium i vlast* [Social Life and Power], 2012, no. 2 (34), pp. 9–13 (in Russian).
7. Bourdieu P. The Market of Symbolic Products. *Voprosy sociologii* [Questions of Sociology], 1993, no. 1–2, pp. 40–51 (in Russian).
8. Monastireva O.V. Media Space: Review of Ideas and Approaches to Understanding. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanities Science], 2010, iss. 50, pp. 145–149 (in Russian).
9. Saiko E. L. Massmedia in the Era of Globalization: the Main Characteristics and Trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, no. 4, pp. 44–49 (in Russian).

Cite this article as:

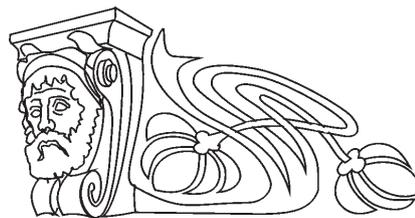
Eliseeva M. A. Media Space: Socio-Philosophical Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4–7. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7>

УДК 141.7

Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе

А. В. Гурьянова, В. А. Фролов

Гурьянова Анна Викторовна, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Самарский государственный экономический университет, annaguryanov@yandex.ru

Фролов Вячеслав Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский государственный экономический университет, frolov5070@yandex.ru

В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь патриотизма, нравственности и духовности человека. Духовность интерпретируется как главное условие и основа всех нравственных качеств и способностей человека, в том числе патриотизма. В сравнении с патриотизмом как духовным качеством личности духовность предстает как трансцендентальное условие личностного бытия, что позволяет считать ее более фундаментальным и, следовательно, первичным явлением. Исходя из этого, распространенная в литературе идея о том, что патриотизм служит основой духовности, подвергается критике. Напротив, патриотизм человека может быть сформирован лишь на основе развития его духовности. Выявляются условия формирования духовности и патриотизма в современном российском обществе. Попытка воспитать патриотизм при отсутствии работы, связанной с развитием духовности, признается бесперспективной.

Ключевые слова: патриотизм, духовность, нравственность, личность, воспитание, культура, ценность

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-8-11>

Проводя самостоятельную внешнюю политику и прилагая усилия к развитию промышленного потенциала, Россия сегодня пытается стать равноправным членом мирового сообщества, но при этом сталкивается с непониманием и недоверием в отношениях с западным миром. Запад провоцирует Россию на усиление обороноспособности и сам, имитируя боязнь вооруженной России, наращивает свой вооруженный потенциал, несмотря на целенаправленно предпринимаемые внешнеполитическим ведомством меры по налаживанию «дружеских», партнерских отношений со всеми ведущими странами мира. В такой ситуации российскому народу необходимо сплотиться в патриотическом порыве, мобилизовать все силы для укрепления государства и его обороноспособности. Однако, несмотря на усилия государственной власти, достичь масштабной мобилизации народа на основе идеи патриотизма пока не удается.

В сложившейся обстановке не исчезает потребность осмысления условий формирования патриотизма в России. На наш взгляд, этот анализ

должен быть направлен на выявление диалектической взаимосвязи патриотизма и духовности, поскольку именно духовность служит фундаментальной основой и условием патриотизма как такового. С философской точки зрения, духовность предстает как «...высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности; способность, открывающая возможность дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей» [1, с. 171]. Воспитание духовности является фундаментальным основанием развития нравственных качеств и способностей человека, включая и патриотизм.

М. К. Мамардашвили связывает духовность человека с бытием. Человек как духовное существо, как личность возникает в результате «второго рождения», через усилие, подчеркивает философ. То есть основным механизмом формирования личности является усилие, направленное на освоение духовности в качестве фундаментального основания бытия. При этом становление личности как бытийствующей структуры является самобытием, так как личность не имеет никаких оснований, кроме самой себя; она – «самобытийствующая структура в том смысле, что основание ее и есть она же сама» [2, с. 31]. Таким образом, духовность человека согласно М. К. Мамардашвили является сопряженной с наличием личностных оснований нравственных поступков и поведения, причем данные основания отличаются принадлежностью абсолютно другим пространству и времени, нежели привычные нам пространство и время конкретных государств или культур.

Духовность человека может быть истолкована как его способность жить согласно общечеловеческим ценностям. Она связывает отдельного индивида со всем человечеством, придает смысл его бытию, позволяет осознать свое предназначение в мире и историческое содержание высших общечеловеческих ценностей. Будучи результатом исторического творчества многих поколений, духовность в качестве сложной системы духовных норм и ценностей существует не как данность, а как идеальное требование, как заданность [3,

с. 276], является главным условием, базой, основанием всех нравственных качеств человека, а также его интеллектуальных способностей, возникающих исключительно на базе и при наличии духовности и реализующих ее в самой сущности.

Нравственные качества конкретного человека существуют в неразрывном единстве с духовностью как их основанием и это единство диалектическое – единство формы и содержания, явления и сущности. То есть в качестве всеобщего содержания нравственных качеств, в качестве их сущности выступает всеобщее (трансцендентальное) основание – человеческая духовность, например, совесть как таковая, в отличие от совестливых поступков отдельных людей; человечность как таковая, в отличие от конкретного поступка, когда человек чем-то жертвует ради другого человека; способность любить как таковая, которая реализуется в заботе о другом человеке, во вкладывании частицы своей души в другого человека, в то, чтобы любимый человек был счастлив. Именно поэтому у Гегеля сущность любви состоит в том, чтобы забыть себя в другом Я и в этом забвении и исчезновении вновь обрести себя и стать самим собой.

Исходя из вышеизложенного, довольно распространенная в литературе идея о том, что именно патриотизм служит основой духовности, а не наоборот, должна быть подвергнута критике. Критический анализ данной идеи важен в практическом плане, поскольку он показывает, что попытка воспитать патриотизм при отсутствии работы, связанной с развитием духовности, бесперспективна. На наш взгляд, это одна из причин неудач, связанных с реализацией четырех пятилетних Государственных программ (с 2001 по 2020 г.) по воспитанию патриотизма. Поэтому основные усилия необходимо направлять не на убеждение человека в том, что следует любить свое государство, а на создание условий для достойной жизни и счастья рядовых граждан этого государства.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что «роль и значение патриотизма приобретают особое звучание на крутых поворотах истории, когда объективные тенденции преобразования общества сопровождаются повышением физических и духовных сил его граждан, что особенно характерно в периоды войн, нашествий, социальных конфликтов, революционных потрясений, стихийных и иных бедствий. Проявление патриотизма в такие периоды отмечено высокими благородными подвигами, особой жертвенностью во имя своего народа, своего гражданского долга, своей Родины» [4, с. 229]. Или то, что «в переломные эпохи, когда идет смена ценностных ориентиров, меняется социальное положение и интересы всех слоев и групп, патриотизм становится тем стержнем,

вокруг которого группируются здоровые силы общества. Именно он придает смысл жизни и деятельности людей, помогает им объединяться» [5, с. 131].

Можно согласиться также и с тем, что «проблема патриотизма представляла и представляет собой одну из самых актуальных в сфере духовной жизни российского общества и воспитания детей» [6, с. 154]. Однако попытка связать «ослабление духовных социальных, культурных основ развития общества» лишь с «недооценкой патриотизма» [6, с. 157] представляется ошибочной, как и утверждение, что только «уровень патриотичности, его приоритетность определяет духовное возрождение общества, государства» [6, с. 157]. Напротив, «чтобы патриотизм вновь стал несомненной ценностной установкой, как обязательное условие возрождения страны и оздоровления нации, и при этом не произошло бы скатывания общественного мироосознания, мироощущения на позиции маргинализма и национализма, необходимо, прежде всего, оздоровление духовных основ жизни россиян» [7, с. 275].

Анализ связи духовности как трансцендентального условия личностного бытия и патриотизма, как духовного качества личности показывает, что духовность – более фундаментальное явление [8, с. 54], формирующееся чаще всего задолго до того, как человек начинает осознавать себя членом общества, государства, этноса, то есть с самого раннего детства. В семье, в условиях ближайшего окружения родных и близких, в атмосфере искренности, душевности и любви душа ребенка впервые открывается миру, его красоте и многообразию. Дальнейшее развитие человека – отрочество, юность, взросление – происходит уже в условиях контакта с обществом, от состояния которого во многом зависит формирование его индивидуальных нравственных качеств. Так что патриотизм человека вырастает также из некоей «общественной идеологии». Если атмосфера в обществе, общественная нравственность позиционированы в целом со знаком «плюс», это, несомненно, способствует укреплению нравственности социализирующихся в нем индивидов. Если же окружающая общественная среда не способствует укреплению нравственности и даже, напротив, противостоит ей, зачатки духовности могут «зачахнуть», и тогда нравственность деформируется, что ведет к формированию антисоциальных, антигуманных, аморальных ценностей [9, с. 299–300], – примерно так, как это произошло в России после распада Советского Союза. «Политическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация нравственных ценностей оказали негативное влияние на обще-

ственное сознание большинства социальных и возрастных групп россиян, а молодежи – в особенности. Молодежь теперь контактирует с новыми социальными реалиями и структурами, которых раньше просто не существовало» [10, с. 134].

Речь идет об уходе государства из сферы производства, расширении частного бизнеса, коммерциализации практически всех сфер социальной жизни, включая образование и здравоохранение; появлении новых форм собственности и труда; постоянно расширяющемся информационном пространстве (сеть Интернет) и его беспрецедентных возможностях – цифровых, виртуальных, информационных, коммуникационных [11, с. 102]. Многие СМИ сегодня целенаправленно проводят пропаганду не лучших ценностей прозападного толка – насилия, шовинизма, национализма, всепроникающего культа денег, что ведет к безработице и криминализации молодежной среды. Значительная часть современной российской молодежи не приемлет, а иногда и просто не знает ценностных устоев советских времен, что означает отсутствие преемственности, полный разрыв с традицией, свойственной этому предшествующему периоду в развитии нашей духовной культуры.

Однако отсутствие фундаментальных условий для наращивания духовности российского народа вовсе не означает, что следует пассивно ожидать, пока эти условия сами собой возникнут. Требуется приложить максимум усилий для восстановления чувства патриотизма и, как следствие, обретения российским обществом самоидентификации. Но патриотизм нельзя привнести извне, навязать, ввести каким-либо указом или постановлением. Поэтому ни призывы первых лиц государства к объединению нашего народа на основании интегративного потенциала патриотизма, ни принятие соответствующих концепций, государственных программ и законов, предусматривающих целый комплекс мер, не в состоянии разрешить данную проблему. В первую очередь потому, что понятия «патриотизм по отношению к существующему государству» и «патриотизм по отношению к своей стране» приобретают сегодня все более существенные смысловые различия [12, с. 29].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что патриотизм человека может быть сформирован лишь на основании развития его духовности, в ходе целенаправленного, согласованного воздействия, оказываемого на его сознание, эмоции и волю. Причем усилия, направленные на воспитание патриотизма, должны быть комплексными, так как этот процесс с необходимостью включает в себя следующую совокупность элементов: познавательный – предполагает наличие знаний об истории своей страны, своего народа, родного края,

что способствует формированию уважительного отношения и гордости за прошлое своей Родины; морально-волевой – предполагает формирование ценностей, мотивов и потребностей, связанных с активизацией творческой деятельности, процесса приобретения новых знаний; эмоциональный – включает положительные переживания по отношению к историческому прошлому страны; деятельностный – реализуется в форме стремлений и действий, направленных на развитие и укрепление родного государства.

Однако, как справедливо указывал И. А. Ильин, любить свою Родину, быть патриотом суждено далеко не каждому: «В основе патриотизма лежит акт духовного самоопределения. Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святынях своего народа» [13, с. 277]. Причина этого кроется в отсутствии у людей истинно духовного начала, вследствие чего личностно-эгоистические или эгоистические классовые интересы начинают ставиться над интересами более возвышенными и, в частности, подлинно патриотическими.

Список литературы

1. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. 719 с.
2. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М., 1996. 432 с.
3. Фролов В. А. Светское и религиозное понимание духовности и проблема воспитания современной молодежи // Духовно-нравственные проблемы информационного общества. Самара, 2012. С. 267–288.
4. Козырев С. А. Некоторые подходы к патриотическому воспитанию молодежи // Образовательная среда сегодня : стратегии развития. Чебоксары, 2015. С. 228–234.
5. Кобзистая М. В., Ледовских Е. А. Патриотическое воспитание личности в эпоху перемен // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 4. С. 130–134.
6. Шумилина Ю. В., Мезенцева Е. А. Патриотическое воспитание как необходимое условие духовно-нравственного воспитания // Система ценностей современного общества. 2016. № 49. С. 154–158.
7. Матвеева С. В., Филинова Н. В., Матвеев П. А. Патриотическое воспитание как фактор формирования ценностных установок в высшей школе // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51–5. С. 270–276.
8. Гурьянова А. В. Роль философии в становлении ценностей всечеловечности и интернационализма // Патриотическое и гражданское воспитание молодежи : традиции и современность. Самара, 2012. С. 52–59.

9. Фролов В. А. Проблемы патриотического воспитания молодежи // Духовно-нравственные проблемы информационного общества. Самара, 2012. С. 299–314.
10. Мозговая Л. П. Патриотическое воспитание молодежи на народных традициях // Учитель и время. 2014. № 9. С. 134–139.
11. Guryanova A., Khafiyatullina E., Kolibanov A., Makhovikov A., Frolov V. The Impact of Information on Modern Humans // Advances in Intelligent Systems and Computing / ed. by E. Popkova. Springer Cham, 2018. Vol. 622. P. 97–104.
12. Памятушева В. В. Воспитание патриотического сознания студенческой молодежи // Евразийский Союз ученых. 2015. № 4 (13). С. 28–30.
13. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : сочинения. М., 2007. 911 с.

Образец для цитирования:

Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-8-11>

Spirituality as a Basis of Morality and Patriotism in a Modern Russian Society

A. V. Guryanova, V. A. Frolov

Anna V. Guryanova, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoy Armii Str., Samara 443090, Russia, annaguryanova@yandex.ru

Vyacheslav A. Frolov, Samara State University of Economics, 141 Sovetskoy Armii Str., Samara 443090, Russia, frolov5070@yandex.ru

The article considers the dialectical correlation between patriotism, morality and spirituality. Spirituality is interpreted as the main condition and basis of all moral qualities and abilities of the human being, including patriotism. In comparison with patriotism as a spiritual quality of the person, spirituality looks like a transcendental condition of personal existence, which allows us to interpret it more fundamentally and, therefore, primary phenomenon. Based on this, the widespread idea found in literature according to which patriotism is the basis of spirituality is criticized. On the contrast, patriotism of a person can be formed only on the basis of the development of his spirituality. The conditions of spirituality and patriotism formation in modern Russian society are revealed. An attempt to form patriotism without the work related to development of spirituality is considered hopeless.

Keywords: patriotism, spirituality, morality, personality, education, culture, value.

References

1. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Ed. I. T. Frolov. Moscow, 2001. 719 p. (in Russian).
2. Mamardashvili M. K. *Neobhodimost' sebya. Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki* [The need of own self. Lectures. Articles. Philosophical notes]. Moscow, 1996. 432 p. (in Russian).
3. Frolov V. A. Secular and Religious Understanding of Spirituality and the Problem of Education of the Modern Young People. In: *Duhovno-nravstvennyye problemy informacionnogo obshchestva* [Spiritual and Moral Problems of Information Society]. Samara, 2012, pp. 267–288 (in Russian).
4. Kozyrev S. A. Some approaches to patriotic education of the young people. In: *Obrazovatel'naya sreda segodnya: strategii razvitiya* [Educational Environment Today: Development Strategies]. Cheboksary, 2015, pp. 228–234 (in Russian).
5. Kobzistaya M. V., Ledovskih E. A. Patriotic Education of the Person in an Epoch of Change. *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Modern Problems of Humanities and Social Sciences]. 2014, no. 4, pp. 130–134 (in Russian).
6. Shumilina Yu. V., Mezenceva E. A. Patriotic education as a necessary condition of spiritual and moral education. *Sistema cennostey sovremennogo obshchestva* [Value system of the modern society], 2016, no. 49, pp. 154–158 (in Russian).
7. Matveeva S. V., Filinova N. V., Matveev P. A. Patriotic Education as a Factor in the Formation of Values in Higher Education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of the Modern Pedagogical Education], 2016, no. 51–5, pp. 270–276 (in Russian).
8. Gur'yanova A. V. The Role of Philosophy in the Formation of Values of Humanity and Internationalism. In: *Patrioticheskoe i grazhdanskoe vospitanie molodezhi: tradicii i sovremennost'* [Patriotic and civic education of the young people: traditions and modernity]. Samara, 2012, pp. 52–59 (in Russian).
9. Frolov V. A. The problems of patriotic education of the young people. In: *Duhovno-nravstvennyye problemy informacionnogo obshchestva* [Spiritual and Moral Problems of Information Society]. Samara, 2012, pp. 299–314 (in Russian).
10. Mозговая Л. П. Patriotic Education of the Young People in National Traditions. *Uchitel' i vremya* [Teacher and Time], 2014, no. 9, pp. 134–139 (in Russian).
11. Guryanova A., Khafiyatullina E., Kolibanov A., Makhovikov A., Frolov V. *The Impact of Information on Modern Humans. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Ed. by E. Popkova. Springer Cham, 2018, vol. 622, pp. 97–104.
12. Pamyatusheva V. V. Education of Patriotic Consciousness of Students. *Evrazijskij Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2015, no. 4 (13), pp. 28–30 (in Russian).
13. Il'in I. A. *Pochemu my verim v Rossiyu: Sochineniya* [Why we believe in Russia: Essays]. Moscow, 2007. 911 p. (in Russian).

Cite this article as:

Guryanova A. V., Frolov V. A. Spirituality as a Basis of Morality and Patriotism in a Modern Russian Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-8-11>

УДК 316(075.8)

Культура, цивилизация, религия в современном мире

М. В. Каткова

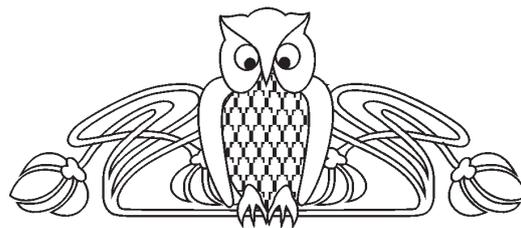
Каткова Маргарита Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, margo996@yandex.ru

Статья посвящена концептуализации в современном мире таких феноменов, как культура, цивилизация и религия с позиции институционального подхода. Поставленная задача включает в себя, во-первых, анализ этих явлений в рамках социально-философского измерения, во-вторых, осмысление религии, оказывающейся в центре цивилизационной идеологии, которая выражается в иудео-христианских ценностях на Западе и этике ислама на Востоке. На основе проведенного анализа сформулирован вывод, согласно которому в современном международном порядке нет необходимости смешивать культуру, господствующую в глобальном мировом масштабе, с более универсальным понятием цивилизации, используемым в разной степени во всех культурах для определения общего в данный период истории состояния материального прогресса. С точки зрения институционального подхода, понятие цивилизации шире понятия культуры, так как всегда включает определенную культуру как основу: философии, музыки, литературы, поэзии, а также масштабных социальных, политических и правовых институтов, где развивалась эта культура. Обращение к религии в современном мире служит легитимации политических или экономических программ, мобилизации мнений за счет нагнетания эмоционального заряда «цивилизации». Однако эти явления не означают, что человечество в XXI в. погрузится в религию или что современное общество захватит религиозный ренессанс, который создаст новые духовно-нравственные ценности.

Ключевые слова: культура, цивилизация, религия, международный порядок, духовные ценности, цивилизационная модель, религиозность, религиозный ренессанс, техногенная цивилизация, религия в современном мире.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-12-15>

В современном мире при употреблении понятий «культура» и «цивилизация» отмечается двусмысленность, возникающая тогда, когда они не применимы к нации или народу, которые их образуют. К примеру, может быть русская, французская, египетская, греческая, арабская, китайская и другая культура. Для этого требуется определенный язык, который нужно сохранить, если только это не касается научной культуры, которая является мертвым языком, например латынь, средневековая европейская культура. Предполагается, что живые культуры национальны. С позиции институционального подхода такое утверждение можно отнести к понятию

цивилизации, которое шире понятия культуры, так как всегда включает определенную культуру в качестве основы: философию, музыку, литературу, поэзию, а также масштабные социальные, политические и правовые институты, в которых эта культура развивалась [1, с. 222]. В современных исследованиях понятие «цивилизация» часто используется для установления стадии, достигнутой в развитии общества, а также при определенном уровне функционирования культуры во всех ее составляющих. Иными словами, цивилизация – это такой уровень и состояние общества, которому присущи высокий взлет культуры и ее эффективное функционирование во всех отраслях бытия общества.

В основе цивилизации лежит единство материальных и духовных ценностей общества. Оно возникает одновременно с прибавочным продуктом, который позволяет определенной части общества заниматься интеллектуальным трудом, формировать духовно-нравственные ценности, а это предполагает наличие письменности. Не существует цивилизации без письменности и оседлого образа жизни, нет цивилизации без городов [2, с. 175]. Существуют греческая, японская, итальянская, китайская и другие цивилизации.

Современное техногенное общество можно трактовать как особый тип цивилизации, как особый этап в развитии человечества, для которого характерно понятие «постиндустриальная фаза». То есть изначально в рамках индустриализации, эпохи постиндустриализации техногенное общество вступило в новый этап развития, который обусловлен качественным повышением роли технических средств в социальной жизни каждого социального объекта [3]. Если на промышленном этапе развития существовала только техническая социальная практика использования механизмов, механических машин, то сейчас эти процессы характеризуются информатизацией, медиатизацией, компьютеризацией. Поэтому постиндустриальное общество может быть названо «техногенным». В то же время появление техногенной цивилизации является рискованным социальным фактором и развития общества, и существования человека, главным образом доминирования инструментального отношения к природной среде, что способствует созданию рабочих мест, а

также безудержному развитию искусственной среды, характеризующейся как «техносфера».

Трудность в использовании двух этих взаимосвязанных понятий детерминирована универсализацией цивилизации и культуры, являющейся базовой для нее. Так, в эпоху эллинизма греко-римская культура распространилась по всему Средиземноморью от Галлии (Франции) до Персии; Франция во времена Наполеона Бонапарта экспортировала свои институты и ценности по всей Европе, ее культура консолидировалась среди европейской элиты уже в эпоху Просвещения, а в период колониальных завоеваний французская культура и язык распространились и за пределы Европы – например этот механизм проявился во взаимодействии русской и французской культур в XIX в., что, в свою очередь, значительно повлияло на процесс культурного развития России. Английская культура, которую зачастую называют англосаксонской, значительно распространилась во время завоеваний Америки, а затем Индийского континента, послужила базой для техногенной цивилизации. Из-за весьма важной роли, которую играют на мировой арене Соединенные Штаты Америки в современном социуме, англосаксонская культура и английский язык становятся общими для элит всего мира, а это наносит ущерб национальным культурам, подводит их под один техногенный шаблон.

Так что не стоит смешивать культуру, которая доминирует на глобальном уровне и поддерживает американскую сверхдержаву, и общую концепцию техногенной цивилизации, которую можно использовать в разной степени в каждой культуре, чтобы определить общее состояние, историю материального развития, знания, развитие философии, морали, нравственности. И, если великие нации-государства XIX в. чаще всего воспринимают Европу в собственной культуре как высшую ступень цивилизации, то все же не стоит совмещать два значения этого слова: одно, которое характерно для национальной культуры, политических, социальных, научных институтов, а также то, которое нами выделено. Но в настоящее время такое смешение понятий просто подпитывает нарциссизм США, который идентифицирует чувство западной идентичности и принадлежности к цивилизации как таковой. До тех пор, пока будет выдерживаться эта «разноголосица», содействующая беспорядочным использованиям невероятно различных понятий, таких как «народ», «нация», «раса», «культура», «религия», «цивилизация» (при этом они почему-то понимаются как синонимы, деформированная идеология «столкновения цивилизаций» [4]), которая продолжается в XXI в., будет оста-

ваться, как и прежде, убедительным элементом «декораций» новой мировой геополитики, где господствует сверхдержава – Соединенные Штаты Америки [5].

Данная поверхностная, упрощенная идеология несколько искажена, потому что получила ту же ошибку, ограниченный взгляд на реальность. Нет никаких сомнений в том, что завоевательная культура, представленная в разные исторические эпохи, должна развиваться в международном порядке, что обусловлено значительными политическими событиями и экономическими процессами. Экономика, как политика и идеология, есть неотъемлемая область культуры и, следовательно, она имеет самое непосредственное отношение к вопросам этики, политики и социальной философии. Обсуждение и решение фундаментальных экономических проблем должно происходить вкупе с актуальными философскими и культурологическими вопросами [6, с. 36].

В самом центре воинствующей цивилизации стоит религия, которая выражается в иудео-христианских ценностях Запада, а также в этике ислама на Востоке. Но современная культура согласно немецкой классической философии, по мнению Ф. Ницше, М. Хайдеггера, развивала концепцию цивилизации, вероятно, построенной на руинах религии или, по крайней мере, самой религиозной цивилизацией, которой была Европа, рассматриваемая до эпохи Возрождения. Обращения к религии, следовательно, узаконивают мелочные политические или экономические планы, мобилизацию мнения из-за разрядки эмоционального заряда «цивилизации». В современном мире формирование, а затем и начало распространения понятия «иудейско-христианские ценности» свидетельствует, следовательно, о своеобразной культурной революции: это новое, модное понятие бесцеремонно вытеснило веру, греко-римские корни Запада, которые господствовали со времен Возрождения [1, с. 225].

Несомненно, никто не может игнорировать ту роль, которую религии играют в формировании культур и, соответственно, цивилизаций. Но религия в наши дни – это всего лишь один из огромного числа элементов цивилизации, так как прошло время цивилизаций, основанных только на религии и ее ритуалах, к примеру, христианской Европы эпохи Средних веков или средиземноморского ислама времен его расцвета в IX–XI столетиях. Прогресс науки, техники, массового потребления, экономический рост и экологические проблемы стали первостепенными проблемами человечества в современном мире, нет цивилизации, основывающейся только на системе религиозных ценностей. Тот факт, что

в исламе или иудаизме сохраняются сообщества, строго придерживающиеся старинных религиозных ритуалов, никоим образом не позволяет сделать вывод о подобных феноменах, которые охватывали бы значительные культурные регионы или, тем более, все человечество. На территории Дальнего Востока и Индийском континенте встречаются подобные примеры как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Такovy буддийские бхикшу, йоги, шаманы и т. д. Некоторые народы оказываются привязанными к той или иной религиозной практике, например жители Тибета. Тем не менее эти явления не означают, что человечество в XXI в. погрузится в религию или что современный социум охвачен религиозным ренессансом, который создаст новую этику, станет следующим этапом истории.

Однако невозможно усомниться в том, что образ глобальной цивилизации, которая распространяется мировой системой масс-медиа, все чаще и в большем количестве отмечает религиозные манифестации и праздники: появление телеканалов «Союз» и «Спас» с 2005 г., строящих свою работу на православных ценностях, возникновение целого блока репортажей о религиозных праздниках на центральных каналах телевидения и т. п.

Очевидно, что модель цивилизационного развития XXI в. в США как мировой сверхдержавы отличается от модели XX в., когда европейская модель принципа национальностей, философии, образования, религии, которая никогда не считалась базовой матрицей культуры, идентичности, все еще преобладала. На протяжении веков, глубоко интегрируя в себя религиозные общества, Европа во многом потерпела урон в период религиозных войн в эпоху Средневековья. Ради индивидуальной свободы, освобождения народов от всех форм авторитаризма, особенно власти правителей, руководствующихся Божественным Законом, и строгого надзора за интеллектуальной жизнью, осуществляемого Римско-католической церковью, предстояло пройти долгий, трудный путь.

Законотворцы Соединенных Штатов Америки очень хорошо это понимали, потому что согласно Конституции 1776 г. церковь отделена от государства, особенно это касалось тех фактов, что протестантские деноминации подвергались гонениям, требовали помощи от государства по спорным вопросам. Отцы-основатели как представители деизма и гуманизма хотели, чтобы религия не обладала политическим статусом во избежание столкновений, которые происходили в странах Европы [7]. Именно данное обстоятельство, скорее всего, позволило сохранить в Соединенных Штатах динамику протестантизма,

религиозной практики, поддерживать идеологию завоевания Новой Земли Обетованной, в то время как в Европе расширение зоны действия государства, социальной, образовательной сферы дало возможность гражданам жить без так называемых «услуг» Церкви. Поэтому прогрессирующая «дехристианизация» Европы, которая выражается в ослаблении религиозных практик, достижении пика, а также в социальных, политических изменениях Италии, Португалии, Испании, Греции, в тех странах, которые оставались бастионами интенсивной религиозной практики, продолжалась до середины 1960-х гг. По мнению М. О. Орлова, «мировая историческая конъюнктура XXI в. вынуждает сформировать качественно новые дискурсивные принципы государственных взаимодействий, поскольку неоднозначные социокультурные, социально-политические и социально-экономические процессы требуют не только адекватного осмысления, но и поиска отвечающих им коммуникационных технологий» [8, с. 46].

В сложившейся ситуации остается дилемма, состоящая в том, что цивилизационную модель, преобладающую в начале XXI в. (в большей степени американская, а не европейская), необходимо укреплять или обращаться к религии как к твердому ядру, чтобы оставить свой след для всех других обществ? Ответ зависит от многих факторов, которые довольно сложно оценить [9]. Если учесть, что скорость, с которой менялся интеллектуальный, политический ландшафт за последние тридцать лет изменилась, думается, что маятник, колеблясь от «конца» религии к религиозному ренессансу, а затем обратно, наконец придет в наиболее сбалансированное положение. Суть вопроса в том, сколько войн понадобится во имя «цивилизации», чтобы стать чуточку мудрее, а также создать международную политическую этику, которая выгодно отличалась бы от той, что создало современное общество.

Список литературы

1. *Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М., 2012. 288 с.
2. *Листвина Е. В., Орлов М. О.* Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1. С. 174–189.
3. *Шатовалов Ю. В.* Специфика техногенной цивилизации в условиях глобализации : дис ... канд. филос. наук. Армавир, 2010. 175 с.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.
5. *Köchler H.* The International Progress Organization and the Dialogue among Civilizations and Religions (1972–2012). URL: <http://www.i-p-o.org/KOECHLER>

- IPO-and-Dialogue-among-Civilizations-REPORT-Doha-IPO-OP-2013.pdf (дата обращения: 31.03.2018).
6. Орлов М. О. Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления : стратегии Европы и Китая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 36–40.
 7. Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2010. 308 с.
 8. Орлов М. О. Межкультурная дискурсивная стратегия : социально-философский анализ взаимодействия России и Китая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 46–50.
 9. Dallmayr F. Who are we? What is WPF – Dialogue of Civilization? URL: <http://wpfdc.org/rhodesforum/18360-who-are-we-what-is-wpf-dialogue-of-civilizations> (дата обращения: 31.03.2018).

Образец для цитирования:

Каткова М. В. Культура, цивилизация, религия в современном мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-12-15>

Culture, Civilization, Religion in the Modern World

M. V. Katkova

Margarita V. Katkova, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, margo996@yandex.ru

The article is devoted to the conceptualization of the phenomena of culture and civilization, as well as the role of religion in the modern world. The task includes, firstly, the analysis of these phenomena in the framework of the socio-philosophical dimension and secondly, understanding of religion as the center of civilizational ideology, which is expressed in the Judeo-Christian values in the West and the ethics of Islam in the East. On the basis of the analysis it is concluded that in the modern international order there is no need to mix the globally prevailing culture with a more universal concept of civilization, which is used to varying degrees in all cultures to determine the general state of material progress in a certain period of history. The concept of civilization is broader than the concept of culture, as it always includes a certain culture as the basis: philosophy, music, literature, poetry, as well as large-scale social, political and legal institutions, where this culture developed. The appeal to religion in the modern world serves to legitimize political or economic programs, to mobilize opinions by increasing the emotional charge of «civilization». However, these phenomena do not mean that humanity will plunge into religion in the XXI century or that modern society will capture a religious renaissance, which will create new spiritual and moral values.

Keywords: culture, civilization, religion, international order, spiritual values, civilization model, religiosity.

References

1. Korm J. *Religiozniy vopros v XXI veke. Geopolitika i krizis postmoderna* [Religious Question in Twenty-First Century. Geopolitics and Postmodern Crisis]. Moscow, 2012. 288 p. (in Russian).

2. Listvina E. V., Orlov M. O. Living space civilizations. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2007, no. 1, pp. 174–189 (in Russian).
3. Shapovalov Yu. V. *Specifika tehnogennoy civilizatsiy v usloviyah globalizatsii* [The Specificity of Industrial Civilization in the Conditions of Globalization]. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Armavir, 2010. 175 p. (in Russian).
4. Huntington S. Clash of civilizations. Moscow, 2003. 603 p. (in Russian).
5. Köchler H. The International Progress Organization and the Dialogue among Civilizations and Religions (1972–2012). Available at: <http://www.i-p-o.org/KOECHLER-IPO-and-Dialogue-among-Civilizations-REPORT-Doha-IPO-OP-2013.pdf> (accessed 31 March 2018).
6. Orlov M. O. Dynamics of Globalizing Economy in Discursive Management Context: European and Chinese Strategies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 3, pp. 36–40 (in Russian).
7. Beilin B. *Ideologicheskie istoki amerikanskoy revolyucii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. Moscow, 2010. 308 p. (in Russian).
8. Orlov M. O. Intercultural Discursive Strategy: Social-Philosophical Analysis of the Interaction between Russia and China. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 46–50 (in Russian).
9. Dallmayr F. *Who are we? What is WPF – Dialogue of Civilization?* Available at: <http://wpfdc.org/rhodesforum/18360-who-are-we-what-is-wpf-dialogue-of-civilizations> (accessed 31 March 2018).

Cite this article as:

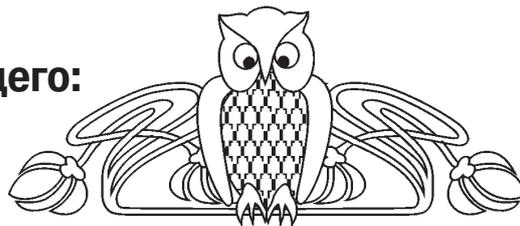
Katkova M. V. Culture, Civilization, Religion in the Modern World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-12-15>

УДК 101.1:14

Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора

А. Л. Крайнов

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарно-педагогических наук, Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, kraiival@sgau.ru

Статья посвящена анализу постмодернистской философской рефлексии проблемы постчеловечества в аспекте анализа взаимосвязи развития робототехники и увеличения тенденций к бесполости. Философия постмодерна, мировоззрение трансгуманизма и философские взгляды киберфеминизма способствовали становлению и развитию новой постгуманистической системы ценностей, заменяющей человека неким подобием бесполого монстра, сочетающим в себе смесь человека, животного и машины. Идеалом постгуманистической философии является торжество постчеловека, который сочетает в своем теле множество обликов, растворен в сети Интернет, является отчасти киборгом, способен менять свой гендер по желанию или вовсе им не обладает. С одной стороны, ценности постгуманизма актуализируются в виде деперсонализации человека в сети Интернет и его сращивании с машиной-компьютером/смартфоном, с другой – в создании человекообразных роботов-андроидов, обладающих зачатками искусственного интеллекта, входящих в интимные и правовые отношения с человеком. Таким образом, человеческое общество постепенно перестает быть традиционным, принимая в свою систему ценностей новые постценности, заигрывая тем самым не столько со своим трудно обозримым бессмертием, сколько с четко обозначенной конечностью своего бытия.

Ключевые слова: постмодернизм, трансгуманизм, постгуманизм, постчеловечество, киберфеминизм, посткультура.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20>

Актуальность исследования обусловлена все возрастающей ролью техники в жизни человека, в частности информационной робототехники. Формируется уникальная модель взаимодействия человека и робота, при которой робот перестает быть объектом, но приобретает все черты полноправного субъекта отношений с человеком. Такое развитие событий нуждается в философской рефлексии.

Цель исследования заключается в анализе постмодернистского основания проблемы постчеловечества.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по биоэтике, философской антропологии, лекций по философии постмодернизма и трансгуманизма.

Согласно определению, представленному на сайте Российского трансгуманистического

движения, понятие «постчеловеческое время» представляет собой время господства сверхтехнологий: наномедицинских, молекулярно-биологических, компьютерно-сетевых, информационно-медийных и т. п. [1]. Актуализации постчеловеческого бытия способствуют идеологии транс-постгуманизма, в основе которых лежит вера в победу над смертью с помощью современных технологий и транснауки.

По мнению Т. Д. Федоровой, проблема осмысления феномена трансгуманизма требует интегративного подхода, позволяющего выявить современные философско-антропологические проблемы человека [2, с. 148]. В научной литературе до сих пор нет четкого разграничения трансгуманизма и постгуманизма. В большинстве упоминаний данные понятия выступают как синонимы, тем не менее можно попытаться разделить их по смысловой нагрузке. Под трансгуманизмом чаще всего понимается идеология, полагающая технологический процесс в качестве основания перехода общества к постчеловеческому (постгуманистическому) будущему, а понятие «постгуманизм» выступает как подтверждение наступления эры постчеловека.

Следует отметить, что идеологическую базу для мировоззрения постгуманизма и трансгуманизма во многом заложили представители постмодернистской философии. По мнению Е. Н. Гнатик, движение трансгуманизма, конструируя идеал постчеловека (искусственно сконструированного существа – не-человека), вносит существенный вклад в развитие постмодернистской рефлексии, заявляющей о «смерти человека» [3, с. 124].

«Смерть человека» предполагает смерть традиционной метафизики, означающей наличие вопрошающего о сущности, и утверждение антиэссенциалистского подхода к проблеме человека, полагающего отсутствие четкого определения его сущности. Понятие «ризомы», введенное в философский дискурс Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [4], опровергает онтологические принципы эссенциализма, системности и иерархичности, заменяя их децентрализованной моделью бытия, отдавая предпочтение мутуализму и гибридизации без центра и начала, любому демонтажу и модификации, разрыву и перевороту [5]. Понятия

«субъект», «статичность», «гендер», «автор» исчезают, уступая место киборгам-мутантам, номадичности, бесполости и интерпретации.

Ж. Бодрийяр придал онтологический статус тексту: «Вне текста не существует ничего» [6, с. 318]. Текст (гипертекст) становится большей реальностью, нежели автор, его создавший, и в зависимости от множественности интерпретаций являет себя во множестве смыслов, каждый из которых обладает истинностью и правом на существование. Более того, понятие «симулякр» Ж. Бодрийяра как нельзя лучше подчёркивает приоритет гиперреальности над реальностью. В этом заключается такой базовый принцип постмодернизма, легший в основу постгуманистического мировоззрения, как антиреализм. Согласно Ж. Бодрийяру постгуманистическая реальность представляет собой не что иное, как мир машин, взявших на себя заботу о человеке [6]. В результате человек воспринимается как нечто, лишь незначительно превышающее биты информации и входящее в общую систему общественного устройства [7].

На схожих мировоззренческих позициях приоритета гиперреальности над реальностью, рассматривающих сознание человека как цифровую информацию, стоят представители трансгуманистического иммортализма, предлагая реализовать бессмертие человечества в цифровой реальности [8]. Известный футуролог Р. Курцвейл обозначил момент перехода человечества к данной стадии понятием «технологическая сингулярность», под которым он подразумевает воплощение таких технических новшеств, как создание искусственного интеллекта, улучшение мозга за счет биотехнологий, объединение человека и компьютера [9]. Согласно Р. Курцвейлу мозг человека в скором времени можно будет очищать от ненужной информации [9] подобно компьютерной флеш-карте или жесткому диску. Смерть человека в реальном мире будет преобразована в его бессмертие путем оцифровки сознания. Человек растворится в виртуальном мире, соединясь в одно целое с машиной (компьютером), и обретет сверхновые мыслительные способности, никак не связанные с его утраченным биологическим естеством (генетической предрасположенностью и т. п.). Таким образом, оцифровка сознания человека вместе с его единением с машиной породит ту самую метафизическую смерть, когда субъект утратит самого себя, свой гендер, превратясь в часть бесполого виртуального мира.

Если для классической философии характерно понимание бытия как наличия или при-

сутствия, то постмодернистская философия позиционирует себя как метафизика отсутствия, а постгуманистическая философия – как отсутствие пола. Согласно Ж. Бодрийяру человеческое существо в ситуации после постмодерна уже не балансирует на пределе сексуального, но пытается преступить эти пределы. Однако «снятие» сексуального приводит к возникновению транссексуального. «Транссексуалы – эти новые Франкенштейны – путем аэробики, косметики, химии и медицины создали себе новое искусственное тело-протез, которое лишено явных половых признаков» [10, с. 29]. Поскольку транссексуал является киборгом, он существует вне контекста не только различий между полами, но и различий между человеком и машиной [11].

Известный исследователь вопросов постгуманизма Ф. Феррандо считает, что начало постгуманистическому мировоззрению было положено в 90-х гг. XX в. в рамках феминистского движения, когда под сомнение были поставлены классические смысловые оппозиции 1970-х гг.: природа–культура, женщина–мужчина, темнокожий–белый, классическая половая ориентация–неклассическая половая ориентация [12, с. 169]. Феминистский дискурс был сфокусирован на определении границ между натурой и культурой, мужским и женским и пришел в итоге к утверждению невозможности их четкого установления.

В частности, понятие «номадическая субъектность», автором которого является представитель феминистского движения и философии постгуманизма Р. Брайдотти, предполагает новую форму субъектности, построенную на множественности различий и отсутствии иерархии. Важная мысль автора заключается в том, что благодаря Ф. Ницше, З. Фрейду и К. Марксу в сферу теоретической деятельности проникает идея, согласно которой субъектность больше не совпадает с сознанием [13, с. 223]. Именно с этого момента, когда было подвергнуто сомнению онтологическое основание картезианской субъективности и самой идеи маскулинности как ее основания, начинается утверждение нового – постгуманистического мировоззрения. Номадическая субъектность, таким образом, относится к сфере критического сознания, которое сопротивляется всяким предустановленным режимам мысли и поведения [13, р. 5].

Мировоззрение постгуманизма, согласно К. Барад, началось со смешения понятий «природа» и «культура», точнее, они оказались внутренне запутанными [14]. Д. Харауэй ввела в философский оборот для лучшего представления

данной смешанности понятие «natureculture», что можно перевести как «природакультура» [15]. В своей работе «A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century» она призывает к пересмотру концепции пола, отходя от западного патриархального эссенциализма к «утопической мечте о надежде на чудовищный мир без пола», заявляя, что киборгов можно более серьезно рассматривать как частный аспект пола и сексуального воплощения. Уже в конце XX в. стираются границы между человеком, животным и машиной. Д. Харауэй выступает в рамках критики как традиционной, так и радикальной феминистических концепций за то, что они допускают существование оппозиции «мужское–женское», то есть наличие гендера. Этот мир, основанный на смешении животных–людей–машин, и будет представлять собой постчеловечество.

Прообраз постчеловека был заложен еще в начале XIX в. в романе английской писательницы М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» [16], в котором ученый Виктор Франкенштейн, овладев способом оживления неживой материи, создал монстра и чуть было не создал для него женщину-невесту. Тема Франкенштейна и поныне служит лейтмотивом современного постгуманистического мировоззрения и по-новому представлена в рамках киберфеминизма в понятии «Patchwork Girl» («Лоскутная девочка») в одноименной гипертекстовой работе Дж. Шелли [17]. «Лоскутная девочка» есть та самая невеста, оживление которой было прервано Франкенштейном, представляющая собой частично мужчину, частично женщину, частично животное, воскресшая благодаря писательскому таланту Дж. Шелли в гипертекстовой среде, ставшая любовницей и одним целым с автором. Цель этой пьесы – не только дать читателю осознать структуру «Лоскутной девочки» как нечто целого, но и осознать все части в отдельности, которые необходимо «собрать» (посредством гипертекстовой технологии) вместе, чтобы создать единую структуру. Каждый сегмент «Лоскутной девочки» позволяет вывести к осознанию целого многовариантной комбинацией гипертекстовых ссылок, являя разные сочетания слов и изображений.

Основная идея Дж. Шелли заключается в том, что гипертекстовый мир реальнее настоящей – телесной субстанции. В этом заключается или будет заключаться подлинное бытие постчеловечества. «В гипертексте все происходит сразу и одинаково взвешено. Это тело, мозг которого

рассеян по клеткам, преисполнен возможностей, слаб в нерешительности или чрезмерно силен в уже принятых решениях, как лоза будет изгибаться, но дерево может упасть» [17]. Поэтому Дж. Шелли прибегает к концепции изгнанного тела («banished body»), которое представляет собой гипертекст (как и «Лоскутная девочка»), децентрализовано, не имеет размера и местоположения, нестабильно, моментально изменяется, не имеет границ, является сборищем всего того, от чего мы хотим избавиться, но не можем уничтожить.

Идея децентрализации и «лоскутного» существования как оппозиция системности и упорядоченности все больше проникает в современное бытие человека, актуализируясь в гипертексте как основном способе представления информации в сети Интернет, клиповом мышлении, феномене трансгендерности. Сознание «лоскутного» человека постоянно собирает и удерживает в памяти все свои виртуальные воплощения. В итоге мы имеем болезненно зависимых от Интернета людей, страдающих клиповым мышлением, неспособным к анализу больших объемов серьезной информации, утративших представление о настоящей реальности, страдающих нарушениями гендерной самоидентификации.

Пока вместо ожидаемого транс- и постгуманистами прогресса у традиционного человека наблюдается деградация, в то время как существенный прогресс достигнут в области роботостроения, в частности, в создании человекоподобных роботов-андроидов, обладающих зачатками искусственного интеллекта, искусственной ничем не отличающейся от человеческой кожей, умением передавать мимику, возможностью менять пол по требованию и фантастическими способностями к обучению. Беспрецедентный факт произошел в октябре 2017 г., когда подобный робот-андроид «женского пола» София получила официальное гражданство Саудовской Аравии, приобретя вместе с ним все права и обязанности гражданина данного государства и автоматически человека, т. е. стала, по сути, постчеловеком [18]. Видимо, эра постчеловечества будет представлена со-бытием человека с роботом. Пока это трудно осмыслить, но можно констатировать факт, что сегодня для данного сожителства сделаны все необходимые шаги, в частности, роботы постепенно входят в интимную сферу человечества [19], также они уверенно лишают человека привычных рабочих мест [20], ставя его перед проблемой экономического выживания.

Таким образом, для избегания деградации и перспективы быть вытесненными на второй план постлюдьми-роботами человечеству важно определиться с ценностными приоритетами, чтобы его творение, подобно монстру Франкенштейна, не стало доминировать над ним. Согласно Н. З. Алиевой необходимо тщательно взвесить все «за» и «против», прежде чем вторгнуться не только в биологическое начало человека, но и в его духовное естество [8, с. 203].

Выводы:

1. Проблема постчеловечества является слабо изученной, имеет множество интерпретаций и требует серьезнейшего философского анализа и разработки.

2. Согласно философским воззрениям представителей киберфеминизма постчеловек – это бесполой человек (человек-киборг), живущий ценностями виртуального мира и новейших нано- и биоинформационных технологий.

3. Наряду с постлюдьми постчеловеческое будущее будет представлено роботами-андроидами, которые де-факто являясь машинами, де-юре будут такими же постлюдьми со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

4. В целях самосохранения человечеству сегодня следует задуматься об этических аспектах создания искусственного интеллекта и роботов-андроидов. Вытеснение института семьи и традиционных отношений между мужчиной и женщиной приведет к дестабилизации общества и разрушению вечных ценностей.

Список литературы

1. Проблема постчеловеческого будущего. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/555/94/> (дата обращения: 15.02.2018).
2. Федорова Т. Д. «Архетип человека» как категория антропологической метафизики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 4. С. 143–152.
3. Гнатик Е. Н. Идеи трансгуманизма в эпоху конвергентных технологий // Вестн. РУДН. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 117–127.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. 672 с.
5. Шляков А. В. Номадическая топология постмодерна // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 251–253.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
7. Сакирко Е. А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма. URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html> (дата обращения: 15.02.2018).
8. Алиева Н. З., Некрасова Е. Г., Шевченко Ю. С., Ковальдина О. Г. Постчеловеческое будущее : трансгуманизм и иммортализм // Успехи современного естествознания. 2012. № 6. С. 202–203.
9. Рэй Курцвел : мозг можно будет очищать от лишней информации для изучения нового // Открытые системы. СУБД. 2012. № 8. С. 4–13.
10. Марков Б. В. Реквием сексуальному // Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. 96 с.
11. Загурская Н. В. Постчеловек : положение человеческого существа в ситуации после постмодерна // Человек постсоветского пространства : сб. материалов конф. / под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2005. Вып. 3. С. 245–250.
12. Ferrando F. Posthumanism // Tidsskrift for kjønnsforskning. no. 2-2014. årg. 38. S. 168–172 (*Kilden Journal of Gender Research*. № 2. P. 168–172).
13. Braidotti R. Nomadic Subjects : Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. N.Y., 1994. 328 p.
14. Barad K. Meeting the Universe Half-Way : Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Duke University Press, 2007. 544 p.
15. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // D. Haraway. Simians, Cyborgs, and Women : The Reinvention of Nature. N. Y. : Routledge, 1991. 202 p.
16. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М., 2014. 288 с.
17. Shelley J. Stitch Bitch : the Patchwork Girl. URL: http://web.mit.edu/m-i-t/articles/index_jackson.html (дата обращения: 20.02.2018).
18. Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1945500/> (дата обращения: 20.02.2018).
19. В Амстердаме появится бордель с роботами-проститутками. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=800441&cid=520> (дата обращения: 20.02.2018).
20. Доклад ООН : роботы займут две трети рабочих мест в развивающихся странах. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2822161> (дата обращения: 20.02.2018).

Образец для цитирования:

Крайнов А. Л. Ценности постчеловеческого будущего: проблема выбора // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 16–20. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20>

The Values of the Posthuman Future: the Problem of Choice

A. L. Kraynov

Andrey L. Kraynov, Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, 1 Teatral'naya Squ., Saratov 410012, Russia, kraynov@sgau.ru

The article is devoted to the analysis of the postmodern philosophical reflection of the problem of posthumanity, in the aspect of analyzing the interrelation between the development of robotics and the increase in tendencies to asexuality. The philosophy of postmodernism, the world view of transhumanism and the philosophical views of cyberfeminism contributed to the formation and development of a new posthumanistic value system, replacing man with some kind of asexual monster, combining a mixture of man, animal and machine. The ideal of philosophical posthumanism is the triumph of a posthuman, who combines many disguises in his body, who is dissolved in the Internet, being partly a cyborg, who is able to change his gender at will or does not have it at all. On the one hand, the values of posthumanism are actualized in the form of human depersonalization in the Internet and its merging with a machine-computer/smartphone, on the other, in the creation of humanoid robots-androids possessing the germs of artificial intelligence entering into intimate and legal relations with man. Thus, human society gradually ceases to be traditional, accepting into its value system new post-values, flirting thus not so much with its own hard-to-see immortality as with the clearly marked finiteness of its being.

Keywords: postmodernism, transhumanism, posthumanism, posthumanity, cyberfeminism, post-culture.

References

1. *Problema postchelovecheskogo budushchego* [The Problem of the Posthuman Future]. Available at: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/555/94/> (accessed 15 February 2018) (in Russian).
2. Fedorova T. D. Man's archetype as a category of anthropological metaphysics. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investments], 2014, no. 4, pp. 143–152 (in Russian).
3. Gnatik E. N. The ideas of transhumanism in the era of convergent technologies. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Philosophy], 2013, no. 1, pp. 117–127 (in Russian).
4. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. USA, University of Minnesota Press, 1983. 400 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, 2007. 672 p.).
5. Shlyakov A. V. The Nomadic Topology of Postmodernism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 18, pp. 251–253 (in Russian).
6. Baudrillard J. *The Transparency of Evil: Essays on extreme phenomena*. London, New York, 1993. 174 p. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Prozrachnost' zla*. Moscow, 2000. 258 p.).
7. Sakirko E. A. *Idei postgumanizma i transgumanizma* [The ideas of posthumanism and transhumanism]. Available at: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html> (accessed 15 February 2018) (in Russian).
8. Alieva N. Z., Nekrasova E. G., Shevchenko Yu. S., Kovaldina O. G. Posthuman Future: Transhumanism and Immortalism. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [The Successes of Modern Natural Science], 2012, no. 6, pp. 202–203 (in Russian).
9. Kurtsveil Rei. The Brain Can Be Cleared of Unnecessary Information to Study the New. *Otkrytye sistemy. SUBD* [Open systems. DBMS], 2012, no. 8, pp. 4–13 (in Russian).
10. Markov B. V. Requiem to Sexual. In: Bodriyyar Zh. *Zabyt' Fuko* [Forget Foucault]. St. Petersburg, 2000. 96 p. (in Russian).
11. Zagurskaya N. V. Posthuman: the Position of the Human Being in Post-modern Situations. *Chelovek postsovetskogo prostranstva: sb. materialov konf.* [A person of the post-Soviet space. Materials of conf.]. St. Petersburg, 2005, iss. 3, pp. 245–250 (in Russian).
12. Ferrando F. *Posthumanism*. *Tidsskrift for kjønnsforskning*. No. 2-2014, årg. 38, pp. 168–172.
13. Braidotti R. *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. New York, 1994. 328 p.
14. Barad K. *Meeting the Universe Half-way: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press, 2007. 544 p.
15. Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York, 1991. 287 p.
16. Shelley M. *Frankenstein: or the Modern Prometheus*. London, 1831. 202 p. (Russ. ed.: Shelley M. *Frankenstein ili sovremenny Prometei*. Moscow, 2014. 288 p.).
17. Shelley J. *Stitch bitch: the patchwork girl*. Available at: http://web.mit.edu/m-i-t/articles/index_jackson.html (accessed 20 February 2018).
18. *Chelovekopodobnyy robot Sofiya poluchila grazhdanstvo Saudovskoy Aravii* (Android Sofia Obtained the Citizenship of Saudi Arabia). Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1945500/> (accessed 20 February 2018) (in Russian).
19. *V Amsterdame poyavitsya bordel s robotami-prostitutkami* (In Amsterdam The Brothel will Appear with Robots-prostitutes). Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=800441&cid=520> (accessed 20 February 2018) (in Russian).
20. *Doklad OON: roboty zaymut dve treti rabochikh mest v razvivayushchikhsya stranakh* (UN Report: Robots Will Occupy Two-Thirds of Jobs in Developing Countries). Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2822161> (accessed 20 February 2018) (in Russian).

Cite this article as:

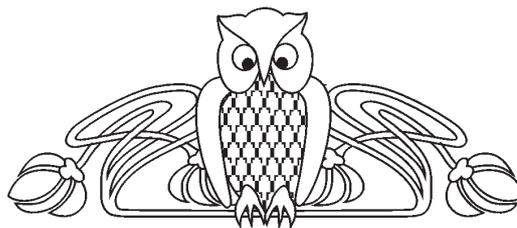
Kraynov A. L. The Values of the Posthuman Future: the Problem of Choice. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 16–20. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-16-20>

УДК 141.339

Философия Рене Генона как философский эзотеризм

В. О. Красильников

Красильников Валерий Олегович, аспирант кафедры философии религии философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, pfehetdalegn@gmail.com

Философия Рене Генона – яркое интеллектуальное явление XX в., малоизвестное широкой публике и сравнительно малоизученное. В статье предпринимается попытка точной классификации философии Рене Генона, необходимая для полного анализа и оценки его интеллектуальной деятельности. Автор вводит термин «философский эзотеризм», который наиболее точно характеризует основную особенность учения Генона – его философский характер и определяет область, к которой оно принадлежит, а именно эзотеризм. Уделяется внимание объяснению основных философских терминов, введенных Геноном, рассматривается степень влияния его философии на академическую науку. Предпринят сравнительный анализ философских воззрений Рене Генона и взглядов его предшественников, современников и последователей. При изучении теории Рене Генона следует учитывать ее изначально эзотерическое происхождение и философский характер, т. е. наличие определенной системы, правил мышления и выработанной терминологии. Философия Генона является вызовом не только современной науке, для которой она представляет непосредственную опасность, но и религии. Формулируется вывод о значении объективного изучения философии Генона для науки и философии.

Ключевые слова: Рене Генон, эзотеризм, традиционализм, философский эзотеризм, традиционалистская школа.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-21-24>

Философия Рене Генона – яркое явление интеллектуальной жизни XX в., но несмотря на это, остается малоизвестной широкой публике. Кажущееся противоречие объясняется специфичностью области философствования Генона и радикальностью некоторых его выводов. В философии Рене Генона мы встречаем интересные темы, например, упадок западной цивилизации, нашедшие свое выражение у других более известных философов. Достаточно упомянуть Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера или Мартина Хайдеггера. Пессимизм в отношении будущего высказывали многие интеллектуалы и Генон не исключение. Особенностью философии Генона является та предметная область, с позиции которой он высказывался.

Рене Генон родился в 1886 г. в Блуа, недалеко от Парижа. В молодом возрасте он знакомится с различными оккультными учениями и их представителями: мартинистами, масонами, гности-

ками, последователями французского оккультиста Папюса, Блаватской. Не считая убедительными современные ему оккультные и эзотерические учения, Генон выступает с их резкой критикой, формируя собственное философское учение, которое становится более известным как традиционализм. На этом этапе Генон входит в конфликт с католиками, и Маритен пишет весьма скептический и предостерегающий отзыв о его творчестве [1, с. 49]. Следуя собственным идеям, Генон принимает ислам и позднее переезжает в Каир, где продолжает работу над своей философией. В Каире он умирает в 1951 г.

В своих трудах Генон разрабатывает проблематику, являющуюся основой его философии, и дает определения таких терминов, как «традиция», «инициация», «символ», «метафизика». Цель настоящей статьи – выяснить особенности философии Рене Генона и актуализировать позицию, с которой выступает мыслитель.

Точное определение позиции Генона, с философской точки зрения, вызывает серьезные трудности, обусловленные предметом и областью его мировоззрения. Мы не можем доверять словам самого Генона, поскольку он никогда не упоминает источников или своих предшественников, а ссылается на личное вдохновение метафизическими принципами. Стоит отметить, что работа Генона «Общее введение в исследования учений индуизма» была отклонена в качестве диссертации на соискание докторской степени в университете Сорбонны французским индологом Сильвеном Леви по следующим причинам: пренебрежение историческими данными, необъективное рассмотрение учений индуизма и необоснованное сведение его к Веданте, а также нескрываемый мистицизм [1, с. 37]. Вопрос обоснованности притязаний Генона на «авторитет Вед» является открытым и важным как феномен эзотеризма и выяснения подлинного источника его философии. Также является противоречивым тот факт, что, считая индуистскую метафизику (в своем понимании) высшей формой мудрости, Генон принял ислам. Объяснить данный факт можно только философией самого Генона, а именно его концепцией инициации.

В конечном счете, с научной точки зрения, важно установить, является ли Генон религиозным

философом или философом религии, последователем эзотеризма или его оппонентом, теологом или ученым, исследующим религию как историко-социальный феномен. Последнее определение вряд ли может быть применено к нему, с учетом его подчеркнутого антиакадемизма и отношения к современной науке вообще. Если же Генон является религиозным философом, то следует определить, к какой религии он принадлежит. Именно это представляет собой наибольшую трудность.

Необходимо отметить, что Генон знал об амбивалентном характере своей философии и рассматривал ее только как ступень к подлинно религиозной жизни, в том смысле, в каком как он ее понимал, и настаивал на присоединении к живой религии. Для Генона этой религией стал ислам. Однако некоторые последователи Генона, например Юлиус Эвола, предпочитали оставаться традиционалистами, не примыкая ни к какой традиции либо создавая синтетические культы. Указанная проблема не только занимает важное место в философии традиционализма, но и имеет значение, выходящее за ее пределы, поскольку в зависимости от ее решения вся философия традиционализма, как и философия Рене Генона, может быть определена тем либо другим способом.

Итак, предпосылкой для возникновения философии Генона следует считать его знакомство с эзотеризмом, представленным различными эзотерическими учениями и объединениями их последователей (кружками). Именно в оккультных и эзотерических кругах Генон провел свою молодость.

Эзотеризм никогда не являлся стройной философской системой и был представлен спорящими между собой группами. Отсутствие серьезной философской составляющей неизменно бросается в глаза при знакомстве с данной областью, что раздражает любой организованный ум, и, видимо, именно таким был ум Генона. В своей работе «Теософизм. История одной псевдорелигии» Генон сам довольно едко высмеивает учение Елены Блаватской, представляющее собой, с его точки зрения, произвольный набор абсурдных утверждений. Первые труды Генона носят критический характер и разоблачают современные оккультные учения. В них встречаются ключевые термины собственной философии Генона, которым он на этом этапе не дает глубокого объяснения.

При внимательном чтении его труда «Теософизм. История одной псевдорелигии» можно заметить, что Генон критикует теософское общество не с точки зрения науки или религии, а с позиции эзотерика, того, за кого последователи Блаватской пытаются себя выдавать. Мыслитель «организовал» современные ему оккультные

учения, очистил от внутренних противоречий и превратил в стройную философскую систему, имеющую свои собственные проблемы и терминологию, способную привлечь внимание талантливых людей. Так, например, для многих течений эзотеризма начала XX в., для теософии Блаватской были характерны модернистские, с точки зрения Генона, представления об эволюционизме. Оккультисты выдвигали предположения о существовании более развитых цивилизаций, чем современная им, но их превосходство они видели исключительно по-современному, в техническом плане. Генон посвящает много времени анализу сходства сциентистских и оккультных мифов; создает последовательную пессимистическую философию, избавляясь от любого современного с его точки зрения элемента.

Ключевым термином философии Рене Генона является термин «традиция», благодаря которому он и его последователи стали известны как традиционалисты. Согласно Генону традиция не есть простой обычай. Приравнение обычаев к традиции – недопустимое упрощение «современного духа», которому Генон противопоставит. С его точки зрения, традиция – это прежде всего передача [2, с. 188]. Передача чего? Сверхчеловеческой мудрости [2, с. 190], универсального знания или «метафизики» [3, с. 97], которая, следуя Генону, была известна человеку с самого начала данного исторического цикла. Изначально мудрость исходит к человеку от сверхчеловеческого источника и затем передается горизонтально от одного носителя традиции к другому [2, с. 190]. В зависимости от степени обладания традицией или знания сверхчеловеческих принципов та или иная цивилизация может быть либо традиционной, либо нет. По мнению Генона, восточные цивилизации – индийская, китайская, исламская – являются традиционными, а современная западная не является таковой.

Циклическая концепция истории, заимствованная Геноном из индуизма, также служит важным элементом философии традиционализма. По Генону история носит не прогрессивный, а регрессивный характер и современность, конечно же, является временем максимального упадка. Кроме того, поскольку мировая история представляет собой циклический процесс, в конце фазы упадка происходит обновление, когда сверхчеловеческий принцип напрямую вторгается в реальность и обновляет ее. Далее постепенный регресс начинается снова. Речь идет, прежде всего, о духовном и интеллектуальном регрессе. Технический прогресс и научный прогресс Генон считает признаками духовного упадка, а всякий эволюционизм, по его мнению, представляет собой иллюзорную концепцию и заблуждение современного духа.

Образец традиционной мудрости Генон видит в индуизме, сведенном к Адвайта-Веданте. С его точки зрения, высшая мудрость, или метафизика – это скорее практическое учение, предназначенное для посвященных и позволяющее им обрести соответствующую духовную реализацию. Степень духовной реализации зависит от способностей каждого индивида, поэтому модель традиционного общества строго иерархична и находит свое лучшее выражение опять же в Индии и ее кастовой системе.

Генон также разработал своеобразную философию религий. По его мнению, существует только одна вечная истина, а различия в религиях объясняются различием народов и цивилизаций. По Генону авраамические религии являются упрощенной и неполной версией подлинной метафизики. Кроме того, в авраамических религиях также преобладает чувственный аспект, поскольку народы, исповедующие их, плохо приспособлены к занятиям чистой метафизикой. Что касается буддизма, Генон долгое время считал его совершенно упадочной и откровенно враждебной формой религии, прямо противостоящей традиции, хотя со временем пересмотрел свою позицию. Нетрудно заметить, что значение всех мировых религий Геноном сильно занижено. В каком-то смысле традиционализм направлен не только против современного мира, но и против «традиционных», не в геноновском смысле, религий.

В отношении того, что обычно называется религией, Генон оставляет право на частицу метафизической истины. Но она не является доступной всем, и поэтому мыслитель делит ее на эзотеризм и экзотеризм в рамках одной отдельно взятой традиции. В идеальном индуизме такого разделения нет [3, с. 75]. В других «сентиментальных» религиях согласно Генону всегда присутствует относительно внешний, экзотерический или религиозный, и внутренний, эзотерический и метафизический элементы.

Отношение Генона к философии сугубо отрицательное. Он критикует философию с самого момента ее возникновения, аргументируя это тем, что «философия есть любовь к мудрости» но не сама «мудрость» [2, с.20], а достойна внимания только сама мудрость. С точки зрения Генона, наиболее ценная философия Запада – это аристотелизм и средневековая схоластика [3, с. 105]. Вся остальная философия является пустым занятием, набором случайных и ограниченных мнений, бессмысленными спорами вокруг вопросов, которые трудноразрешимы из-за того, что неправильно поставлены [3, с. 131].

Философия истории Генона носит пессимистический характер. История является упадком. Упадок объясняется постепенным пренебрежени-

ем традицией в геноновском смысле. Используя индийскую терминологию, Генон строит своеобразную концепцию смешения каст, которая служит выражением этого упадка. Брахманы постепенно теряют свою мудрость, кшатрии восстают против авторитета брахманов, и далее власть в мире переходит к еще более низшим кастам. В конце исторического цикла наступает «царство количества», лишенное всякой традиционной иерархии.

Концепции, выдвинутые Геноном, противостоят догмам всех мировых религий. В традиционализме сохранялось и сохраняется противоречие между его изначально неортодоксальным и философским ядром и попыткой примириться с уже существующими религиями. Хотя многие традиционалисты приняли ислам либо другие религии и очень серьезно относились к своим религиозным обязанностям, почти никому не удалось окончательно преодолеть традиционалистское учение о вечной философии, которая согласно Генону составляет единую подлинную мудрость, всего лишь по-разному отраженную в различных религиях.

Итак, при изучении философии Рене Генона следует учитывать два момента: ее изначально эзотерическое происхождение и, собственно, ее философский характер, т. е. наличие определенной системы, правил мышления и выработанной терминологии. Изучая Рене Генона, мы имеем дело с эзотерической философией, и его творчество следует отнести к западному эзотеризму.

Об успешности интеллектуальной деятельности Генона свидетельствует тот факт, что элементы его философии опосредованно смогли проникнуть в академическую науку. В частности, исследователь и историк традиционализма Марк Сэджвик вводит два термина для обозначения разных тенденций в рамках традиционалистской философии. По Сэджвику существуют «мягкие» и «жесткие» традиционалисты – “Soft and hard”. К жестким традиционалистам он относит самого Генона и Юлиуса Эволу, к мягким традиционалистам – Мирча Элиаде. Различие между «жесткими» и «мягкими» традиционалистами состоит в радикальности и откровенности, с которой они высказывают свои идеи. Если «жесткие» традиционалисты практически всегда игнорировались широкой публикой, то «мягкие» часто высказывали свои идеи менее откровенно, а иногда и вовсе скрывали их, при этом незаметно включая традиционалистский подход в свои теории, которые в случае Мирчи Элиаде были признаны академической наукой.

Создав для современного эзотеризма своеобразную идеологию и уникальный философский язык, Генон опосредованно, через своих после-

дователей и продолжателей, сумел повлиять на академическую науку. Марк Сэдживик в своей работе “Against the modern world” приводит свидетельства ученых или даже простых людей, интересующихся религией и философией, которые с удивлением обнаруживали традиционализм в самых неожиданных местах и чувствовали себя обманутыми [1, с. 284]. Сэдживик замечает, что, несмотря на неудачи традиционалистов в воплощении своих идей в жизнь в политическом поле, многие их инициативы и идеи сумели проникнуть в академическую науку. Вместе с тем отношение ученых к таким случаям, когда они это замечали, было сугубо отрицательным. Так, французский философ и исламовед Анри Корбен испытывал отвращение к традиционализму и «особенно к Генону» [1, с. 264]. Генон и традиционализм не занимаются философской или научной деятельностью, а разрабатывают проблемы исключительно со своей точки зрения, не заботясь об объективности или научной истине.

Философия Генона – вызов не только современной науке, для которой представляет непосредственную опасность, но и религии. Многие положения учения Генона вообще не совместимы с принятыми религиозными догматами. Например, концепция космических циклов никак не может быть совмещена с финализмом авраамических

религий. Представление о том, что окончательное завершение божественной истории может быть приравнено к одной из многих циклических фаз распада и обновления, противоречит самому духу христианства. Впрочем, Генон не скрывает своего отношения к авраамическим религиям, называя их неполными и адаптированными для «примитивной» ментальности западного человека.

В заключение отметим, что объективное отношение к философии Рене Генона важно с точки зрения изучения ее как феномена западного эзотеризма. Необходимо более точно определить то влияние, которое традиционализм сумел оказать на науку, и обосновать его ценность. Наконец, изучение философии Генона, которая представляет собой особый образец эзотеризма и, в конечном счете, религиозности, может быть интересно представителям существующих религиозных организаций для возможной полемики.

Список литературы

1. Сэдживик М. Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / пер. с англ. М. Маршака, А. Лазарева. М., 2014. 536 с.
2. Генон Р. Кризис современного мира. М., 2008. 784 с.
3. Генон Р. Общее введение в изучение индусских учений. М., 2013. 320 с.

Образец для цитирования:

Красильников В. О. Философия Рене Генона как философский эзотеризм // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-21-24>

Philosophy of Rene Guenon as Philosophical Esoterism

V. O. Krasilnikov

Valery O. Krasilnikov, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, nfehetdalegn@gmail.com

Philosophy of Rene Guenon, despite not being known to general public and remaining understudied by academic community, is one of the most interesting intellectual events of 20th century. The attempt to classify and define the philosophy of Rene Guenon is presented in the article. In author's point of view, it is important for scientific study of Guenon's philosophy. For the exact definition of Guenon's philosophy author suggests the term “philosophical esoterism”, which marks the philosophical character of Guenon's works as its main feature and places it in the field of esoterism. Some key concepts of Guenon's philosophy are also presented. The scale of the impact of Guenon's thought is also mentioned. The author compares the philosophical views of Rene Guenon and the views of his predecessors, contemporaries and followers. When studying the philosophy of Rene Guenon one

should take into account its original esoteric origin and philosophical nature, that is, the presence of a certain system, rules of thinking and terminology. Author makes some conclusions about possible scientific and philosophical value of studying Guenon's ideas.

Keywords: Rene Guenon, esoterism, traditionalism, philosophical esoterism, traditionalist school.

References

1. Sedgwick M. *Against the Modern World. Traditionalism and the Hidden Intellectual History of Twentieth Century*. New York, 2004. 428 p. (Russ. ed.: Sehdzhvik M. *Naperekor sovremennomu miru. Tradicionalizm i tajnaya intellektualnaya istoriya XX veka*. Per. s angl. M. Marshak, A. Lazarev. Moscow, 2014. 536 p.).
2. Genon R. *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. Moscow, 2008. 784 p. (in Russian).
3. Genon R. *Obschee vvedeniye v izuchenie indusskih ucheniy* [General Introduction to the Study of Hindu Teachings]. Moscow, 2013. 320 p. (in Russian).

Cite this article as:

Krasilnikov V. O. Philosophy of Rene Guenon as Philosophical Esoterism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4–11. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-11>

УДК 316.33

Ценностные основания научного сообщества в условиях становления общества знаний

С. А. Лопастейский

Лопастейский Сергей Александрович, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, lopasteyskiy@inbox.ru

Статья посвящена рассмотрению роли научных сообществ в формировании новых парадигм, а также изменениям норм этоса науки, введенным Р. Мертоном, в условиях становления общества знания. Таким образом, общество знаний способно изменять идеалистические нормы Р. Мертона и создавать свои на основе уже имеющихся с такими корректировками, которые способны искусственно «поддерживать жизнь» в нравственно-этической стороне вопроса при научном познании. Эпоха общества знаний сопровождается проблемами скорости и качества информационного обмена, что, в свою очередь, сопровождается появлением новых категорий, терминов и понятий, которые не только упрощают процедуру общения, но и делают ее уникальной, не похожей на предшествующие принципы общения. Представлены главные ценностные характеристики научного сообщества в современный век и их зависимость от использования новых технологий в жизни человечества и научной деятельности. Благодаря компьютеризации феномен научного сообщества начинает терять смысл, так как с задачей построения новых алгоритмов программ вполне может справиться искусственный интеллект, соответственно для управления искусственным интеллект, то есть компьютером, необходим один ученый-оператор, разбирающийся в конкретных схемах и принципах построения.

Ключевые слова: общество знаний, научное сообщество, ценностные основания, научная революция.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-25-29>

Научные сообщества являются творцами науки и непосредственными двигателями научного прогресса, основной целью которых должно быть стремление к постижению истины. Необходимо отметить, что все наиболее важные и грандиозные открытия рождаются в связи с переходом от одной парадигмы к другой благодаря так называемой научной революции, понятие которой впервые было введено Т. Куном. Так, господствующая парадигма постепенно перестает быть таковой или лучше сказать, что парадигма перестает господствовать в конкретной определенной сфере науки. Кризис нормальной науки начинается с сомнения в устоявшейся парадигме и в последующем изменении правил исследования. Как только наступает кризис, проблем, вызывающих затруднения, становится все больше, а их решение становится все более размытым.

Т. Кун считает, что «кризис расшатывает стереотипы научного исследования и в то же время увеличивает количество данных, необходимых для фундаментального изменения в парадигме» [1, с. 127]. Таким образом, ученый является непосредственным участником перехода от одной парадигмы к другой, а в результате объединения и совместной работы с иными учеными человечество получает ускорение научного прогресса.

Научное сообщество как субъект познавательного процесса в современном смысле, а именно целостный человек познающий, обладает многообразными чертами и способностями: творчеством, волей, чувствами, фантазией, рефлексией, свободой и сознанием. Человек как отдельное существо имеет безусловную ценность в контексте научного сообщества и научного познания, а в сообществе ему дается возможность аккумулировать знания вместе с другими учеными, что позволяет направить мысль в нужное русло, а также ускорить процесс познания и обмен опытом. По мнению Л. А. Микешиной, «именно в процессе профессионального общения, формального и неформального, непосредственного и опосредованного, происходит социализация ученого» [2, с. 175]. Таким образом, человек становится субъектом научного познания, усваивает специальную информацию, а также способ видения исследовательской программы и философско-мировоззренческого знания. Коммуникации внутри научного сообщества способствуют формированию основных принципов, подходов и концепций дальнейшего научного исследования, причем именно коммуникации рассматриваются как важнейшее условие создания знания и дальнейшего эмпирического опыта и выведения теории. Таким образом, отмечается факт необходимости коммуникаций, или феномена профессионального общения, для формирования научного знания и нахождения взаимопонимания.

Благодаря коммуникации внутри сообщества ученых формируются следующие формы общения, которые непосредственно влияют на ход научного прогресса: определяется система текстов; принимается унифицированный научный язык; передаются мировоззренческие и методологические принципы познания, знание, которое может усвоиться субъектами только в

поле научно-поисковой деятельности и по природным основаниям не может быть достаточным образом объективировано; применяются такие формы познания, как аргументация, обоснование, объяснение и опровержение. Резюмируя, можно подчеркнуть, что коммуникативные навыки и способности каждого ученого как субъекта познания способствуют расширению поля познавательной и исследовательской деятельности. Так как феномен общения в научном сообществе играет важную роль, то во главу угла ставится вопрос истинности изречения научного сообщества.

При формировании знания научные сообщества должны придерживаться норм этоса науки, которые впервые ввел Р. Мертон в 1947 г. для описания морально-нравственной оценки познавательной деятельности человека. «Этос науки – это аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений» [3, с. 769]. На основании работ Мертона исследовательская деятельность должна вестись с учетом следующих критериев: универсализма (истинность научных открытий следует оценивать, отбросив личные и социальные атрибуты защитника этих знаний), коммунизма (любые полученные новые знания должны становиться всеобщим достоянием), бескорыстности (целью исследований должна быть лишь истинность изречения) и организованного скептицизма (оценка решения о принятии исследовательских данных должна быть максимально доброкачественной).

Нормы этоса науки являются, скорее, идеальным представлением процесса получения новых знаний, но в основном этих норм придерживаются, исключая некоторые их критерии. Так, Р. Мертон говорит о несоблюдении в научном сообществе, как минимум, двух норм – универсализма и организованного скептицизма: «Эффект Матфея заключается в том, что ученые готовы преувеличивать достижения своих коллег, уже составивших себе имя благодаря тем или иным прежним заслугам, а достижения ученых, еще не получивших известности, они, как правило, преуменьшают или вообще не признают» [4, с. 258]. Таким образом, теряется объективная оценка принятия решений, уже невозможно сказать, что каждое исследование прошло полноценную проверку с полным пристрастием. В связи с несовершенством системы норм этоса науки позже были введены и иные нормы, например, оригинальность, рациональность, эмоциональная нейтральность и др., и категория амбивалентных нормативов, которые, скорее, служат критериями

дополнения и уточнения основных четырех норм этоса науки, нежели отдельными самостоятельными нормами.

Эра общества знаний сопровождается возможностью пользования мировой сетью Интернет, следствием чего является мгновенный обмен информацией и ее широкая доступность, неизвестность автора публикации и ее качество, отзывы и рецензии на научные труды незнающими и некомпетентными в вопросах специалистами, в связи с чем общепринятые идеальные нормы Мертона априори теряют свою актуальность, не только из-за нежелания научного сообщества соблюдать их и следовать им, но даже из-за невозможности искусственно поддерживать жизнеспособность этих норм. Научная сфера стала политически и экономически ангажированной настолько, что невозможность соблюдения норм и правил поведения внутри научного сообщества стала очевидной и ожидаемой. Следует заметить, что данные нормы и нормы вообще при научном познании полностью изжили себя и, скорее, стали для научного сообщества «Священным писанием» в исследовательском мире, идеалом научного познания. Нынешняя информационная обстановка не позволяет больше существовать этим нормам или же только делает возможным затрагивать их поверхностно и абстрактно в рамках объективно положительного сосуществования человечества.

Критерий универсализма сам по себе ликвидировался, в нем перестали нуждаться ученые из-за почти повсеместной открытости научных работ, т. е. ведения всех разработок с сопровождением мгновенного распространения информации в сети Интернет, поэтому ученый, не имеющий достаточно высокого статуса или происхождения, с легкостью сможет довести ход и результаты своей работы до конечного потребителя – всего мира нажатием всего одной клавиши. Таким образом, появилась возможность пропустить ступень одобрения научным сообществом для продолжения работ, которые при изучении результатов могут нарушить критерий универсализма. Но мнение народонаселения планеты все так же может измениться под воздействием негативных или позитивных оценок известной медийной персоны, эксперта или влиятельного информационного агентства, способных формировать новый тренд мысли. Учитывая, что универсализма как такового больше не существует, на его смену приходит норма «селективного восприятия», на основании которой человек принимает информацию мировых трендов и собственных убеждений и предпочтений, где может исключаться объективная истина и логика.

Эпоха общества знаний благодаря информационно-технологическому развитию осуществила мечты народонаселения планеты о широкой открытости информации. Благодаря феномену открытости широкому кругу лиц доступна вся информация о ходе исследовательской деятельности и получении новых знаний в каждом конкретном случае, соответственно сообщество ученых обязано соблюдать правила этоса науки и скрыть какие-либо результаты становится почти невозможно не только из-за принуждения государством делать результаты исследований доступными, но, скорее, из-за права каждого человека на такую открытость. С другой стороны, современная норма коммунизма и общедоступности претерпела значительные изменения, так как основная масса правительственных разработок, направленных на защиту и сохранение государственности, остается закрытой для общественности и большинства научных сообществ. Таким образом, решение об открытости информации никак не принимается научным сообществом, а полностью становится прерогативой правительственных структур государства. Информация может стать доступна тогда, когда это посчитают нужным властные структуры. Информация остается открытой и даже более легкодоступной для общественности, но сохраняется скрытой область важных разработок, поэтому данную норму справедливо называть «селективным коммунизмом».

Наряду с изменением понимания норм универсализма и коммунизма в обществе знаний трансформируются и другие идеальные нормы Мертона: бескорыстность как норма отсутствия стремления ученого к материальным благам общества и организованный скептицизм как норма отвлечения от личности исследователя, сходная в своем основании с нормой универсализма. Норма бескорыстности вообще является самой сомнительной и противоречивой нормой Р. Мертона. Есть тому следующее объяснение: даже если ученый главной целью перед собой ставит постижение богатства, выход на новый социально-экономический уровень, а истина в его исследованиях и их качество переходят на второй план, то нельзя утверждать, что в конечном итоге результаты его исследований могут иметь негативный и отрицательный качественный окрас. Его работа также будет принадлежать к классу научных, его стремление к истине также будет основополагающим, но отсутствие стремления к деньгам сделает его жизнь скучной и скудной, денежная составляющая работы очень важна как развлечение и отвлечение от научной работы, а критерий бескорыстности призывает ученого

оставаться бедным и отказаться от главного инструмента обмена. Так как деньги, воля и власть взаимосвязаны и могут порождать друг друга, то зачем ученому как участнику всех социальных процессов общества отказываться от такого блага, как деньги, в век свободы и демократии. Более того, деньги способны подарить новый научный опыт и ознакомить исследователя с инновационными технологиями. Отсюда следует, что деньги стали инструментом свободной и независимой жизни, к которой стремится каждый субъект государства. В этом кратком анализе нормы отсутствия корыстных побуждений представляется крайне важным подчеркнуть, что во время своей научной деятельности у ученого должна присутствовать морально-нравственная оценка результатов своих трудов, а именно заведомо несущих вред человечеству.

Взгляд с обратной стороны позволяет подчеркнуть, что водородная и термоядерная бомбы явно создавались с риском вреда человеку и природе, поэтому следует отметить отсутствие нормы бескорыстности как таковой вообще. То есть, если другие идеальные нормы Мертона затрагиваются в процессе научного познания хотя бы поверхностно, то эта норма так и осталась недостижимым идеалом и не получила практического отклика со стороны ученого сообщества. Тем более что норма бескорыстности пропадает в век информационных технологий и массовой информационной культуры, когда исследователи могут напрямую и не общаться с заказчиком и поставлять результаты работ с помощью сети Интернет в одно мгновение, а учитывая особенность фундаментальных исследований, когда результаты являются абсолютно непрогнозируемым фактом, бескорыстность теряет свое значение из-за невозможности учеными заблаговременно иметь сведения о рисках научного познания, а значит они дезориентированы и не ответственны за возможные риски результатов познания.

Для организации нормы незаинтересованности существует так называемое «слепое рецензирование», где рецензентам дается только текстовая и графическая части научного исследования без указания личности автора, наименования вуза или научного сообщества, в котором состоит автор, и его контактных данных, что исключает возможность заведомо субъективного принятия решения о рецензируемой работе. Следует отметить, что если существуют подобные контрнормы, значит организованный скептицизм необходим в контексте познавательного процесса. Контрнормы существуют благодаря прецедентам, мешающим правильному развитию науки,

и способны противостоять новым нарушениям научного познания, но они также должны совершенствоваться в соответствии с изменениями процесса познания в обществе знаний. Опираясь на вышесказанное, необходимо подчеркнуть важность нормы организованного скептицизма и ее влияние даже в современный век общества знаний.

Научные сообщества обращаются к новым методологиям познания, а именно: синергетике, компьютеризации и системному подходу. Научные исследования становятся все более компьютеризированными, что дает намного более упрощенный сценарий создания математических моделей и систем прогнозирования, обработки огромных пластов информации и делает возможным программирование исследуемых процессов. Глобальное использование компьютеров расширило инструментальные и операциональные эпистемологические возможности, в свою очередь нельзя исключить традиционное изучение природных процессов из-за того, что компьютеры участвуют не во всех областях знания, а создание теорий и выдвижение гипотез по-прежнему требуют творческого подхода со стороны сообщества ученых.

Причем благодаря компьютеризации феномен научного сообщества начинает терять смысл, так как с задачей построения новых алгоритмов программ вполне может справиться искусственный интеллект, соответственно для управления искусственным интеллектом, т. е. компьютером, необходим один ученый-оператор, разбирающийся в конкретных схемах и принципах построения. На этапе эмпирического подхода в исследовании подавляющую часть работы выполняют механизмы, или роботы, что позволяет снизить затраты на исследования и производство, по крайней мере, в долгосрочной перспективе. Человек как ученый и научное сообщество сохраняют ценность лишь в контексте теоретического осмысления, создания гипотез и творческого подхода. Механическую работу (имеются в виду работы с повторяющимися алгоритмами действий) может выполнить персонал с минимальными научно-практическими навыками и знаниями или вовсе без таковых.

Итак, за научным сообществом сохраняется важность применения умственно-теоретических навыков, необходимых для формирования теории и дальнейшего развития научного знания. Таким

образом, возникает сомнение в необходимости формирования научного сообщества для продолжения исследовательских работ, в которых отсутствует творческий фактор создания и преобразования научного знания. В эпоху распространения информационно-коммуникационных технологий один ученый может формировать теорию, другой ее аргументировать или опровергать, третий проводить экспериментальные опыты, причем все эти ученые будут находиться на разных точках планеты и обмениваться данными и знаниями посредством Интернета. Нормы этоса науки Р. Мертоня считаются скорее идеалом поведения для научного специалиста, нежели руководством к действию, намного большая часть получаемых результатов научных исследований до сих пор остается скрытой от большинства населения планеты, хотя основная масса открытий, важных для жизнедеятельности человека, получила глобальное распространение в связи с появлением, в частности, сети Интернет. Нормы Мертоня являются основанием этоса науки, хотя с течением времени претерпевали значительные поправки и дополнения в связи с практической неспособностью их соблюдения. Т. Кун расширил понимание норм и правил поведения ученого в рамках процесса получения новых знаний и говорил, что нормы действуют только в области каждой отдельной парадигмы и со сменой парадигмы меняются и нормы внутри нее. Вообще мертоновские нормы служат своеобразной психологической преградой у ученых и вызывают некоторую напряженность, особенно когда они вынуждены выполнять реальные требования своей рабочей программы и соотносить это с образцом научной деятельности, закрепленным в сознании.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. ; сост. В. Ю. Кузнецов. М., 2003. 605 с.
2. Микешина Л. А. Философия науки : Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М., 2005. 464 с.
3. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
4. Мертон Р. Эффект Матфея в науке. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.

Образец для цитирования:

Лопастейский С. А. Ценностные основания научного сообщества в условиях становления общества знаний // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 25–29. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-25-29>

Value-based Foundations of the Scientific Community in the Conditions of Formation of the Society of Knowledge

S. A. Lopasteysky

Sergey A. Lopasteysky, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410002, Russia, lopasteyskiy@inbox.ru

The article is devoted to the role of scientific communities in the formation of new paradigms, as well as changes in the norms of the ethos of science, introduced by R. Merton, change in the conditions of the formation of the knowledge society. Thus, the knowledge society is able to change the idealistic norms of R. Merton and create their own on the basis of those already available with such adjustments that are capable of “supporting life” artificially in the moral and ethical aspect of the issue in the course of scientific cognition. The era of the knowledge society is accompanied by problems of speed and quality of information exchange, which, in turn, is accompanied by the appearance of new categories, terms and concepts. The main value characteristics of the scientific community in the modern age and their dependence on the use of new technologies in the life of mankind and scientific activity are presented. Thanks to computerization, the phenomenon of the scientific community begins to lose its meaning, since artificial

intelligence can cope with the task of constructing new algorithms of programs. Consequently, one trained operator having knowledge of specific schemes and principles of construction is enough to control artificial intelligence, i.e., a computer.

Keywords: knowledge society, scientific community, value-based foundation, scientific revolution.

References

1. Kuhn T. *Structure of scientific revolutions*. London, 1970. 222 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow. 2003, 605 p.).
2. Mikeskina L. A. *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoye znaniye v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific Knowledge in the Dynamics of Culture. Methodology of Scientific Research]. Moscow, 2005, 464 p. (in Russian).
3. Merton R. K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, 2006. 873 p. (in Russian).
4. Merton R. The Matthew effect in science. Accumulation of advantages and symbolism of intellectual property. *THESIS* [Thesis], 1993, iss. 3, pp. 256–276 (in Russian).

Cite this article as:

Lopasteysky S. A. Value-based Foundations of the Scientific Community in the Conditions of Formation of the Society of Knowledge. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 25–29. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-25-29>

УДК 101.1:316

Феноменология «жизненного мира» воинской службы

Ю. А. Панасенко

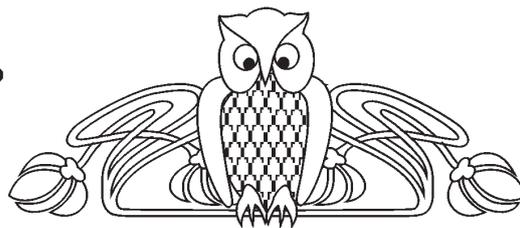
Панасенко Юрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника филиала по учебной и научной работе Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Челябинск, panasenko-er@mail.ru

В статье представлена характеристика воинской службы как системы с позиции социальной феноменологии, которая разделяет жизненный мир на несколько уровней, «жизненных миров». Ядро жизненного мира – телесный мир, психофизиологическое содержание индивида. Основными носителями культуры воинской службы являются офицеры. В условиях воинской службы особое значение имеют духовные ценности, традиции, убеждения, символы, так как они играют решающую роль в формировании личности военнослужащего. Феноменология позволяет держать в фокусе внимания эти фундаментальные ценности личности и общества, которые продолжают выполнять свою культуuroобразующую функцию. Даются определения, основные характеристики и компоненты «жизненного мира» воинской службы. Конституирование «жизненного мира» воинской службы обеспечивается тремя главными факторами – системностью, устойчивой цепочкой базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Данные факторы представляют основу процесса самоорганизации «жизненного мира». Анализируется программа конституирования основных ценностей «жизненного мира» воинской службы. Указывается, как происходит включение, образование и воспитание военнослужащего в условиях «жизненного мира», который эти разобщенные знания сводит в единую систему, конституируя особый «малый социальный мир» воинской службы.

Ключевые слова: социальная феноменология, «жизненный мир», воинская служба, культура воинской службы, конституирование, система.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-30-34>

В истории культуры понятие «воинская служба» претерпело значительные изменения и стало употребляться в различных контекстах. Прежде всего, воинское служение отражает специфику человеческого бытия в той мере, в какой человек неисчерпаем и разнолик. Воинскую службу связывают не только с вооруженными силами государства, но и со многими институтами общества в целом. Следовательно, воинская служба воспринимается всеми как неотъемлемый компонент социальной жизни априори. История стран и народов свидетельствует о том, что на протяжении веков люди, с одной стороны, всячески демонстрировали свое стремление к миру, а с другой стороны, неустанно готовились к войне.

Лучше всего данную установку выражает фраза Аристотеля в работе «Политика. Афинская политика»: «О военных упражнениях граждан нужно заботиться не ради того, чтобы они поработили тех, кто этого не заслуживает, но для того, чтобы, прежде всего, они сами не попали в рабство к другим...» [1]. Так, в общественном сознании сформировалась «естественная установка», определяющая воинскую деятельность как особый специфический вид социальной деятельности, связанный с обеспечением безопасности государства и общества.

Фундаментальной характеристикой любой системы, в том числе и системы воинской службы, является ее структурность – наличие в ней определенной сети внутренних функционально и иерархично организованных связей и отношений, имеющих собственные свойства и особенности, составляющие специфику элементов данной системы.

Для своего самосохранения любая система, как утверждает Т. Парсонс, должна одновременно выполнять четыре основные функции: адаптационную, дающую возможность системе приспосабливаться к изменениям внешней среды и адаптировать внешнюю среду к себе; функцию целедостижения, функцию удержания образца и интегративную [2]. Для нас особое значение имеет нормативная подсистема в структуре воинской службы. Нормы представляют собой социально одобряемые установки поведения человека в данном сообществе, содержание которых определяет, что человеку, принадлежащему к нему, предписано делать, а что делать запрещено.

Воинская служба с позиции социальной феноменологии может рассматриваться в различных аспектах: установка сознания на защиту и служение Отчизне, личностная социально-профессиональная характеристика, явление и признак государства, модель санкционированного со стороны общества поведения личности, социальный институт, интегрирующая общество система, вид социальной ответственности, жизненная позиция, продукт системы образования и воспитания, компонент культуры и т. п. Однако какой бы аспект воинской службы мы не взяли, она изначально социальна по своей природе, потому что представляет собой результат деятель-

ности человека в ее общественно-историческом развитии. В рамках этой деятельности осуществляется взаимодействие людей, социальных групп и институтов, кроме того, она образует самостоятельный социальный институт, на который в значительной степени воздействуют процессы, происходящие в обществе, формирующие устойчивые обратные связи и смысловые цепочки.

Феноменология разделяет жизненный мир на несколько уровней, «жизненных миров», имеющих свои, характерные для данного мира, свойства: ядро жизненного мира – телесный мир, психофизиологическое содержание индивида. Этот мир служит базисом всех смысловых построений, так как его состав и структура остаются неизменными.

«Жизненный мир» – это духовное образование в исторической жизни сообщества, представление человека о мире. Человек всегда соотносит себя каким-либо образом с миром. Даже говоря о том, что мир существует независимо от нас, мы устанавливаем связь с ним, присутствуем в нем. Человек не может выйти из самого себя и посмотреть на мир со стороны. Он всегда включен в мир, в сознание, с помощью которого рассматривает мир и получает информацию о нем. Сознание всегда организует мир, мир есть форма организации сознания. «Жизненный мир» целостен и структурирован.

«Жизненный мир» воинской службы можно понимать и как один-единственный, т. е. имеющий одну всеобщую структуру, и как совокупность «конкретных жизненных миров» субъектов. «Жизненный мир» воинской службы обогащается по мере вовлечения в сферу военной деятельности все более широких масс людей и разнообразных явлений общественной жизни, поэтому еще одним компонентом жизненного мира являются социальные, социально-политические, социально-экономические, идеологические и прочие условия, которые его порождают.

Офицеры – основные носители культуры воинской службы – выступают силой, которая поддерживает устойчивое состояние этого жизненного мира, вырабатывая, храня и передавая военные традиции, специальные знания и опыт. Статус офицера в жизненном мире воинской службы закрепляется посредством символов, подчеркивающих сакральную значимость его роли: «защитник», «носитель и хранитель традиции». Жизненный мир воинской службы пронизывает все сферы военной организации, его специфические черты не только находят отражение в программах жизнедеятельности и культурных

установках его отдельного представителя, но и характеризуют сообщество в целом.

Рассмотрим основные характеристики и компоненты жизненного мира воинской службы. Отношение к службе в армии как обязательному условию гендерной социализации является устойчивой культурной установкой с древнейших времен до наших дней, которая закрепляется такими стереотипами как «армия – школа мужества», «необходимо отслужить, чтобы стать настоящим мужчиной», «настоящая мужская профессия – быть защитником Родины» и т. д. Таким образом, главной характеристикой жизненного мира воинской службы является его маскулинность. Хотя в настоящее время в армию призывают и женское население страны, «жизненный мир» воинской службы остается преимущественно миром мужчин. Поддержание оптимального уровня физического здоровья военнослужащего, тотальная регламентация повседневной деятельности создают определенный психологический настрой, характеризующийся перманентным пребыванием в «пограничных» психических состояниях.

«Жизненный мир» воинской службы является носителем характеристик «тотального института», который может быть определен как место проживания или работы, где большое число находящихся в похожей ситуации людей, исключенных из более широкого сообщества на заметный промежуток времени, вместе проводят закрытый, формально администрируемый жизненный цикл. Тотальность – еще одна характерная черта «жизненного мира» воинской службы.

Армия и общество не существуют изолированно, а серьезная ошибка есть ограничение воинской службы и ее культуры только рамками военной организации, поскольку «жизненный мир» воинской службы находится в тесной взаимосвязи с «жизненным миром» общества в целом, а культура воинской службы отражает культуру всего общества. В условиях ведения войны воинские ценности обретают всеобщую значимость, а символы воинской службы – высокий статус; в то же время принадлежность к этому институту рассматривается как принадлежность к элите общества. Следует отметить, что подобная экстраполяция культуры воинской службы на «жизненный мир» общества необходима для существования армии, так как в ходе локальных военных конфликтов, ведения контртеррористических операций, оказания помощи дружественным политическим режимам, когда народ и отдельные социальные группы не принимают непосредственного участия в боевых действиях, значительно снижаются социальные мотивы для

поддержания морального духа, уровня боевой готовности, уверенности в правильности своих действий воинов. В этих условиях особое значение имеют структуры, имманентно присущие «жизненному миру» воинской службы – духовные ценности, традиции, идеи, убеждения, символы. Именно они будут играть решающую роль в формировании личности военнослужащего. Важное значение в этом плане придается военным традициям, определяемым как «исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению обычаи, обряды, общественные установления, идеи и ценности, нормы поведения и т. п.; элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени» [3].

А. Кривицкий придает решающее значение длительности и неукоснительному соблюдению требований воинских традиций [4, 108 с.]. Вся жизнедеятельность этого сообщества проникнута специфическими нарративами, связанными с историей рода войск, героикой боевого пути воинского подразделения, боевой славой, накопленной и хранимой данным сообществом, наследником которой ощущает себя любой представитель этого сообщества. Субкультуры воинской службы – военно-профессиональную, политическую, управленческо-исполнительскую, дисциплинарную, военно-техническую, штабную, строевую и физическую культуру, воинский этикет и культуру общения – можно рассматривать в качестве основных компонентов ее жизненного мира. Организованная и жестко регламентированная совместная деятельность обеспечивает воздействие на каждого военнослужащего и объединяет небольшие по своему составу сообщества в неразрывное целое, при этом отношения координации неотделимы от отношений субординации в общении по горизонтальным и вертикальным ветвям власти. Внутренний порядок в соответствии с требованиями руководящих документов и уставные отношения между командирами и подчиненными позволяют создавать в воинском сообществе необходимые условия для обучения и воспитания, качественного выполнения учебно-боевых задач, проявления взаимопомощи и взаимовыручки. Большое значение имеет личный пример командира во всех сферах деятельности: на службе в повседневной деятельности, учениях, походах в быту, а также на отдыхе и т. д. Все это способствует интеграции «жизненного мира», обладающего определенным горизонтом, в котором даны и конструируются другие миры – совокупность априорных структур, предопределяющих образцы

любого опыта, «архетипы» пространственности и временности, горизонтности и историчности, присущие культуре любого сообщества.

«Жизненный мир» воинской службы, с одной стороны, устойчив, а с другой – динамически изменчив, релятивен. Он дан индивиду в образе и контексте практики – в виде целей. «Жизненный мир» индивидуален для каждого индивида, так как представляет его эмпирический опыт.

Феноменологический метод позволяет ответить на вопрос: что сохраняет сущность и неповторимость воинской службы, несмотря на все глобальные социокультурные трансформации. Феноменология позволяет держать в фокусе внимания фундаментальные ценности личности и сообщества, которые продолжают выполнять свою культуuroобразующую функцию вопреки изменившейся социально-исторической ситуации, когда старые символические коды утратили свое прежнее значение.

Тщательно анализируя программу конституирования основных ценностей «жизненного мира» воинской службы, мы видим, как происходит включение, образование и воспитание военнослужащего в условиях этого «жизненного мира». Ценностное конституирование основывается на универсальных законах существования и самоорганизации «жизненного мира». Конституирование «жизненного мира» человека осуществляется с помощью ценностей, влияющих на поведение и проявляющихся в нем. Общеизвестно, что каждый индивид решает для себя, как построить свою жизнь, чем ее наполнить, что оставить потомкам, однако универсальное правило состоит в том, что смысл жизни заключается в самореализации себя как личности, профессионала, семьянина и в той пользе, которую человек приносит обществу и себе.

Конституирование «жизненного мира» воинской службы обеспечивается тремя главными факторами – системностью, устойчивой цепочкой базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Эти три фактора – три грани процесса самоорганизации «жизненного мира». Именно благодаря данным факторам культура воинской службы включена в глобальный процесс социальной самоорганизации при минимальных затратах энергии на поддержание своего существования. Военнослужащими становятся люди, которые в большинстве своем еще не сформировались как личности, поскольку их знания и элементы мировоззрения привнесены из «большого социального мира», а потому разрознены, отрывочны, не увязаны в систему. «Жизненный мир» воинской службы эти разобщенные знания и элементы

мировоззрения сводит в единую систему, конституируя особый «малый социальный мир» воинской службы. Отбрасывая все «лишнее», избыточное, культура воинской службы достигает того необходимого эффекта, когда пусть небольшое, ограниченное, но систематизированное знание или мировоззренческая система становится реальной силой, поддерживающей «жизненный мир» воинской службы, и может служить стержнем личности военнослужащего. Что является катализатором системности «жизненного мира» воинской службы? В качестве такого катализатора можно рассматривать то, что М. С. Каган определил как «виды универсальных нравственных ценностей», которые функционируют в любом сообществе: ценности-нормы, ценности-цели и ценности-качества [5, с. 34–41].

В. А. Ядов отмечает: если учесть, что система ценностных ориентиров образует высший уровень диспозиционной системы, то она успешно преобразует витальные потребности в потребности высшего уровня – социальные потребности. Именно они обеспечивают включение личности в социальную среду, где могут быть реализованы ее ценностные установки [6, с. 27].

Ценностное ядро культуры воинской службы составляют, как правило, установки этатизма, которые идеологически вписываются как в мировую, так и в национальную культуру, благодаря чему легко воспроизводятся. Специфика воинской службы и социально-бытовые условия воинской среды придают этим установкам неповторимый колорит. Даже то, что принято относить к общечеловеческим духовным ценностям, в «жизненном мире» воинской службы конституируется как отражение государственной политики.

Если рассмотреть систему духовно-нравственных ценностей военнослужащего, связанных с глубоким осознанием социальной значимости своего долга и ответственности за выполнение возложенных на него обязанностей, то данный «долг» и «ответственность» также трактуются с позиции этатизма.

С особенностями вышеуказанных ценностей, которые мы связываем с деятельностью офицерского корпуса, соотносится и высокий уровень принятия командирских решений, за которые офицер несет личную ответственность

перед руководством и подчиненными, как в мирное, так и в военное время. Такие самостоятельные решения должны быть стратегически спрогнозированы, тактически выверены, оправданы с позиции морали, нравственности и профессионализма. При этом духовно-нравственные ценности представляют глубокую взаимосвязь нравственной и профессиональной позиции офицера, а это единство способствует росту авторитета среди подчиненных, дает возможность формировать боеспособный воинский коллектив с устойчивыми горизонтальными связями, создавать здоровую морально-психологическую обстановку в воинском подразделении.

Если убрать все идеологические наслоения, которые способны существенно исказить картину «жизненного мира» воинской службы, то можно обнаружить, что в своей основе он конституируется на тех же ценностных установках, что и «большой социальный мир». В них находят выражение общечеловеческие позиции военнослужащего, в соответствии с которыми строится его поведение в различных жизненных ситуациях, разнообразных видах военно-профессиональной деятельности и общения. Они служат основанием, определяющим мировоззрение военнослужащего, его мотивацию, отношение к событиям, к себе самому, другим и к военной службе в целом. Сложившиеся общечеловеческие и духовные ценности образуют определенную ось сознания военнослужащего, обеспечивающую определенную ориентацию в обществе.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика. Афинская политика / предисл. Е. И. Темнова. М., 1997. 458 с.
2. *Парсонс Т.* Понятие культуры и социальной системы. О социальных системах. М., 2002. 832 с.
3. *Философский энциклопедический словарь – традиция*. Вокабула – энциклопедии, словари, справочники-онлайн. 2013–2015 г. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/философский-энциклопедический-словарь-1989/традиция> (дата обращения: 12.03.2017).
4. *Кривицкий А.* Традиции русского офицерства. М., 1945. 108 с.
5. *Каган М. С.* Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 34–41.
6. *Социальная идентификация личности* : в 2 кн. / под ред. В. А. Ядова. М., 1994. Кн. 2. 298 с.

Образец для цитирования:

Панасенко Ю. А. Феноменология «жизненного мира» воинской службы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-30-34>

Phenomenology of “Life-World” of the Military Service

Yu. A. Panasenko

Yuri A. Panasenko, Federal State Official Military Educational Institution of Higher Professional Education Military Educational-Research Centre of Air Force Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (branch, Chelyabinsk), Chelyabinsk, Town-11, d. 1, Chelyabinsk 454015, Russia, panasenko-ep@mail.ru

The article presents the characteristic of the military service as a system based on social phenomenology, which divides life-world into several levels, several “life-worlds”. The core of the life-world is the corporeal world, psychophysiological individual content. The main carriers of the military service culture are officers. In the conditions of military service spiritual values, traditions, convictions, symbols are essential because they play a decisive role in shaping the individuality of a military man. Phenomenology allows you to keep the focus on these fundamental values of individuality and community which continue to accomplish its culture forming function. The article provides definitions, key features and components of the military service “life-world”. The institutionalization of the military service “life-world” is ensured by three main factors which are systematicity, sustainable chain of basic values, diachronically synchronistical maintenance of basic values. These factors are the basis for the process of the “life-world» self-formation. The program of the institutionalization of the military service “life-world” basic values is analysed in the article and herein it is pointed out how activation, education and training of a military man under the conditions of the “life-world”

happens and how he organizes all these separate experiences into a united system setting up a particular “little social world” of the military service.

Keywords: social phenomenology, «life-world», military service, the culture of military service, institutionalization, system.

References

1. Aristotle. *Politika. Afinskaya politika* [Politics. Athenian Politics]. Moscow, 1997. 458 p. (in Russian).
2. Parsons T. *Ponyatiye kultury i sotsialnoy sistemy. O sotsialnykh sistemakh* [Notion of culture and social system. About social systems]. Moscow, 2002. 832 p. (in Russian).
3. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar – traditsiya. Vokabula – entsiklopedii. slovari. spravochniki-onlayn* (2013–2015) (Philosophical encyclopaedic dictionary – tradition. The vocable – encyclopedia, dictionaries, the reference books – on-line (2013–2015)). Available at: <http://www.vokabula.rf/slovari/filosofskiy-entsiklopedicheskiy-slovar-1989/traditsiya> (accessed 12 March 2017) (in Russian).
4. Krivitskiy A. *Traditsii russkogo ofitserstva* [Traditions of Russian officers]. Moscow, 1945. 108 p. (in Russian).
5. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tseinnostey* [Philosophical theory of values]. St. Petersburg, 1997. 205 p. (in Russian).
6. *Sotsialnaya identifikatsiya lichnosti: v 2 kn. Pod red. V. A. Yadova* [Social Identity: in 2 book. Ed. by V. A. Yadov]. Moscow, 1994, book 2, 298 p. (in Russian).

Cite this article as:

Panasenko Yu. A. Phenomenology of “Life-World” of the Military Service. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-30-34>

УДК 314.74

Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния мифологий

С. И. Трунев, Е. Ю. Антонюк

Трунев Сергей Игоревич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., si_trounev@mail.ru

Антонюк Екатерина Юрьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, eyu_antonjuk@mail.ru

Авторы исходят из положения, согласно которому постиндустриальное общество разделено на элиту и массу (З. Бауман, П. Вирлио). Элита экстерриториальна и мобильна; массы территориально ограничены и их перемещения – это либо туризм, либо трудовая миграция. В культурном отношении элиты склонны взаимодействовать более между собой, чем со своими народами. Массы, с одной стороны, используют в жизни объекты «других» культур, но с другой – противостоят друг другу на уровне мифологий. Разумеется, мифология необходима массовому человеку для того, чтобы он чувствовал себя полноправным членом общества, результатом длительного исторического процесса, обладателем всех лучших качеств представителей своей страны. Однако здесь имеется противоречие. Массовое сознание охотно воспринимает, а российский массовый человек с удовольствием использует объекты материальной и духовной культуры, созданные в рамках западного общества. Некоторые объекты отечественной культуры (водка, русская баня, автомат Калашникова и т. п.) также становятся весьма популярными на Западе. Это взаимопроникновение культур парадоксальным образом сочетается с обоюдным и совершенно откровенным неприятием на мифологическом уровне. Синтезом является наша повседневная жизнь, объединяющая противоречащие друг другу элементы культуры и мифологии в едином однонаправленном потоке.

Ключевые слова: элита, масса, мифология, бинарные оппозиции, диалектика, синтез.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>

Рассуждая о «взаимодействии культур», исследователи зачастую забывают о том, что само по себе данное выражение подразумевает взаимодействие некоторых надличностных инстанций. Получается, что культуры взаимодействуют как бы сами собой. Однако очевидно, что, поскольку носителем культуры выступает субъект, принадлежащий к определенной социальной группе, не следует рассматривать взаимодействие в отрыве от субъекта. Необходимо вспомнить исходные предпосылки исследования, выработанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Предпосылки, с

которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догматы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью» [1, с. 10]. Таким образом, уже в самом начале исследования необходимо рассмотреть основные характеристики постиндустриального общества и прежде всего его социальную структуру.

Повествуя о последней, З. Бауман и П. Вирлио разделяют в современном мире две большие социальные общности: элиту и массу. Элита – представители капитала, экскстерриториальные по отношению к территориально ограниченному государству, обладающие повышенной мобильностью, т. е. способностью к свободному перемещению по земному шару: «Элиты передвигаются в пространстве и делают это быстрее, чем когда-либо прежде, но быстрота действий и плотность сетей власти, которые они ткнут, не зависят от их передвижения. Обретя “бестелесность”, главным образом в ее финансовой форме, власть предрержащие становятся действительно экскстерриториальными, даже если телом они остаются “на месте”» [2, с. 95]. Транснациональные элиты взаимодействуют как в экономическом, политическом, так и в культурном отношении. Преследуя чисто коммерческие цели, элиты никого не могут окончательно назвать «врагом» и предпочитают ситуативные (т. е. соответствующие политической ситуации) словесные выпады и (или) извинения. Что касается культурного взаимодействия, то оно фактически сводится к организации и совместному посещению одних и тех же культурных мероприятий (фестивалей, благотворительных мероприятий, аукционов и т. п.). В этой связи отметим, что в культурном отношении элиты значительно ближе друг к другу, нежели к своим «народам», т. е. к массе. Значимым является и то обстоятельство, что элиты различного уровня задают массам стереотипы поведения и образа жизни в целом. Массы же находятся в непрерывном «догоняющем» положении, поскольку высокая мобильность элит – это также, если так можно выразиться, культурная мобильность, т. е. способность к резким

и внезапным для масс изменениям правил игры на культурном поле. Ярким примером последнего является мода, понимаемая в широком смысле: от моды на одежду и аксессуары до моды на определенные слова и устойчивые словосочетания.

Масса – это народ, вынужденный в силу ряда причин проживать на строго очерченной территории, в пределах определенного государства. Перемещения массы ограничиваются более или менее систематическими туристическими поездками либо трудовой миграцией. В культурном отношении массы более самобытны, поскольку значимыми компонентами их сознания выступают традиции, обычаи, традиционные верования и т. п. По словам М. Кастельса, «складывается картина, один из компонентов которой составляет доминирующая глобальная элита, существующая в пространстве потоков и состоящая, как правило, из индивидуумов, обладающих менее яркой самобытностью (“граждане мира”); но на этой картине одновременно присутствуют и люди, сопротивляющиеся лишению своих привилегий в экономической, культурной и политической областях и тяготеющие к самобытности сообщества» [3, с. 299]. Позиция М. Кастельса при всей ее привлекательности возводит в абсолют культурную самобытность некоторых социальных групп, представляя их в качестве сообществ сетевого сопротивления некоей глобальной системе. На самом деле это не совсем так.

Если культурное взаимодействие элит осуществляется на общем культурном поле, то массы взаимодействуют в двух пересекающихся плоскостях. Первое поле формируется образцами массовой культуры, которые, как правило, одинаково оцениваются представителями различных локальных масс. Согласно Ж.-Ф. Лиотару основу массовой культуры составляет эклектизм: «Эклектизм есть нулевая ступень всеобщей культуры наших дней: мы слушаем reggae, смотрим western, обедаем у Макдональда, а вечером пользуемся услугами местной кухни; в Токио душатся по-парижски, в Гонконге одеваются в стиле ретро; знание есть то, о чем задаются вопросы в телевизионных играх. Эклектическим творениям легко найти себе публику. Обращаясь в китч, искусство подлаживается под тот беспорядок, который царит во “вкусе” любителя» [4]. Нетрудно заметить, что в пределах данного поля если самобытность и существует, то она представляет собой, скорее, симулякр традиционной культуры, оторванный от ее глубинных (прежде всего мировоззренческих) основ и представленный в «удобоваримой» для всех форме. Это означает, что культурное взаимодействие, конечно, происходит, но оно не способно изме-

нить базисные структуры массового сознания. По существу культурная самобытность здесь формирует социальные группы, получившие от З. Баумана меткое определение «карнавалы сообщества».

Вторым полем взаимодействия оказывается пространство мифологии, т. е. стереотипные представления о собственной культуре, а также о других культурах и их носителях. Наиболее важными для нашего исследования являются такие характеристики современных мифологий, как их наукообразность, откровенная политизированность и то, что в основном их продуцируют средства массовой информации, включая Интернет. Наукообразность современных мифологий служит следствием непрерывного возрастания общественного авторитета науки, об опасности которого в свое время писал еще П. Фейерабенд: «Теоретический авторитет науки гораздо меньше, чем предполагают. С другой стороны, ее социальный авторитет в настоящее время стал настолько подавляющим, что необходимо политическое вмешательство для того, чтобы восстановить гармоническое развитие» [5, с. 365]. Превращению науки в мифологию в немалой степени способствует и сам характер современной науки. Тезис о том, что нам не нужны теории с высокой степенью вероятности, но невероятные теории (К. Поппер), своими словами высказал и Г. Башляр: «Мы увидим, с какой широтой обобщений современная мысль осваивает специальные знания; мы продемонстрируем некий род полемического обобщения, присущего разуму по мере того, как он переходит от вопросов типа “почему” к вопросам типа “а почему нет?”» [6, с. 32]. По нашему мнению, именно направленность современной науки на вопрос: «а почему нет?» позволяет продуцировать не только невероятные теории, но и целый ряд мифологий: от различного вида «теорий заговора» до столь же различных вариантов взаимодействия землян с космическим или потусторонним миром. Подкрепленные научными «фактами», современные мифологии легко внедряются в обыденное сознание, задающееся только одним вопросом: на чьей стороне будут инопланетяне в случае начала Третьей мировой войны?

Если в XIX и XX вв. основным инструментом создания мифологий была философия, то в XXI в. эту роль взяли на себя средства массовой информации. В данном аспекте их задачей становится уже не передача информации как таковой, а формирование политической и социокультурной идентичности через производство в сознании массового потребителя образа «себя» и образа «другого». Здесь-то и возникает противостояние

мифологий, поскольку если «мы» (несмотря на недостатки) всегда «хорошие», то «другие» (независимо от достоинств) всегда «плохие». Конечно, «наши» оценки представителей инокультурных сообществ разнятся от добродушного смеха и легкого отчуждения до брезгливости и страха, но в любом случае они, как правило, носят негативный оттенок.

Массовый человек не имеет ни времени, ни соответствующих теоретических инструментов для того, чтобы вскрыть мифологический характер того или иного сообщения. Например, когда ему внушается миф о том, что Россия – это страна с высоким уровнем «религиозности», «духовности» и «нравственности», в его сознании не всплывут ни произведения Ивана Баркова, ни собранные Александром Афанасьевым «заветные сказки» (кстати, народные), ни некоторые произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова и других, обладающие весьма фривольным содержанием.

Более того, поскольку обыденное сознание по определению гармонично объединяет в себе противоречащие друг другу элементы, оно не усматривает особого противоречия между любовью к западному фастфуду и (или) автомобилям и неприятием западного образа жизни, который, собственно, и привел к появлению соответствующих фастфуда и автомобилей. Простейшим примером гармоничного соединения противоречащего являются «Опели» и «Фольксвагены», украшенные к Дню Победы надписями «На Берлин!».

Представляется, что, несмотря на отмеченную самобытность, массы любого локального государства сходны в одном: они довольствуются мифологической картиной мира, не подвергая ее критическому осмыслению. Это вполне объяснимо, поскольку для того, чтобы акт размышления состоялся, необходимы (помимо собственно разума) два условия: 1) наличие свободного времени и 2) наличие свободной энергии, которую можно было бы направить не на повседневную деятельность, а именно на размышление. Ни тем, ни другим массовый человек не обладает. В этой связи приведем короткий текст, отражающий стереотипы западных представлений о «нас» (созданные «нами»):

«– Дорогая, я дома!

– Почему так поздно?

– По дороге медведь ногу вывихнул – пришло водкой отпаивать.

– Садитесь все! Давайте выпьем водки.

– Мам, я пойду поиграю с медведем.

– Хорошо, только сначала выпей водки.

–А где наш дедушка?

– Он вторую неделю стоит в очереди за талонами на талоны.

– Хорошо, что он перед этим выпил водки. И ты без дела не сиди – иди тоже выпей водки.

– Ладно, иди, погуляй, сынок, и не забудь написать вечером отчет в КГБ! А по пути домой не забудь купить водки – она заканчивается.

– Дорогая, что-то жарко. Выключи, пожалуйста, атомный реактор.

– Сейчас водку допью и выключу, а ты пока сыграй на балалайке» [7].

Постепенно на основе подобного рода локальных мифологий формируются относительно целостные симулякры «российскости» и «западности», находящиеся в состоянии открытого противостояния друг с другом. Как и архаические мифологические нарративы, они включают в себя ряды бинарных оппозиций, продуктивный синтез которых исключается с самого начала. Вот лишь некоторые, наиболее популярные в настоящее время ряды: «Российскость» – это духовность, державность, нравственность, православие, традиция, традиционная семья, коллективизм, традиционная культура; «западность» – это рационализм, либеральное государство, безнравственность, сектантство, стремление ко всему новому, однополые браки, индивидуализм, массовая культура. Список можно было бы продолжить, однако для данного исследования более важно то, что само наличие строгих бинарных оппозиций не предполагает замены одного «звена цепи» на другое. По крайней мере, в массовом сознании.

В этом, собственно, и состоит диалектика: массовое сознание охотно воспринимает, а российский массовый человек с удовольствием использует объекты материальной и духовной культуры, созданные в рамках западного общества. Более того, он с удовольствием критикует отечественный автопром и разработанные российскими инженерами гаджеты. Некоторые объекты отечественной культуры (водка, русская баня, автомат Калашникова и т. п.) также становятся весьма популярными на Западе. Это взаимопроникновение культур парадоксальным образом сочетается с обоюдным и совершенно откровенным неприятием на мифологическом уровне. Разумеется, мифология необходима массовому человеку для того, чтобы он чувствовал себя полноправным членом общества, результатом длительного исторического процесса, обладателем всех лучших качеств представителей своей страны. Но где же искомый синтез? А синтезом является наша повседневная жизнь, объединяющая противоречащие друг другу элементы культуры и мифологии в едином однонаправленном потоке.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1934. 619 с.
2. Бауман З. Власть без места, место без власти // Социологический журнал. 1988. № 3/4. С. 86–100.
3. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 292–308.
4. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? URL: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188> (дата обращения: 04.09.2018).
5. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 542 с.
6. Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. 376 с.
7. Русская семья в представлении американской. URL: <http://www.yaplakal.com> (дата обращения: 06.09.2018).

Образец для цитирования:

Трунев С. И., Антоныук Е. Ю. Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния мифологий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 35–38. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>

Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies

S. I. Trounev, E. Yu. Antonyuk

Sergey I. Trounev, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya Str., Saratov 410054, Russia, si_trounev@mail.ru

Ekaterina Yu. Antonyuk, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya Str., Saratov 410012, Russia, eyu_antonyuk@mail.ru

Authors of this article state that any post-industrial society is divided into an elite and a mass (S. Bauman, P. Virilio). The elite is exterritorial and mobile, masses, on the contrary, are limited territorially and their movements are either tourism, or the labor migration. Culturally elites tend to interact among themselves more often than they do it with their nations. As for masses, they use, on the one hand, different objects of "other" cultures, but, on the other hand, they oppose each other at the level of mythologies. Of course, mythology is necessary for a mass person to feel himself a full member of the society, the result of a long historical process, the carrier of all the best qualities of his country's representatives. But there is a contradiction there. Mass consciousness is willingly accepted, and the Russian mass person with pleasure uses the objects of material and spiritual culture created within the Western society. Some objects of national culture (vodka, Russian bath, Kalashnikov assault rifle, etc.) are also becoming very popular in the West. This interpenetration of cultures is paradoxically combined

with mutual and completely outright rejection at the mythological level. The synthesis is our everyday life which unites conflicting elements of culture and mythology in a single unidirectional flow.

Keywords: elite, mass, mythology, binary oppositions, dialectics, synthesis.

References

1. Marks K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [German Ideology]. Moscow, 1934. 619 p. (in Russian).
2. Bauman Z. Power Without Place, Place Without Power. *Sotsiologicheskij zhurnal* [The Sociological Magazine], 1988, no. 3–4, pp. 86–100 (in Russian).
3. Castells M. Mogushhestvo samobytnosti [The Power of Identity]. In: *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West. Antologiya]. Moscow, 1999, pp. 292–308 (in Russian).
4. Liotar ZH.-F. *Orvet na vopros: chto takoe postmodern* (Answer to the question: what is a post-modern). Available at: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188> (accessed 4 September 2018) (in Russian).
5. Fejerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [The chosen works on science methodology]. Moscow, 1986. 542 p. (in Russian).
6. Bashlyar G. *Novyj ratsionalizm* [New rationalism]. Moscow, 1987. 376 p. (in Russian).
7. *Russkaya sem'ya v predstavlenii amerikanskoj* (The Russian family in Americans' view). Available at: <http://www.yaplakal.com> (accessed 6 September 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Trounev S. I., Antonyuk E. Yu. Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 35–38. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>

УДК 316.33

Становление множественной идентичности в цифровой среде

Н. Г. Устьянцев

Устьянцев Никита Глебович, магистр философии, аспирант кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ, nikyst.55@gmail.com

В данной статье рассматривается процесс развития цифровой среды и сферы человеческой жизнедеятельности, связанный с качественными переходами на новые формы осмысления. Анализируются формирование цифровой реальности под углом зрения феноменов культуры и коммуникации, множественная идентичность и ее взаимодействие с цифровым пространством, актуализирующая проблемы контроля, трансформации и видоизменения процессов идентификации. Существенным фактором, влияющим на динамичное видоизменение цифровой среды и индивидуальной идентичности, является креативность, предполагающая поиск нестандартных решений поставленных задач, осмысление существующей проблематики. Креативное мышление в сочетании с созданием новых инструментов приводит к постоянному обновлению знаний и навыков, отражающихся как на повседневном опыте, так и на целостности представлений о мире. Вариативность познания и функционирования цифрового пространства приводит к формированию различных практик самоидентификации у индивида как на коллективном уровне через признание, так и на индивидуальном уровне через принятие идентификаторов. Статус неопределенности и гетерогенности цифровой среды влияет на формирование новых ценностей для индивида, что приводит к трансформации личной идентичности, опыта самоконституирования и самоопределения в постоянно подвижной цифровой среде.

Ключевые слова: идентичность, цифровое общество, креативность, социальное управление, множественность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-39-42>

Высокие темпы развития и расширения технических возможностей характерны для современности. Новые цифровые технологии расширяют возможности хранения и передачи информации, особенности доступа и ее повторного использования в постоянно трансформирующемся виде. С одной стороны, цифровая информация (в виде цифровых активов) стала основным элементом электронной коммерции, изменяя наряду с технологиями и базовую платформу, и алгоритм использования, и нормативные акты, влияющие на распределение и формальное функционирование цифровой экономики. С другой стороны, возможности распределения и развития информации как энергетического элемента современности проявляются и в остальных сферах человеческой деятельности,

видоизменяя коммуникацию, культуру и общество, представляя их в новом цифровом качестве.

Данная тенденция подобно индустриальной форме общества является частью закономерного развития информации и технологий. В 70-х гг. прошлого столетия образ постиндустриальной картины мира активно развивался на стыке социологии, экономики, математики и философии такими авторами, как М. Кастельс, Д. Белл, К. Шеннон, П. Друкер. В этой связи уместно привести следующее высказывание М. Кастельса: «В последнюю четверть XX века произошло слияние воедино трех независимых процессов – предвестников появления новой общественной структуры, основывающейся главным образом на использовании сетей: развитие экономики, обеспечивающей гибкость управления и глобализацию капитала, производства и торговли; стремление к построению общества, в котором будут господствовать ценности свободы личности и открытой коммуникации, и поразительного прогресса компьютеров и телекоммуникаций, оказавшегося возможным благодаря революции в микроэлектронике. В этих условиях Интернет – малоизвестная технология, использовавшаяся только внутри изолированных групп специалистов по вычислительной технике, хакеров и контркультурных сообществ, – превратилась в движущую силу перехода к обществу нового типа – сетевому обществу, а через него – и к новой экономике» [1, с. 15].

Следствием стало обеспечение метанарративности цифрового как облика или образа современности с введением дихотомии таких понятий, как цифровое и аналоговое. Во многом именно это и сформировало отступление понятия информационного на второй план как технически опосредованного в противоположность цифровому, что, несомненно, ведет к удвоению субъектов и институтов, порождающему неравномерное распределение как в правовой среде, так и в пространстве повседневности, влекущей к диспропорции и проведению границ между субъектами и институтами. Рост гетерогенности и неоднородности цифрового пространства приводит к процессу адаптации к цифровому эквиваленту. Можно предположить, что данная адаптация конструирует особое пространство с цифровым обществом, государством, библиотекой, бан-

ковской системой, образованием, экономикой, коммуникацией и в итоге с агентом данных структур – цифровым потребителем.

В данном контексте А. О. Лапшин, выводя онтологические параметры концептов «Слова и Цифры», указывал, что цифровое «как всякий революционный процесс [...] несет в себе, кроме очевидных плюсов, новые вызовы и риски. Цифра не просто бродит по современным коммуникациям, она активно заменяет наши привычные ориентиры и ценности... Остановить этот процесс невозможно, он действует и в развитых странах, и в архаичных обществах» [2, с. 78].

Следует указать, что весь процесс формирования цифрового пространства характеризуется множественностью децентрализованных и детерриториальных процессов, проходящих через сложную совокупность технологий, информации и виртуальности.

Обратим внимание, что исключительность, привносимая цифровыми технологиями, сформирована отчасти благодаря специфичности и уникальности своей структуры или алгоритма действия, которые в результате становятся формообразующими феноменами. Трансформируясь в новые экономические и социальные ценности, цифровые структуры открывают новые возможности для разработки инновационных услуг. Цифровые технологии в сочетании с доступностью порождают информационные поля, где постепенно преодолеваются различия публичного и частного, национального и элитарного. Цифровая среда требует особой гибкости от субъектов приведенных отношений, переживающих последствия современных информационных сдвигов.

Цифровая гибкость сопряжена с другой формальной стороной развития среды, где происходит становление нового. Невозможность поставить видимые границы цифровой среды связана с глобальным процессом «цифровизации» объектов, с одной стороны, и непрерывным поступательным движением, с другой. Следовательно, мы не можем с полной уверенностью опираться на нецифровые, аналоговые объекты и системы, ибо сам факт определения не выводит принцип неизменности. В нарративном смысле процесс «цифровизации» схож с процессами политизации сфер человеческой бытийственности с той лишь разницей, что цифровые предметы искусства, такие как digital-art или виртуальные площадки и инсталляции, созданные с помощью алгоритмов, уже устоялись в изменяющейся социальной среде. В связи с этим важно отметить обусловленность уникальности продукта через инновационность технологии, использованной в процессе производства.

В социальном контексте многообразие вариантов истолкования повседневности и публичности, практик агентов и акторов, связанных со становлением цифровых коммуникаций, открывает возможности для построения самых разных моделей современного социума, а также происходящих в нем процессов. Здесь мы подходим к проблеме управления цифровой средой.

Нелинейность социальных процессов приводит к усложнению ситуаций принятия и реализации управленческих решений. И если говорить о современном социальном управлении, то можно утверждать, что институты, практики, теории и концепты, связанные с управлением в разной мере, ориентированы на экономические, технологические и аксиологические стимулы ограничения организационных структур.

В плане гибкости цифровой среды и определенной формы коллективного действия проявляется феномен социальной активности, обращающейся не к усредненным представлениям о социальной справедливости, а использующий креативность в адаптации окружающей действительности под условия цифровой среды.

Наиболее полно эти новые явления интегрируются в действиях представителей креативного класса, реализующего свои инновационные ресурсы в условиях нарастающей конкуренции в цифровой экономике. По утверждению Р. Флориды, креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое, и делает это с большей степенью автономности и гибкости, чем другие классы [3, с. 85]. Креативные субъекты совершенствуют стратегии управления экономическими и социальными проектами, разрабатывают такие средства контроля за цифровой средой, как ограничение, архивация или сегментирование, при сохранении иерархии и системности. Такие методы, широко практикуемые в китайском сегменте управления, приводят к тому, что карта цифровой среды динамичнее развивается в нелинейных, оказывая влияние и на облик современных цифровых сегментов в культуре, в СМИ, в социальных практиках взаимодействия и самоконституирования в обществе.

М. М. Скибицкий высказывает мысль, согласно которой «в Финляндии создана эффективная модель инновационной системы»: «государство, корпоративный бизнес, университеты и хакеры» [4, с. 67]. В этом феномене в качестве значимой следует отметить цифровую экономику, ориентированную на производство инновационных технологий, таких как «информационно-технологический кластер развития технологий

мобильных коммуникаций, высококачественное университетское образование и формирование культурной идентичности» [4, с. 67].

Креативные процессы в цифровом обществе оказывают воздействие на коллективные и личностные формы идентичности. Своим основанием идентичность уходит в повседневность.

Обыденные роли и опыт способствуют сложному характеру нашей идентичности, и мы определяем себя согласно действиям, выборам, убеждениям и эмоциям. В связи с этим представляется вероятным: то, что мы могли бы назвать цифровой идентичностью, просто добавилось бы к множественности нашей существующей сложной картины о себе.

Одна из причин нарастающей зависимости идентичности от цифровой среды – доступность, которая выражается также и через низкий «порог входа» в условиях повсеместности распространения разноуровневых коммуникационных сетей. Коммуникация в онлайн-пространстве непосредственно связана с феноменом взаимодействия. И в данном контексте важным элементом выступает то, что наша идентичность «Я» формируется по отношению к Другому, включая множество социальных, культурных, политических и религиозных контекстов.

Чарльз Тейлор в работе «Этика аутентичности» утверждает, что основная черта человеческой жизни выражается в диалогическом смысле. «Генезис человеческого разума не является “монологическим, но диалогическим”» [5, с. 77]. По этим причинам он предполагает, что идентичность определяется «в диалоге, а иногда и в борьбе с другими идентичностями». Это чувство борьбы обеспечивается необходимостью признания. Тейлор утверждает, что идентичность «нуждается в признании другими» [5, с. 77]. Признание возможно благодаря пониманию и распознаванию характеристик, т. е. общему полю.

Методы контроля за идентичностью реализуются в формате архивации и индивидуализации «пороков», объединяя их в поддающиеся идентификации качественные элементы. Происходит становление особых наборов качеств, выделяемых как основа для объектов негативной идентичности. При категоризации из выделенных элементов образуются скорее частные формы идентичности, которые вводятся в поле исключения и нормализации. Девиантная типология личностей, таких как бунтующий ребенок, безумец, больной, преступник, противопоставляется более общей по типологии, как здоровый, взрослый и т. п., с той лишь разницей, что применительно к последним также действует постоянная процедура установления тех идентификаторов, чьими диа-

лектическими отражениями они являются. Для этого используется идентификация через желания, цели, мнения, особенности физиологии и генеалогии рода, опыт встречи с законодательством и правопорядком и т. п., границы, через которые проходит идентификация объектов. И индивид, придерживающийся основных регуляторов в обществе, ради благополучного существования и комфорта, так же как и индивид, которому необходимо скрывать собственное существование в силу личных особенностей, исключаясь идеологией общества, требуется знание того, через какие формы идентификации они проходят. Вынужденное восприятие качеств, определяющих форму идентичности, неизбежно выходит за пределы собственного регуляторного пространства в пространство культурное.

Можно предположить, что в пространстве контроля и постоянной самоидентификации требуется опыт самоидентификации в пространстве анонимности, где последняя предлагает контроль, гибкость, а также необходимое время на размышление о том, что субъект хочет сказать и каким образом он желает себя представить. Позитивным примером служат форумы для поддержки и общения, на которых люди с различной формой нарушения адаптации могут вести полноценную деятельность в современном смысле цифровой коммуникации и самоконституирования, что крайне усложнено в «аналоговом» пространстве.

Нелинейность и специфичность цифровой среды основываются на сложной множественности субъектов, их взаимоотношениях и взаимопредставлениях. Такая группа объектов позволяет рассматривать цифровую среду как плюралистичный концепт через различные теории и идеи, которые не взаимоисключают друг друга, а формируют особый дискурс описания меняющихся тенденций в современности, вводят возможность концептуально-прогностического и ценностного анализа.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет : размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.
2. *Лапшин А. О.* О слове и Цифре // *Власть*. 2017. № 8. С. 7–9.
3. *Флорида Р.* Креативный класс : люди которые меняют будущее. М., 2007. 421 с.
4. *Скибицкий М. М.* Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // *Мир новой экономики*. 2015. № 4. С. 62–68.
5. *Taylor Ch.* The Ethics of Authenticity. Cambridge, 1992. 142 p.

Образец для цитирования:

Устьянцев Н. Г. Становление множественной идентичности в цифровой среде // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-39-42>

**The Formation of Multiple Identities
in the Digital Environment**

N. G. Ustyantsev

Nikita G. Ustyantsev, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya Str., Saratov 410031, Russia, nikyst.55@gmail.com

This article discusses the development of the digital environment and the sphere of human activity associated with the qualitative transition to new forms of reflection. The author analyzes the formation of digital reality from the point of view of cultural and communication phenomena. The analysis of multiple identity and its interaction with the digital space is presented, actualizing the problems of control, transformation and modification of the identification processes. A significant factor affecting the dynamic modification of the digital environment and individual identity is creativity that involves finding innovative solutions to the tasks, and the reformulation of the existing problems. Creative thinking in conjunction with the creation of new tools leads to the constant updating of knowledge and skills that affect both everyday experience and the integrity of ideas about the world. Variability of cognition and functioning of the digital space leads to the formation of a variety of self-identification practices of the individual both at the collective level through the recogni-

tion, and at the individual level through the adoption of identifiers. Condition of uncertainty and heterogeneity of digital media affect the formation of new values for the individual, which leads to the transformation of personal identity, self-determination experience and self-determination in a constantly moving digital environment.

Keywords: identity, digital society, social management, creativity, multiplicity.

References

1. Kastel's M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, 2004. 328 p. (in Russian).
2. Lapshin A. O. About the Word and the Number. *Vlast' [Power]*, 2017, no. 8, pp. 7–9 (in Russian).
3. Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi kotoryye menyayut budushcheye* [Creative Class: People Who Change the Future]. Moscow, 2007. 421 p. (in Russian).
4. Skibitskiy M. M. The Information Age and the New Economy in the Works of Manuel Castells. *Mir novoy ekonomiki* [World of New Economy], 2015, no. 4, pp. 62–68 (in Russian).
5. Taylor Ch. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, 1992. 142 p.

Cite this article as:

Ustyantsev N. G. The Formation of Multiple Identities in the Digital Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-39-42>

УДК 321.1+348.71

Диалог церкви и государства: проблема интерпретации в консервативной идейно-политической философской традиции и политической теологии К. Шмитта

Н. С. Щёкин

Щёкин Николай Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром политической и экономической социологии, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, biant14@icloud.com

Традиционно на протяжении многих веков диалог церкви и государства в большинстве стран христианского мира характеризовался серьезным влиянием церкви на все значимые сферы социальной жизни. Раскрывая теократические основания институционализации ценностного диалога церкви и государства в современных обществах, автор акцентирует внимание на выяснении причин духовно-нравственного кризиса западной цивилизации. Церковь предпринимает попытку переосмыслить роль и место религии в современном обществе в соответствии с нравственными традициями европейского сообщества в противовес глобализационным процессам. Проанализирована концептуальная модель, в которой осмысливается данная проблема в рамках консервативной идейно-политической традиции (Э. Берк, Ж. де Местр и Л. де Бональд) и политической теологии К. Шмитта. По-новому сформулирована традиционная проблема взаимодействия церкви и государства как значимого ресурса в достижении социального консенсуса и успешного развития общества в целом. В контексте консервативной идейно-политической традиции и политической теологии обосновано, что именно выработка стратегии диалога церкви и государства привела к тому, что христианские культурные ценности, оставаясь во многом смыслообразующей константой европейской культуры, трансформируют свою клерикальную природу и успешно интегрируются в светский культурный ландшафт.

Ключевые слова: диалог церкви и государства, христианство, консерватизм, политическая теология, традиция, инновация, ценности, теократия.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>

Введение

Сегодня исследуется сложный комплекс вопросов, связанных с ролью и статусом христианской религии в современном мире, в частности в противоречивых процессах модернизации на постсоветском пространстве.

Однако, несмотря на этот исследовательский интерес, ряд актуальных вопросов, связанных с феноменом новейшего религиозного ренессанса, остается недостаточно проясненным и системно не изученным. Среди них явно доминирует проблема взаимодействия церкви и государства в условиях глобализирующегося мира и востребо-

ванности модернизационных сценариев развития в различных странах и регионах планеты. Проблема приобретает новые грани актуальности в контексте идеологии глобализма, провозгласившей тезис об исторической исчерпанности базовых компетенций национальных государств и их вытеснении транснациональными структурами на периферию современной жизни. Последние события и проблемы мировой социодинамики, ее экономические и геополитические трансформации все более свидетельствуют о принципиальной несостоятельности этого необоснованного радикализма глобалистской идеологии относительно роли и функций национальных государств в эпоху постмодерна и нарастания глобальной нестабильности.

Основная часть

Целый комплекс новых проблем возникает в сфере отношений церкви и государства. На протяжении многих веков эти отношения в большинстве стран христианского мира характеризовались высокой интенсивностью и серьезным влиянием церкви на все значимые сферы социальной жизни. Процесс секуляризации внес существенные изменения как в стратегию, так и в тактику взаимодействия церкви и государства в большинстве европейских стран. Возникла историческая ситуация, в очередной раз потребовавшая по-новому сформулировать традиционную проблему взаимодействия церкви и государства как значимого ресурса в достижении социального консенсуса и успешного развития общества в целом. Ее комплексное рассмотрение и системный анализ предполагают обоснование такой стратегии социодинамики современного общества, в которой постоянное и конструктивное взаимодействие церкви и государства рассматривалось бы как необходимый и уникальный по своим цивилизационным возможностям ресурс успешного разрешения глобальных и регионально-локальных проблем и противоречий современного мира. Конкретно-содержательная параметризация и успешное

решение этих задач предполагают разработку адекватного философско-методологического базиса концепции взаимодействия церкви и государства в современных условиях. Важнейшими и методологически референтными компонентами данного базиса являются следующие задачи: во-первых, категориально-философская интерпретация взаимодействия церкви и государства в социальных реалиях XXI в. как их перманентного диалога с учетом не только локально-государственных, но и глобально-цивилизационных особенностей; во-вторых, философско-историческая реконструкция различных типов взаимодействия церкви и государства, реализовавшихся в предшествующие века и эпохи прежде всего в контексте доминирования христианской религии.

Вполне логично, что изучение взаимоотношений церкви и государства также продолжается в рамках консервативной идейно-политической традиции. Консерватизм оформляется в первой половине XIX в. как ответная реакция на события Великой французской революции и позиционирует себя в качестве идеологического оппонента либерализма. Такая позиция родоначальников консерватизма обусловлена тем, что философия либерализма рассматривалась ими как один из теоретических источников революции. Становление консервативной традиции происходит в двух основных версиях: во-первых, в берущей начало в опубликованной в 1790 г. работе «Размышления о революции во Франции» британского мыслителя Э. Бёрка и, во-вторых, в системе идей, представленных в работах французских мыслителей Ж. де Местра и Л. де Бональда [1, с. 134]. Однако независимо от социально-политической специфики и национально-культурного своеобразия этих версий консерватизма тема взаимосвязи государства и церкви обязательно присутствует в них.

Так, Э. Бёрк назвал несколько основных ценностей и принципов, которые составляют основу классического консерватизма. Суммируя и конкретизируя их, вслед за Бёрком можно выделить следующие положения: 1) религиозные ценности и духовные цели в качестве регуляторов политической деятельности; 2) культивирование морали и нравственности; 3) авторитет церкви, школы и семьи в качестве фактора культивирования морали; 4) приоритет традиций национальной культуры и чувства патриотизма; 5) первенство интересов государства перед интересами отдельного человека; 6) основанное на христианском учении признание несовершенства мира и человека как «религиозного животного»; 7) видение общества не как механической, а

как органической структуры; 8) существование сильного, построенного на принципах социальной иерархии государства; 9) соблюдение прав и свобод человека с учетом их конкретно-исторической обусловленности; 10) приверженность принципам социальной эволюции, взвешенное и прагматическое отношение к переменам; 11) руководство при принятии важных для общества решений суждениями здравого смысла [2].

Показательно, что в вышедшей в свет в 1957 г. на Западе и приобретшей известность в профессиональных кругах в области политической науки статье С. Хантингтона «Консерватизм как идеология» [3] отмечается, что в своей основе все базовые идеи современного консерватизма определены еще Э. Бёрком. Конечно, новые социально-исторические условия общественного развития потребовали коррективов некоторых принципов, в частности, это касается диалектики интересов государства и индивида, смягчения принципа иерархизма в социальной структуре общества, что естественно для современного демократического общества. Приверженность традиционным ценностям религии сохраняет статус одного из базисных принципов консерватизма.

В частности, особое значение роли религиозных ценностей в общественном развитии придавалось представителями французской версии классического консерватизма Л. де Бональдом и Ж. де Местром. Луи де Бональд категорически отверг теорию общественного договора, настаивая на божественном происхождении монархии и приоритете интересов общества по отношению к интересам индивида. В политической теологии де Бональда, стремившегося создать иерархическую модель сословно организованного общества, использована аналогия в структурах политической и религиозной власти [4, с. 105], причем за основу взято соответствие триадичной структуры субъектов этих двух видов власти. Так, политической триаде «власть – посредник – подданный» соответствует религиозная триада, представленная в форме «Бог-Отец – богочеловек – человек». В политическом обществе названная социальная триада предстает как монарх – выполняющая функции государственного управления высшая знать – подданные, представляющие третье и четвертое сословия. Что же касается религиозного сообщества, то в нем триада выступает в форме связи «Христос – духовенство – миряне» [4, с. 105–106].

В целом же французский мыслитель выступает как противник сосредоточения всей власти в руках либо государства, либо церкви, рассматривая такую ситуацию как губительную для обще-

ства. Поэтому можно согласиться с мнением, что он сторонник баланса между религиозной и светской властями, считая их в равной мере необходимыми для «обуздания страстей» [1, с. 19]. В этом взгляды Л. де Бональда близки Жозефу де Местру, который, определяя монархию в качестве «лицетворения идеи отечества», в то же время провозглашал примат религии, поскольку она освящает государственные институты, придавая им тем самым стабильность и устойчивость. Поэтому, по его мнению, Французская революция стала наказанием за «отступление от Бога» [4, с. 93].

В XX в. проблема взаимосвязи светской и духовной власти, государства и церкви стала предметом специального анализа в политической теологии Карла Шмитта, которого часто характеризуют как политического философа, политолога или, как он сам иногда себя называл, «теолога юриспруденции» [5, с. 23].

На его творчество наложила заметный отпечаток социально-историческая ситуация начала века, которая свидетельствовала о глубоком кризисе современного общества и вызвала потребность в ее анализе с позиций идей консерватизма. По мнению К. Шмитта, социально-политические трансформации с необходимостью ведут к разрушению традиционных основ общества и формированию новой системы ценностей, но за одним исключением. О том, что представляет собой это исключение, говорят следующие его слова: «Вместе с каждой сменой политической ситуации меняются, по видимости, и все принципы – кроме одного: власти католицизма» [6, с. 103]. Выделение данной религиозной конфессии в качестве позитивного «исключения» не случайно и объясняется принадлежностью к католической церкви.

Отличительной особенностью трактовки политики немецким обществоведом является его концепция «друг – враг», одна из основных философских идей которой состоит в признании субстанционального характера политики. У К. Шмитта субстанциональность политического объясняется следующим образом: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания. Поскольку это различие невыводимо из иных критериев, такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т. д. Во всяком

случае, оно самостоятельно не в том смысле, что здесь есть подлинно новая предметная область, но в том, что его нельзя ни обосновать посредством какой-либо одной из иных указанных противоположностей или же ряда их, ни свести к ним» [7]. Субстанциональность политики предполагает возможность ее проекции на сферу религиозных отношений, поскольку, по словам К. Шмитта, «религиозное сообщество, которое как таковое ведет войны, будь то против членов другого религиозного сообщества, будь то иные, есть – помимо того, что оно является сообществом религиозным, – некое политическое единство» [7].

Что же касается взаимоотношений церкви (имеется в виду католическая) и государства, немецкий обществовед говорит об их взаимодополняемости, солидаризируясь с Ж. де Местром во мнении о ценности государства и церкви: «Ценность государства состоит в том, что оно дает решение, ценность церкви – в том, что она является последним, не подлежащим обжалованию решением» [6, с. 82].

Конечно, это утверждение имеет не прямой, а метафорический смысл, поскольку К. Шмитт хочет подчеркнуть духовный авторитет католической церкви в индустриальном обществе, в котором, как он отмечает, далеко не все благополучно. В этом обществе господствует «рационализм экономического мышления», а в городах все происходящее поддается калькуляции, поэтому автор делает вывод, что наступает «господство безличного», господство антихриста [6, с. 119]. Согласно немецкому обществоведу, в условиях кризиса общества и рисков демократического государства церковь не должна придерживаться политического нейтралитета и избегать участия в политической борьбе. Этот вывод логически вытекает из его концепции «друг – враг» в политике, требующей в условиях крайней опасности, когда судьба государства «висит на волоске», определяться, кто является сторонником сохранения стабильности государства и общества, а кто – его противником – «врагом». Причем это решение принимает государство с опорой на традиционные ценности христианства.

Политическая теология К. Шмитта обладает ярко выраженной спецификой, что обуславливается своеобразием исторической эпохи первой половины XX в. и спецификой бурных событий в Германии того времени. Однако данная ситуация позволяет рельефней выделить принципиальный характер связи государства и церкви в философско-политической мысли консерватизма. Эта связь, на наш взгляд, вскрыта в следую-

щей характеристике: «Непомерное расширение политической сферы, области политических решений ведет у К. Шмитта к универсализации политического, с чем связано и отождествление религии и политики. Суверенная власть решает все, что связано с чрезвычайным положением, с утверждением чрезвычайного положения она отменяет границы политического, которые были действительными в нормальной ситуации» [4, с. 113]. Конечно, в концепции мыслителя существуют определенные противоречия, главное из которых заключается в явном несоответствии такой традиционной ценности, как приверженность консерватизма принципам социальной эволюции и нормам права, наделению суверена в чрезвычайной ситуации «божественным» правом принимать решения, которые могут не соответствовать юридическим нормам. Следовательно, это означает возможность рассматривать право как производное от политической власти. Но подобную амбивалентность принципов консерватизма можно квалифицировать и как социальный прагматизм, предусматривающий опору в управлении делами государства на здравый смысл, а значит, на способность к модификации его идеологических принципов. В данном контексте следует отметить, что консерватизм не потерял влияния и в наше время. В частности, характеризуя современные социальные процессы, известный российский политический философ М. М. Фёдорова отмечает: «Традиция де Местра не закончилась. Естественно, уходят в прошлое теократические, провиденциалистские ее моменты. Потому что монархия уже прекратила свое существование во Франции, и другие проблемы выходят на первый план. Но методологические принципы, в первую очередь опора не на индивида, а на историю, остаются в силе. Сохраняется и идея, что политика должна опираться не столько на априорные постулаты разума, сколько на человеческий опыт, как он запечатлен в истории. Эти принципы есть и у новых правых. И во всех голлистских движениях. Да, нет провиденциализма де Местра, но религия как опора человека никогда не отрицалась» [8].

Что же касается отношения современного либерализма к религии и церкви как ее социальному институту, то показателен вывод М. Вебера, разделявшего идеологию либерализма. Сопоставляя с «господствующим духом времени» статус «этики убеждений», отдающей приоритет традиционным ценностям, и «этики ответственности», исходящей из признания первостепенного значения интересов сообщества, он делает

вывод, что «религия в современных условиях, равно как и в обозримом будущем, не может более играть никакой непосредственной и культурно-определяющей роли» [9, с. 210].

Как следует из работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», протестантская религия (в частности в ее кальвинистской версии) способствовала становлению индустриального общества, а значит, и оптимизации его государственного устройства, затем ее влияние на политику стало падать. Правда, по мнению исследователей творчества немецкого социолога, он имел в виду более строгое очерчивание границ влияния религии, понятно, что она в либеральной трактовке должна рассматриваться государством как частное дело человека, являющегося членом гражданского общества.

Что же касается характера отношений католической церкви и государства, то эта стратегия определяется спецификой самой «вечной» религии, заложенной в Средневековье и предусматривающей дуализм двух ветвей власти – светской и духовной – и, следовательно, диалог государства и церкви. Церковь продолжает видеть свою задачу в преображении мира, о чем говорится в положении социальной доктрины папы-реформатора Павла VI, сформулированном в знаменитом послании «О прогрессе народов» 1967 г., утверждающем «непреложную важность Евангелия для созидания общества в свободе и справедливости» [10].

Выходит, что при существующем многообразии концепций взаимосвязи церкви и государства в современном обществе можно говорить об их философской фундированности и социально-исторической обусловленности, определяющих воплощение этих моделей в социальной практике христианского Запада. Действенность этих концепций подтверждена общественной практикой как в странах, в которых приоритетной является атлантическая традиция организации политической жизни, так и в странах, которые привержены континентально-европейской традиции, в большей мере артикулирующей роль государства в обществе [10]. Дальнейшее исследование данных концепций имеет теоретическое и практическое значение. Этот вывод вытекает из слов К. Поппера: «...В наше время характерной реакцией на существующее напряжение цивилизации стало вхождение в моду в определенных интеллектуальных кругах “христианского” авторитаризма Средних веков». Но он не ограничивается простой констатацией приведенного факта, а объясняет причину этого явления: «Раньше люди верили в то, что Бог правит миром. Эта вера

ограничивала их ответственность. Новая вера, в соответствии с которой они должны править сами, налагает на них невыносимое для многих бремя ответственности» [11, с. 33–34].

Заключение

Проблема взаимосвязи светской и духовно-религиозной власти, которая на институциональном уровне конкретизируется в форме диалогических взаимоотношений государства и церкви, актуальна для современного общества. В XX в. проблема взаимосвязи светской и духовной власти, государства и церкви стала предметом специального исследования как в политической теологии, так и рамках консервативной идейно-политической традиции.

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Политическая философия. М., 1999. 605 с.
2. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. 144 с.
3. Huntington S. P. Conservatism as an ideology // *American*

4. *Political Science Review*. Cambridge, 1957. Vol. 51, № 2. P. 454–473.
5. Козловски П. Общество и государство : неизбежный дуализм. М., 1998. 367 с.
6. Schmitt C., Eberhard M. Glossarium : Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin, 1991. 364 S.
7. Шмитт К. Политическая теология : сб. М., 2000. 333 с.
8. Шмитт К. Понятие политического // *Политология : хрестоматия* / сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/02.php (дата обращения: 22.02.2018).
9. Федорова М. После Французской революции секуляризм не имел сильной альтернативы : интервью / беседовала Л. Ульянова // *Русская idea*. URL: <http://politconservatism.ru/interview/posle-frantsuzskoj-revoljutsii-sekulyarizm-ne-imel-silnoj-alternativy> (дата обращения: 21.02.2018).
10. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность : социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. 366 с.
11. Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства : от традиции к современности. Минск, 2017. 205 с.
12. Поннер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. 525 с.

Образец для цитирования:

Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства: проблема интерпретации в консервативной идейно-политической философской традиции и политической теологии К. Шмитта // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>

Dialogue of Church and State: Problem of Interpretation in Conservative Ideal and Political Philosophical Tradition and Political Theology of K. Shmitt

N. S. Shchekin

Nicolai S. Shchekin, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surганова Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus, biant14@icloud.com

Traditionally, for many centuries, the dialogue between the Church and the state was characterized by a significant influence of the Church on all major spheres of social life in most countries of the Christian world. Revealing the theocratic foundations of the institutionalization of the value dialogue of the church and state in modern societies, the author focuses on clarifying the causes of the spiritual and moral crisis of Western civilization. The Church is attempting to rethink the role and place of religion in modern society in accordance with the moral traditions of the European community in opposition to globalization processes. A conceptual model is analyzed in which this problem is comprehended within the framework of the conservative ideological and political tradition (E. Burke, J. de Maistre and L. de Bonald) and the political theology of K. Schmitt. The traditional problem of interaction between church and state as a significant resource in achieving social consensus and successful development of society as a whole is formulated in a new

way. In the context of a conservative ideological-political tradition and political theology, it is justified that it was the elaboration of the dialogue strategy between Church and State that led Christian cultural values, while remaining largely a semantic constant of European culture, transform their clerical nature and successfully integrate into the secular cultural landscape.

Keywords: dialogue of church and state, christianity, conservatism, political theology, tradition, innovation, values, theocracy.

References

1. Gadzhiev K. S. *Politicheskaya filosofiya* [Political Philosophy]. Moscow, 1999. 605 p. (in Russian).
2. Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. London, 1968. 344 p. (Russ. ed.: Berk E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniyakh nekotorykh obshchestv v Londone, odnosyashchikhsya k yetomu sobyitiyu*. Moscow, 1993. 144 p.)
3. Huntington S. P. Conservatism as an ideology. *American Political Science Review*. Cambridge, 1957, vol. 51, no. 2, pp. 454–473.
4. Koslowski P. *Gesellschaft und Staat: ein unvermeidlicher Dualismus*. Stuttgart, 1982. 332 S. (Russ. ed.: Kozlovski P. *Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyi dualizm*. Moscow, 1998. 367 p.).

5. Schmitt C., Eberhard M. *Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951*. Berlin, 1991. 364 S.
6. Schmitt K. *Politicheskaya teologiya: sbornik* [Political Theology: Collection]. Moscow, 2000. 333 p. (in Russian).
7. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo (The concept of the political). In: *Politologiya* (Political science). Reader. Compl.: M. A. Vasilik, M. S. Vershinin. Moscow, 2000. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/02.php (accessed 22 February 2018) (in Russian).
8. Fedorova M. Posle Frantsuzskoi revolyutsii sekulyarizm ne imel silnoy alternativy (After the French Revolution, Secularism did not Have a Strong Alternative). Interview L. Ulyanova. *Russkaya idea* (Russian Idea). Available at: <http://politconservatism.ru/interview/posle-frantsuzskoj-revoljutsii-sekulyarizm-ne-imel-silnoj-alternativy> (accessed 21 February 2018) (in Russian).
9. Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. *Istoriya i ratsionalnost: sotsiologiya Maksa Vebera i veberovskiy renessans* [History and Rationality: Max Weber's sociology and the Weberian Renaissance]. Moscow, 1991. 366 p. (in Russian).
10. Shchekin N. S. *Dialog tserkvi i gosudarstva: ot traditsii k sovremennosti* [Dialogue of Church and State: from Tradition to Modernity]. Minsk, 2017. 205 p. (in Russian).
11. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*: in 2 vols. London, 1945. Vol. 2. 420 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugiye orakuly*. Moscow, 1992. 525 p.).

Cite this article as:

Shchekin N. S. Dialogue of Church and State: Problem of Interpretation in Conservative Ideal and Political Philosophical Tradition and Political Theology of K. Schmitt. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-43-48>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.35.08

Выраженность параметров саморегуляции у государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности

С. В. Духновский

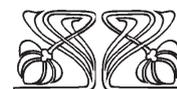
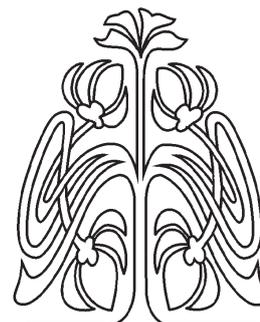
Духновский Сергей Витальевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, dukhnovskysv@mail.ru

В статье обсуждаются вопросы саморегуляции и нормативности государственных гражданских служащих. Под социальной нормативностью служащих понимаются развитость морально-этической регуляции поведения, чувство ответственности, добросовестность, обязательность, в том числе и в выполнении порученных дел, стремление к достижению их качественных показателей. Социальная ненормативность служащего предполагает пренебрежение к соблюдению официально принятых социальных норм и правил поведения или профессиональной деятельности; отсутствие жестких запретов на нарушение норм поведения и деятельности; нормативные ценности, правила поведения воспринимаются личностью как «тяжкие оковы», а их соблюдение расценивается как «потеря свободы», поэтому возникает желание игнорировать или нарушать их. Проведенные исследования позволили установить, что регулятивный компонент психологической надежности служащих взаимосвязан с особенностями их осознанной саморегуляции, под которой понимается процесс инициации и управления произвольной активностью. Система осознанной саморегуляции служит для субъекта средством реализации этого процесса, организации психических ресурсов для выдвижения и достижения целей. Установлено, что у нормативных служащих в структуре осознанной саморегуляции выражены процессы моделирования, программирования и оценивания, тогда как у ненормативных – преобладают процессы планирования, гибкость и самостоятельность. Осознанная саморегуляция является кадровым потенциалом (лично-профессиональным ресурсом), развитие которого способствует минимизации кадровых рисков, повышает психологическую надежность государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: социальная нормативность, психологическая надежность, саморегуляция, кадровые риски, государственный гражданский служащий.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-49-54>

Деятельность трудовых коллективов, их групповые особенности, помимо профессиональной специфики, зависят также от индивидуально-психологических характеристик работников, реализующих профессиональные функции в рамках должностного регламента. Следует отметить, что среди работников практически в каждом трудовом коллективе встречаются «ненормативные» представители. Их «ненормативность», с одной стороны, является кадровым риском, потенциальной угрозой как для самого субъекта трудовой деятельности, так и для кадровой безопасности организации, а с другой – в сочетании с процессами саморегуляции может выступать лично-профессиональным ресурсом, потенциалом работника. Особую значимость проблема нормативности (ненормативности) работника

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в сочетании с особенностями его саморегуляции приобретает в системе государственной гражданской службы.

Отметим, что проблема нормы и нормативности поднималась в исследованиях А. Г. Асмолова [1], С. В. Духновского [2, 3], В. М. Курка [4], Ю. М. Лотмана [5], В. Д. Менделевича [6], А. В. Смирнова [7], Л. Сонди [8], Р. М. Шамяниной [9] и других, вопросы саморегуляции личности освещались в работах О. А. Конопкина [10], В. И. Моросановой [11] и др.

Применительно к нашему исследованию рассмотрим заявленную проблематику с точки зрения *психологической надежности* государственного гражданского служащего, под которой понимаем «сочетание регулятивных, индивидуально-типологических и профессионально-психологических характеристик человека, которые могут манифестировать себя в поведении, а могут находиться в латентном состоянии и проявиться только при определенных условиях и обстоятельствах. Психологическая надежность служащих является условием, снижающим кадровые риски как для организации, так и для субъектов трудовой деятельности, условием успешной профессионализации служащих (их карьеры)» [2, с. 269]. Согласно нашей концепции нормативность (ненормативность) является одной из характеристик регулятивного компонента надежности работника.

В исследовании под *социальной нормативностью* понимаются «развитость морально-этической регуляции поведения, чувство ответственности, добросовестность, обязательность, в том числе и в выполнении порученного дела, стремление к качественному выполнению поручений и дел. Проявление беспокойства или тревожности при угрозе нарушения норм, правил или договоренностей. Тогда как *социальная ненормативность* – пренебрежение к соблюдению официально принятых социальных норм и правил поведения или профессиональной деятельности. Отсутствие жестких запретов на нарушение норм поведения и деятельности. Нормативные ценности, правила поведения воспринимаются личностью как “тяжкие оковы”, а их соблюдение расценивается как “потеря свободы”, поэтому проявляется желание игнорировать или нарушать их» [2, с. 68].

Полагаем, что процессы осознанной саморегуляции находят свое отражение в регулятивном компоненте надежности. Рассматривая осознанную саморегуляцию, будем придерживаться позиции В. И. Моросановой, согласно которой она представляет собой «процесс инициации и управления произвольной активностью. Система

осознанной саморегуляции служит для субъекта средством реализации этого процесса, организации психических ресурсов для выдвижения и достижения целей» [11].

В рамках исследования мы предполагали, что нормативность (ненормативность) государственного гражданского служащего как проявление его психологической надежности взаимосвязана с саморегуляцией. В частности, у нормативных и ненормативных работников будет различной выраженность функциональных компонентов (частных регуляторных процессов), таких как планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость и самостоятельность.

Далее обратимся к краткому описанию методики исследования и анализу основных эмпирических данных. В исследовании приняли участие государственные гражданские служащие, проходившие повышение квалификации на базе Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Были обследованы 130 человек, все граждане России, прошедшие обследование по просьбе психолога. В рамках психодиагностического обследования использовали: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанный В. И. Моросановой, позволяющий диагностировать степень развития осознанной саморегуляции и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы [8], и авторский опросник «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР), основное назначение которого – оценка регулятивного компонента психологической надежности работника [3].

На основании данных, полученных по методике НИР, и в частности показателей по шкале «Нормативность», вся обследованная выборка была разделена на две группы, которые мы обозначили как «нормативные» и «ненормативные» государственные гражданские служащие.

В *группу нормативных* вошли служащие ($n = 75$), показатели которых по шкале «нормативность» находятся в диапазоне от 7–8 стэнов, что соответствует повышенному уровню социальной нормативности. В *группу ненормативных* вошли служащие ($n = 34$), показатели которых по шкале «нормативность» находятся в диапазоне от 3–4 стэнов, что соответствует пониженному уровню социальной нормативности.

Укажем, что из дальнейшего описания нами были исключены служащие с экстремально низкими, высокими, а также средними показателями по шкале «нормативность» методики НИР (табл. 1).

Таблица 1

**Средние значения по методике «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР)
в группе нормативных и ненормативных государственных гражданских служащих**

Шкалы методики НИР	Средние значения	
	Нормативные ГГС	Ненормативные ГГС
Нормативность	58,2±9,1*	39,1±8,9
Интеллект	56,9±6,3*	42,4±5,2
Регуляция	40,1±5,9	43,0±6,1

Примечание. ГГС – государственные гражданские служащие; * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$.

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что, помимо шкалы «нормативность», достоверные различия были получены по шкале «интеллект». На основании этого делаем следующее заключение. *Группа нормативных государственных гражданских служащих характеризуется преобладанием в регулятивном компоненте психологической надежности репродуктивных интеллектуальных способностей.* У обследованных выражены способности к аналитической деятельности, систематизации, упорядочиванию, поиску закономерностей. Объективность и реалистичность оценок, эффективность их трудовой деятельности зависят от четкости инструкций и рекомендаций (показатели по данной шкале при переводе «сырых» значений в стандартные находятся в диапазоне 7–8 стэнов).

В группе ненормативных госслужащих регулятивный компонент психологической надежности характеризуется преобладанием креативных интеллектуальных способностей. Таким служащим присуща способность к творческой, наукоемкой деятельности, развитию идей, проектов, к качественной и эффективной деятельности в условиях дефицита ресурсов, например, времени и информации (показатели по данной шкале при переводе «сырых» значений в стандартные находятся в диапазоне 3–4 стэнов).

Кроме того, результаты, представленные в табл. 1, свидетельствуют, что показатели по шкале «регуляция» в обследованных группах выражены на среднем уровне, что позволяет говорить о развитости эмоциональной и когнитивной сферы, естественности и адекватности в проявлении эмоций. Рассудок и эмоции комплементарно дополняют друг друга в регуляции поведения. В то же время обращают на себя внимание различия в средних значениях по шкале «регуляция». Несмотря на то, что достоверных различий между группой нормативных и ненормативных служащих по данной шкале установлено не было, можно говорить об отличиях между ними на уровне тенденции. Так, в группе нормативных госслужащих наблюдается

отклонение в сторону эмоциональной регуляции поведения – обследованные могут проявлять непосредственность, эмоциональность, импульсивность, нечувствительность к дистанции в общении с людьми. Группа ненормативных госслужащих характеризуется отклонением в сторону рассудочной регуляции поведения – в состоянии эмоционального возбуждения у них сохраняются адекватность и эффективность саморегуляции.

Полагаем, что регуляция поведения как параметр психологической надежности служит условием, снижающим возможные кадровые риски. Считаем, что умеренно выраженная рассудочная регуляция, предполагающая развитость когнитивной и эмоциональной сферы, позволяет ненормативным государственным гражданским служащим находиться в границах, метафорично говоря «нормативной ненормативности», а нормативным служащим – контролировать свои эмоции. В конечном счете это положительно влияет на качество профессиональной деятельности.

Далее обратимся к результатам корреляционного анализа, в ходе которого нами были выявлены взаимозависимости показателей по шкалам методики «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (НИР) с показателями по шкалам методики «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). В частности, установлена прямая зависимость показателей по шкалам методики НИР с показателями по шкалам «моделирование», «программирование» и «оценивание результатов» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,40 до 0,47 при $p \leq 0,05$), а также обратная зависимость с показателями «планирование», «гибкость» и «самостоятельность» (методика ССПМ) (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от –0,43 до –0,49 при $p \leq 0,05$). На основании этого правомерно заключить, что регулятивный компонент психологической надежности взаимосвязан с особенностями осознанной саморегуляции государственных гражданских служащих. Наличие прямых и обратных зависимостей между показателями по шкалам методик НИР и ССПМ мы объясняем

различиями в выраженности регуляторных процессов в группе нормативных и ненормативных госслужащих.

Так, результаты, полученные по методике «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения по методике «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) в группе нормативных и ненормативных государственных гражданских служащих

Шкалы методики ССПМ	Средние значения	
	Нормативные ГГС	Ненормативные ГГС
Планирование	4,2±1,5	6,9±1,7*
Моделирование	7,0±1,6*	3,9±1,6
Программирование	7,3±1,7*	4,4±1,5
Оценивание результатов	7,2±1,6*	4,7±1,6
Гибкость	4,5±1,7	8,3±1,4*
Самостоятельность	3,3±1,2	7,7±1,6*

Примечание. Обозначения см. табл. 1.

Представленные в табл. 2 результаты говорят о том, что общий уровень саморегуляции в обследованных группах выражен на повышенном уровне. Соответственно как нормативные, так и ненормативные государственные гражданские служащие самостоятельны, способны гибко и адекватно реагировать на изменение условий (в том числе и профессиональной деятельности), сознательно ставить цели, используя адекватные способы их достижения. Как указывает В. И. Моросанова, «при высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели» [11]. Однако, как свидетельствуют эмпирические данные (см. табл. 2), достигается это за счет преобладания различных регуляторных процессов. Так, в группе нормативных государственных гражданских служащих в осознанной саморегуляции доминируют процессы моделирования, программирования и оценивания. На основании этого можно заключить, что *нормативные госслужащие*:

способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в соответствии программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям (процесс моделирования);

имеют сформированную потребность продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей; разрабатываемые ими программы достижения целей детализированы и развернуты; при несоответствии полученных результатов поставленным целям

способны корректировать программы действий (процесс программирования);

обладают адекватной самооценкой, сформированностью и устойчивостью субъективных критериев оценки результатов; способны адекватно оценивать как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины (процесс оценивания).

У группы ненормативных государственных гражданских служащих в структуре осознанной саморегуляции наиболее выражены процессы планирования, гибкость и самостоятельность. Таким образом, *ненормативные госслужащие*:

обладают сформированной потребностью в осознанном планировании деятельности, их планы отличаются реалистичностью, детализированностью, иерархичностью и устойчивостью; цели деятельности выдвигаются самостоятельно;

демонстрируют пластичность всех регуляторных процессов; при возникновении непредвиденных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий; адекватно реагируют на быстрое изменение событий и успешно решают поставленную задачу в ситуациях риска;

автономны в организации собственной активности, способны самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты своей деятельности, в том числе и профессиональной.

В завершение отметим, что результаты полученных исследований правомерно использовать в целях развития кадрового потенциала (личностно-профессиональных ресурсов) и минимизации кадровых рисков государственных гражданских служащих. Так, развитие процессов планирования, гибкости и самостоятельности для нормативных служащих и процессов моделирования, программирования и оценивания – для ненормативных приведет к гармоничному развитию осознанной саморегуляции работников. Это будет конструктивно влиять на регулятивный компонент психологической надежности, в частности на формирование открытой познавательной позиции – как вариативности и разнообразия субъективных способов осмысления одного и того же события, адекватной восприимчивости по отношению к ситуациям неопределенности, возникающим как в профессиональной, так и повседневной деятельности.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г.* Психология личности : Принципы общепсихологического анализа. М., 2001. 416 с.
2. *Духновский С. В.* Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы). Курган, 2018. 314 с.
3. *Духновский С. В., Кофанов В. М.* Программный комплекс «Оценка психологической надежности государственных гражданских и муниципальных служащих». М. : ФГНУ ИНИПИ РАО ; ОФЭРНиО № 22361 от 13.12.2016.
4. *Крук В. М.* Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 502 с.
5. *Лотман Ю. М.* Семiosфера. СПб., 2004. 704 с.
6. *Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения : учеб. пособие. СПб., 2005. 445 с.
7. *Смирнов А. В.* Кто такой неблагонадежный работник? // Актуальные вопросы психологии в области человеческого фактора : материалы Второй междунар. науч. практ. конф. Екатеринбург, 2008. С. 157–161.
8. *Сонди Л.* Судьбоанализ. М., 2007. 480 с.
9. *Шамионов Р. М.* Социализация и ресоциализация личности : нормативность и процессуальность // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–8.
10. *Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
11. *Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) : руководство. М., 2004. 44 с.

Образец для цитирования:

Духновский С. В. Выраженность параметров саморегуляции у государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 49–54. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-49-54>

Expressiveness of Self-Control Parameters of Civil Servants with Different Levels of Social Normativity

S. V. Dukhnovsky

Sergey V. Dukhnovsky, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147-A Karl Marx Str., Kurgan 640022, Russia, dukhnovskysv@mail.ru

In article issues of self-control and normativity of the civil servants are discussed. Social normativity of employees is understood as development of moral and ethical regulation of behavior, sense of responsibility, conscientiousness, obligation including execution of the assigned business and aspiration to high-quality performance of instructions. Social non-normativity of the employee implies disregard for officially accepted social norms and rules of conduct or professional activity, lack of bans on violation of standards of behavior and activity. Standard values and rules of conduct are perceived by the personality as “heavy fetters”, and their observance is regarded as “loss of freedom”. Therefore, there is a desire to ignore or violate them. The research has allowed to establish that the regulatory component of psychological reliability of employees is interconnected

with features of their conscious self-control which is understood as the process of initiation and management of any activity. The system of conscious self-control serves for the subject as the means of process implementation and organization of mental resources for promotion and achievement of the goals. It has been determined that normative employees demonstrate modeling, programming and evaluation processes in the structure of conscious self-control, while non-normative employees show domination of planning processes, flexibility and independence. Conscious self-control is the personnel potential (a personal and professional resource) development of which promotes minimization of personnel risks and increases psychological reliability of civil servants.

Keywords: social normativity, psychological reliability, self-control, personnel risks, civil servant.

References

1. *Asmolov A. G.* *Psikhologiya lichnosti: Printsipy obshchepsikhologicheskogo anali-za* [Psychology of Personality: Principles of General Psychological Analysis]. Moscow, 2001. 416 p. (in Russian).
2. *Dukhnovskiy S. V.* *Psikhologicheskaya nadezhnost i kadrovaya bezopasnost (na primere gosudarstvennoy*

- grazhdanskoj i munitsipalnoj sluzhby*) [Psychological Reliability and Personnel Security (on the Example of the State Civil and Municipal Service)]. Kurgan, 2018. 314 p. (in Russian).
3. Dukhnovskiy S. V., Kofanov V. M. *Programmnyy kompleks «Otsenka psikhologicheskoy nadezhnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipalnykh sluzhashchikh»* [Program Complex “Evaluation of Psychological Reliability of Civil and Municipal Employees”]. Moscow, FGNU INIPI RAO, OFERNiO no. 22361, 13 December 2016 (in Russian).
 4. Kruk V. M. *Psikhologicheskoye obespecheniye lichnostnoy nadezhnosti spetsialista silovykh struktur: diss. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychological Support of Personal Reliability of Security Specialists]. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2013. 502 p. (in Russian).
 5. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Universe of the Mind.]. St. Petersburg, 2004. 704 p. (in Russian).
 6. Mendeleevich V. D. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: ucheb. posobiye* [Psychology of Deviant Behavior: Textbook.]. St. Petersburg, 2005. 445 p. (in Russian).
 7. Smirnov A. V. Kto takoy neblagonadezhnyy rabotnik? [Who is an unreliable employee?]. *Aktualnyye voprosy psikhologii v oblasti chelovecheskogo faktora : materialy vtoroy mezhdunar. nauchn. prakt. konf.* [Actual Questions of Psychology in the Field of Human Factor. Materials of the second international scientific. pract. conf.]. Ekaterinburg, 2008, pp. 157–161 (in Russian).
 8. Sondi L. *Sudboanaliz* [Destiny Analysis.]. Moscow, 2007. 480 p. (in Russian).
 9. Shamionov R. M. Socialization and Re-Socialization of the Person: Standard and Processual. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 3–8 (in Russian).
 10. Konopkin O. A. Psychic Self-Regulation's Voluntary Activity (Structural-Functional Aspect). *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii], 1995, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
 11. Morosanova V. I. *Oprosnik «Stil samoregulyatsii povedeniya» (SSPM): rukovodstvo* [The Questionnaire “Style of Self-Regulation of Behavior” (SSPM): guide]. Moscow, 2004. 44 p. (in Russian).

Cite this article as:

Dukhnovsky S. V. Expressiveness of Self-Control Parameters of Civil Servants with Different Levels of Social Normativity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 49–54. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-49-54>

УДК [159.9:616]+316.6

Этапы формирования иждивенческой позиции в ситуации болезни

М. М. Орлова

Орлова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orlova-maria2010@mail.ru

Понятие «ситуация болезни» может быть рассмотрено как междисциплинарное, поскольку имеет телесный и социальный, а также объективный и субъективный контекст. Телесные составляющие болезни формируют ограничение физических и социальных возможностей больного. В социальном смысле ситуация болезни отражает различную степень утраты профессионального статуса, социальных ролей, в частности, формируя роль опекаемого человека. Наиболее значимыми механизмами трансформации личности являются выраженность интернальности и рефлексия сферы самоопределения. Показана неоднозначная связь формирующейся иждивенческой позиции с личностными механизмами больного ишемической болезнью сердца. Подчеркивается, что при утрате здоровья в связи с ишемической болезнью сердца у больных снижается ощущение контроля за свою жизнь и деятельность, в том числе производственную, а у инвалидов по ишемической болезни сердца происходят отчуждение от себя и адаптация к новым социальным отношениям. Для них этот механизм социальной и социально-психологической адаптации является типичным и подчеркивает утрату внутренней опоры, что уплощает личность и является дополнительным фактором ее инвалидизации.

Ключевые слова: ситуация болезни, идентичность, интернальность, иждивенческая позиция.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-55-60>

Ситуация болезни может быть рассмотрена как на уровне телесных и социальных ограничений, в том числе ограничений экономических и ролевых, в настоящем, так и в контексте предполагаемого будущего [1, 2]. Объективный компонент ситуации болезни как маргинальной ситуации можно рассматривать на нескольких уровнях.

Первый уровень определяется ограничением физических возможностей человека. Второй уровень является внешним по отношению к телесности больного человека и связан с изменением его положения в социуме, что формирует новый социальный статус больного и инвалида. Это, в свою очередь, ограничивает его социальную активность, ухудшает экономическое положение и создает угрозу для профессиональной реализации.

Происходящие в ситуации болезни изменения детерминируются контекстом социальных норм и традиций, определяющих положение больного среди других людей, реальным изменением его

социального статуса. Характерными составляющими этого статуса выступают социальная и экономическая уязвимость, разрыв социальных связей, деформация имевшегося образа жизни, сужение сферы социального взаимодействия, что приводит к ограничению социальных навыков [3].

Одной из самых существенных характеристик изменения социального статуса является вынужденный социальный паразитизм [4]. Общество вменяет больному человеку определенную ограничивающую социальную роль, позволяющую его опекавать и контролировать, что интегрирует больного в социальные отношения за счет создания для него системы социальных ограничений. В этом случае можно говорить о маргинализации социальной роли больного человека. Инвалиды рассматриваются как иждивенцы поневоле в условиях социального государства [5].

Ситуация болезни субъективно динамична. Выделяют этап осознания болезни и ее социальных последствий, этап осознания себя в качестве больного человека и принятия (или неприятия) этой роли и, наконец, этап приспособления в качестве больного и инвалида [6]. Если говорить об успешной адаптации к роли больного и инвалида, то в процессе нее индивид проходит три этапа: отрицание различий между собой и больным человеком; нахождение позитивных особенностей в этой роли; минимизация различий между здоровым и больным (согласно М. Беннетту [7]). Эти этапы, на наш взгляд, реализуются на различных уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Чаще всего они рассматриваются исключительно на когнитивном уровне, поскольку он наиболее доступен для анализа.

Изучение иждивенчества как сформированной когнитивной позиции личности предполагает, что эта позиция может стать устойчивым личностным качеством. Данный подход опирается на теорию социальных действий М. Вебера (ценностно-рациональное, целерациональное действие) [5].

Система жизненных установок индивида, ориентирующая его на потребительское отношение к жизни, предполагает перекладывание ответственности за жизненные решения на общество, что трансформирует адаптационную направленность личности, ее самоопределение, всю систему взаимодействий с социальным миром.

В качестве объекта анализа мы выбрали особенности социальной адаптации больных ишемической болезнью, а в качестве предмета – внутреннюю структуру факторов, сопряженных с выраженностью иждивенческой позиции. Были исследованы больные ишемической болезнью сердца (ИБС) без инвалидности – 85 человек, инвалиды II группы по диагнозу «ишемическая болезнь сердца» – 31 человек. Контрольная группа составила 181 человека.

Исследование проводилось по следующим психодиагностическим методикам: биографическая анкета, исследование самоотношения (МИС), исследование копинг-стратегий по Лазарусу, психологических защит по Келлерману – Плутчику – Конте, исследование идентичности «Кто Я» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой), исследование выраженности иждивенчества как социально-психологической адаптации, иждивенческой позиции (модификация В. Н. Долматовой), субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера, авторская анкета «Представления о значимости оказания финансовой поддержки различным слоям населения».

Статистические методы представлены факторным, кластерным и регрессионным анализом.

Проведенный факторный анализ позволил выделить три фактора.

Первый фактор (первый кластер) включает в себя, прежде всего, показатели общей интернальности (0,873), оценки качества жизни уровня независимости (0,775) и в сфере окружающей среды (0,708), а также оценки качества жизни в духовной сфере (0,671), социальных взаимодействиях (0,663), психической сфере (0,627), общую оценку качества жизни (0,544), аутосимпатию (0,568), самообвинение (0,544), зеркальное Я (0,519), самоуверенность (0,505), низкий уровень самоуважения (–0,477), внутреннюю неустроенность (0,463), низкую оценку качества жизни в физической сфере (–0,456), самооценку (0,453), интернальность в ситуации неудач (0,424) и в производственной сфере (0,417). Таким образом, опора на себя связана с оценкой качества жизни и самоотношением при снижении самоуважения и акценте на физических проблемах.

Во второй фактор (третий кластер) входят следующие параметры: экстернальность в сфере здоровья (–0,644), склонность к иждивенчеству (0,634), экстернальность в сфере неудач (–0,627), малое количество самоописаний (0,575), экстернальность в деятельности (–0,564) и в межличностных отношениях (–0,561), общую экстернальность (–0,539), организацию в семье (0,521), самоуважение (0,495), открытость (0,486), интернальность в семейных отноше-

ниях (0,475), выраженность представлений об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения (0,465), количество негативных самоописаний (0,437), интернальность в производственных отношениях (0,434), семейную сплоченность (0,433), зеркальное Я (0,412). В этом случае преимущественно реализуется экстернальный способ реагирования с опорой на семью и склонностью к иждивенчеству.

Третий фактор (второй кластер) содержит следующие параметры: общую интернальность (0,588), интернальность в деятельности (0,551), в семье (0,514), большое количество самоописаний (0,507), малую склонность к иждивенчеству (–0,503), интернальность в межличностных отношениях (0,413), низкую выраженность представлений об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения (–0,416). Этот фактор реализует интернальный способ реагирования с опорой на себя в ситуации, которая рассматривается как проблемная, прежде всего, в области здоровья и активности.

Выделенные типы реагирования подчеркивают стратегические варианты восприятия ситуации и реакции на нее. В первом случае (первый кластер) это ощущение благополучия и удовлетворенности как ситуацией, так и собой, при наличии проблем в физической сфере. Данный тип наименее выражен во всех ситуациях, в частности, в ситуациях болезни, связанной с инвалидностью, он выражен минимально.

Второй тип (второй кластер), который можно рассматривать как мобилизацию личности, наиболее выражен в контрольной группе, а с нарастанием тяжести заболевания и степени социальных ограничений частота его встречаемости уменьшается.

Третий тип (третий кластер) является определяющим в ситуациях болезни, что свидетельствует о маргинализации социальных групп больных и инвалидов. Вместе с тем это довольно выраженный тип реагирования в контрольной группе, что свидетельствует о снижении иммунитета личности к трудным жизненным ситуациям и у людей, не имеющих объективных оснований для социальных и физических ограничений.

Оценка выраженности иждивенческой позиции означает, что в группе больных ИБС и инвалидов по этому заболеванию она достоверно выше, чем в контрольной группе (7/4,9; $T = 3,5$; $p < 0,01$ и 6,9/4,9 $T = 3,3$; $p < 0,01$). Это свидетельствует о существенном повышении данного параметра в группах больных (рис. 1).

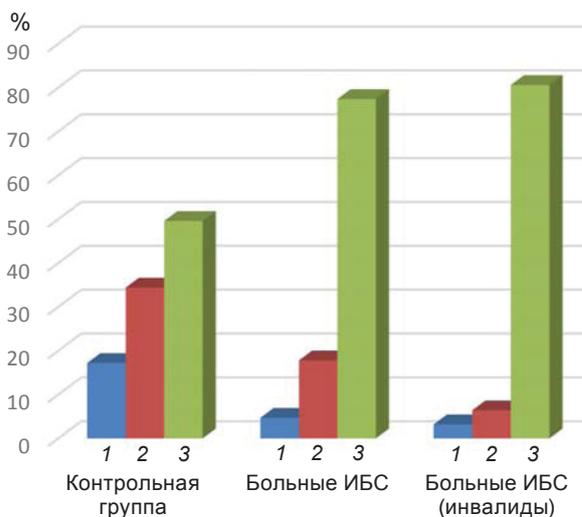

Рис. 1. Распределение типов реагирования (факторный анализ) в контрольной и экспериментальных группах: 1 – благополучие; 2 – интернальность в трудной жизненной ситуации; 3 – иждивенчество

Анализ частоты встречаемости испытуемых с разной выраженностью когнитивного уровня иждивенческой позиции показал, что в контрольной группе его высокая выраженность проявляется редко, а испытуемые с низкой и средней выраженностью наблюдаются равновероятно (рис. 2).

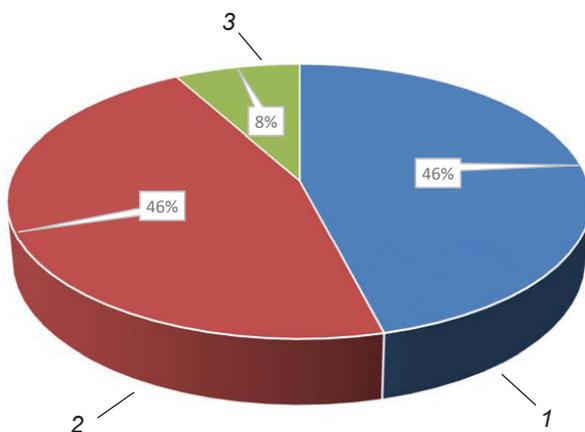

Рис. 2. Выраженность иждивенческой позиции в контрольной группе: 1 – низкая; 2 – средняя; 3 – высокая

В группе больных ИБС низкая степень выраженности представлена незначительно, чаще встречаются средние и высокие значения (рис. 3).

В группе инвалидов снижается частота встречаемости низких показателей в сравнении с предыдущей группой и повышается частота встречаемости средних (рис. 4).

По-видимому, низкие показатели свидетельствуют о наличии неприемлемости иждивенческого способа адаптации, средние – о его допустимости,

а высокие – о личностной значимости такого способа. В ситуации инвалидности больные ИБС объективно оказываются иждивенцами, но вместе с тем для 10% этот способ неприемлем.

Высокая степень склонности к иждивенческой позиции на когнитивном уровне в группе инвалидов достигает 32%, это больше, чем в других группах, но основная часть больных при допущении возможности этого способа не считает его лично приемлемым. Таким образом, можно увидеть процесс формирования склонности к принятию иждивенческого способа адаптации в зависимости от объективной необходимости опираться на помощь других людей.

Значимость иждивенческой позиции личности привела к необходимости рассмотрению предикторов этого показателя в различных группах. Оценка личностных параметров как предикторов, связанных с иждивенческой позицией в зависимости от ситуации болезни, показала, что в контрольной группе наиболее важными являются снижение рефлексии в системе самоопределения (82%) и общая экстернальность личности (65%). Вместе с тем регрессионный анализ также показал значимость снижения сплоченности в семье (4%), планирования решения как формы копинга (3%), уровня дохода на члена семьи (3%), возрастания важности социальных ролей в системе

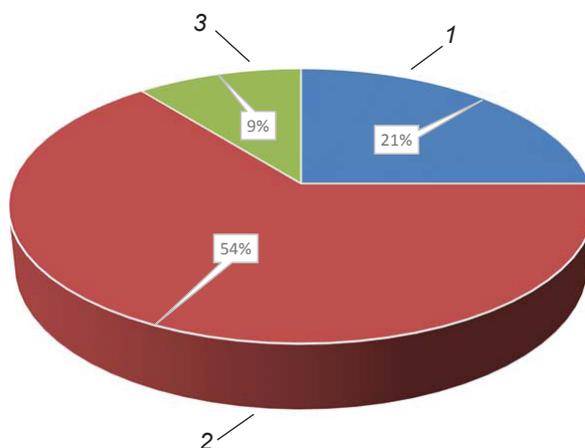

Рис. 3. Выраженность иждивенческой позиции в группе больных ИБС: 1 – низкая; 2 – средняя; 3 – высокая

самоопределений (2%), а кроме того, снижение общего качества жизни (2%). Это свидетельствует о том, что иждивенческая позиция у здоровых людей связана со снижением уровня осознанности идентичности и принятия ответственности за происходящее, что формирует отчужденность от себя и внешнего мира, т. е. в основе личностной значимости иждивенческого способа адаптации лежат недостаточная возможность опоры на себя и незрелость личности.

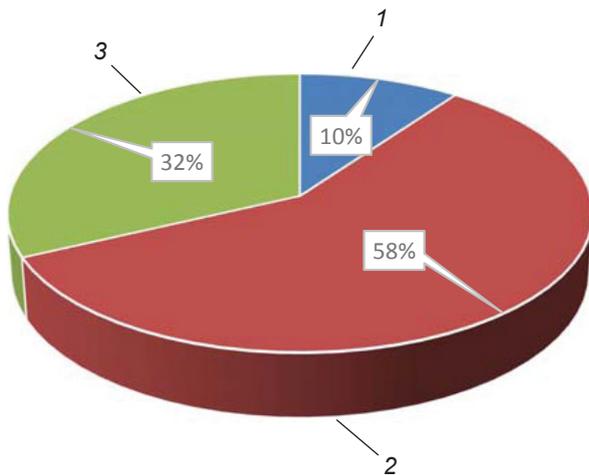

Рис. 4. Выраженность иждивенческой позиции в группе инвалидов по ИБС: 1 – низкая; 2 – средняя; 3 – высокая

В группе больных ИБС без инвалидности наибольшее значение имеет снижение интернальности в сфере производства и сфере деятельности, а также повышение представлений о важности оказания материальной помощи населению. Менее выражен самоконтроль и повышена ориентация семьи на соблюдение нравственных правил и отрицание проблем. Можно предположить, что иждивенческая позиция связана с объективной утратой контроля за своей жизнью, прежде всего, в производственной деятельности и стремление опереться на имеющиеся социальные возможности что, в частности, оправдывается представлением о социальной системе поддержки. Это подчеркивает, что формирование иждивенческой позиции в ситуации болезни связано с осознанием ограниченности собственных возможностей и необходимости внешней опоры (рис. 5).

В группе инвалидов по ИБС ведущую роль в иждивенческой позиции играет представление об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения и снижение рефлексии в процессе самоопределения, а также повышение пассивных копингов, таких как дистанцирование и поиск социальной поддержки. Наличие детей в случае иждивенческой позиции позволяет предположить, что они служат опорой в этой ситуации (рис. 6).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в разных ситуациях болезни формирование иждивенческой позиции происходит с опорой на различные личностные механизмы. Наиболее значимыми из них являются экстернальность и рефлексия в сфере самоопределения. При этом в контрольной группе обращает на себя внимание разнообразие личностных предикторов, а в

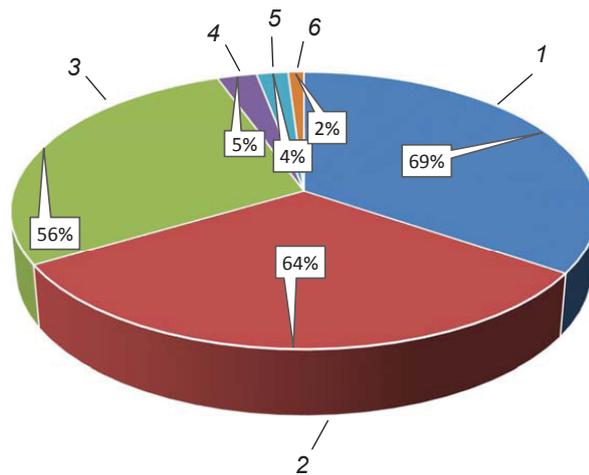

Рис. 5. Предикторы иждивенческой позиции в группе больных ИБС: 1 – сниженная интернальность в производственной сфере; 2 – представление об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения; 3 – сниженная интернальность в деятельности; 4 – самоконтроль; 5 – отрицание; 6 – морально-нравственная ориентация в семье

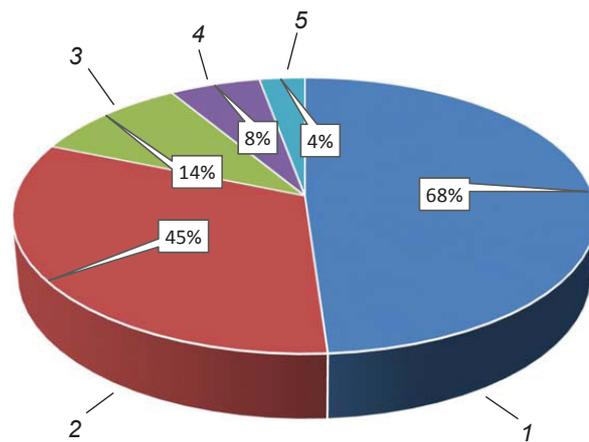

Рис. 6. Предикторы иждивенческой позиции в группе инвалидов по ИБС: 1 – представление об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения; 2 – общее Я; 3 – наличие детей; 4 – дистанцирование; 5 – поиск социальной поддержки

ситуациях болезни большую роль играет представление об обязанности государства оказывать финансовую помощь малозащищенным слоям населения в трудных жизненных ситуациях.

По-видимому, среди здоровых людей иждивенческая позиция не имеет однородного генеза, в то время как в группах больных можно выделить этапы личностных трансформаций, происходящих в ситуациях ограничений, как физических, так и социальных.

При утрате здоровья в связи с ишемической болезнью сердца у больных снижается ощущение контроля за собственной деятельностью, в том числе производственной, а у инвалидов по ИБС происходят перестройка структуры идентичности и адаптация к изменившимся социальным отношениям. Поскольку иждивенческая позиция наиболее характерна именно для инвалидов по ИБС, можно считать, что она выступает механизмом социальной и социально-психологической адаптации, подчеркивающим утрату внутренней опоры, а это ведет к уплощению личности и служит дополнительным фактором ее инвалидизации.

Список литературы

1. Орлова М. М. Субъектно-социальный подход к исследованию здоровья. Саратов, 2014. 220 с.
2. Орлова М. М. Адаптационные стратегии в условиях тяжелого, инвалидизирующего заболевания как субъективная составляющая ситуации болезни // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 64–69.
3. Беляева Л. А. Российское общество в преддверии рынка : тревоги, ожидания, надежды // Мир России. 1992. № 1. С. 39–65.
4. Банникова Л. М. Маргинальность как социально-патологическая форма адаптации населения к меняющимся условиям жизни (К постановке проблемы) // Ползуновский альманах. 2000. № 2. URL: <http://new.elib.altstu.ru> (дата обращения: 20.10.2018).
5. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия // Общая социология : хрестоматия / сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин ; пер. В. Г. Кузьминов ; под общ. ред. Н. И. Лапина. М., 2006. С. 39–43.
6. Карникова И. С., Зимина Е. В. Социальное иждивенчество как феномен современной России : теоретические подходы к исследованию // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию открытия первого в Бурятии кабинета медико-социальной помощи в поликлиническом звене. Улан-Удэ, 2015. С. 166–167.
7. Макаренко О. Н. К вопросу о психологии маргинальной личности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 1. С. 173–177.

Образец для цитирования:

Орлова М. М. Этапы формирования иждивенческой позиции в ситуации болезни // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 55–60. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-55-60>

Formation Stages of a Dependent Position in a Situation of Disease

M. M. Orlova

Mariya M. Orlova, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, orlova-maria2010@mail.ru

The concept of the disease situation can be considered as interdisciplinary because it has both a bodily and social, objective and subjective context. The physical components of the disease form a limitation of the physical and social possibilities of the patient. In the social sense, the disease situation reflects a different degree of a loss of professional status, social roles, in particular, forming the role of a person to be cared for. The most significant mechanisms of personal transformation are the intensity of internality and the reflection of the self-determination's sphere. The author shows the ambiguous relationship of the emerging dependent position with the personal mechanisms of the patient with ischemic heart disease. It is emphasized that with the loss of health in connection with ischemic heart disease, patients feel a decreased sense of control over their lives and activities, including professional, and the disabled with ischemic heart disease are alienated from themselves and adapt to new social relationships. For them, this mechanism of social and socio-psychological adaptation is typical and emphasizes the loss of internal support which reduces the personality and is an additional factor of their impairment.

Keywords: disease situation, identity, internality, dependent attitude.

References

1. Orlova M. M. *Subjektno-sotsialnyy podhod k issledovaniyu zdorov'ya* [Subject-Social Approach to the Study of Health]. Saratov, 2014. 220 p. (in Russian).
2. Orlova M. M. Adaptacionnye strategii v usloviyah tyazhelogo, invalidiziruyuschego zabolevaniya kak subjektivnaya sostavlyayuschaya situacii bolezni [Adaptation strategies in conditions of a severe, disabling disease as a subjective component of a disease situation]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 64–69 (in Russian).
3. Belyaev L. A. Russian society on the eve of the market: anxieties, expectations, hopes. *Mir Rossii* [World of Russia], 1992, no. 1, pp. 39–65 (in Russian).
4. Bannikova L. M. Marginality as a socio-pathological form of adaptation of the population to changing living conditions [To the Formulation of the Problem]. *Polzunovskij almanah* [Polzunovsky Vestnik], 2000, no. 2. Available at: <http://new.elib.altstu.ru> (accessed 20 November 2018).
5. Weber M. Ponyatie sociologii i «smisla» sotsialnogo deystviya [The Concept of Sociology and the “Meaning” of Social Action]. In: *Obschaya sotsiologiya*:

khrestomatiya [General Sociology. Reader]. Sost. A. G. Zdravomislov, N. I. Lapin; per. V. G. Kuzminov; pod obsch. red. N. I. Lapina [Comp. A. G. Zdravomislov, N. I. Lapin; trans. V. G. Kuzminov; by total ed. N. I. Lapin]. Moscow, 2006, pp. 39–43 (in Russia).

6. Karpikova I. S., Zimina E. V. Sotsialnoe izhdivenchestvo kak fenomen sovremennoy Rossii: teoreticheskie podhody k issledovaniyu [Social dependency as a phenomenon of modern Russia: theoretical approaches to research]. *Formy i metody sotsialnoy raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti* [Forms and methods social work in various spheres of life]. Materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyaschennoy 10-letiyu otkritiya
- pervogo v Buryatii kabineta med.-sots. pomoschiv v poliklinicheskom zvene [Materials of the IV International Scientific Practical conf., dedicated to the 10th anniversary of the opening of the first in Buryatia medical and social help in a clinic]. Ulan-Ude, 2015, pp. 166–167 (in Russia).
7. Makarenko O. N. K voprosu o psikhologii marginal'noy lichnosti [To the question of the psychology of a marginal person]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta Ser. 7. Filosofiya. Sociologiya i sotsial'nie tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2009, no. 1, pp. 173–177 (in Russia).

Cite this article as:

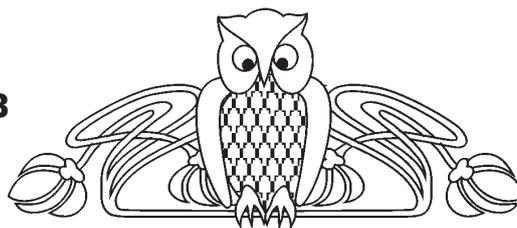
Orlova M. M. Formation Stages of a Dependent Position in a Situation of Disease. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 55–60. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-55-60>

УДК 316.6

Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

В статье представлены результаты теоретической рефлексии коммеморативных практик, направленных одновременно на презентацию прошлого и его оценочную репрезентацию в настоящем, на трех уровнях анализа – общества / государства, группы и личности. Показано, что на уровне государства коммеморации выступают мощным политическим и манипулятивным ресурсом власти, позволяющим управлять прошлым, конструировать культурную память социальных акторов, консолидировать общество на основе коллективных переживаний; на уровне группы благодаря коммеморативной программе формируется коллективная память, происходит интеграция членов группы, конструирование позитивной социальной идентичности и актуализируется чувство «Мы»; на уровне личности коммеморативные практики связаны с потребностью человека сохранять память о прошлом и объективировать мнемические следы в ритуалы, церемонии, видимые знаки, символы и артефакты, способные символически удерживать переживания прошлого в актуальном настоящем. Предложено рассматривать семейный альбом как способ двойной коммеморации, архив воспоминаний, средство сохранения памяти Другого, противостоящий времени, сшивающий разные временные слои, сохраняющий ушедшее прошлое как пребывающее в настоящем, возвращающий и укрепляющий ценностно-смысловую сферу членов семейной системы. Утверждается, что конструирование когнитивно-перцептивного памятного нарратива в процессе межличностного взаимодействия происходит как с помощью эмпатически обусловленных механизмов аффективной идентификации с Другими, сочувствия и сопереживания им, так и за счет личной рефлексии ответственности перед собой и Другими.

Ключевые слова: память как социокультурный конструкт, коммеморативные практики, семейный альбом, рефлексивная коммуникация, коммуникативная память, постпамять, памятный нарратив.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>

Введение

Глобализация, охватившая все сферы жизни общества, оказывает существенное влияние на изменение отношения к онтологически недоступному прошлому. Не случайно некоторые ученые называют современную эпоху «мемориальной», или «эпохой коммемораций» [1], тем самым акцентируя внимание именно на трансформации отношения к прошлому, которая во многом об-

условлена общим ускорением истории, быстрым удалением прошлого, стремительной скоростью смены настоящего, фатальной неопределенностью будущего. При этом взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего очевидна для всех исследователей, но они по-разному расставляют теоретические и методологические акценты: одни считают, что прошлое формирует настоящее и определяет будущее, другие полагают, что настоящее форматирует прошлое и управляет будущим.

По мнению П. Нора, с которым мы полностью солидаризируемся, в современном мире разрушена прямая линия, соединяющая прошлое с настоящим и будущим: прошлое перестало быть гарантом будущего, неопределенность и непредсказуемость которого ставит перед актуальным настоящим обязательство помнить прошлое, накладывая на него своеобразный «долг памяти» и «обещание преемственности» [1].

Научный интерес к прошлому и феномену памяти формирует междисциплинарную парадигму социально-гуманитарного исследования – *memory-studies*, в центре внимания которой находится память как социокультурное явление [2–6].

Традиционно в рамках психологического дискурса память трактуется как высшая психическая функция, когнитивный процесс, обеспечивающий человеку возможность познавать окружающий мир и адаптироваться к нему, конструировать собственную идентичность как целостного субъекта жизненного пути, а также сохранять и транслировать личные и коллективные знания, социальные представления и пережитый опыт. Говоря о генезисе индивидуальной памяти человека, Л. С. Выготский указывает на социальность и опосредованность естественной памяти, развитие которой идет по пути утраты своего натурального характера и становления культурной памяти. Вместе с А. Р. Лурия он настаивает на том, что при исследовании памяти культурного человека изучается не изолированная мнемическая функция, а целостная стратегия личности, сформированная в ходе ее культурного созревания и направленная на закрепление приобретенного опыта [7].

Позиционирование памяти как социокультурного конструкта не только расширяет научные представления о детерминантах, механизмах и генезисе индивидуальной памяти человека, но и позволяет анализировать культуру в целом как сообщество памяти или социальную, культурную, коллективную память [2–4], рассматривать память как культурную программу [8], исследовать контрпамять, противостоящую «официальной» памяти [5], и постпамять, опосредованную и основанную на воспоминаниях и переживаниях Другого [9], перевода эпистемический фокус внимания в социокультурную и коммуникативную плоскости.

Целью данной статьи является социально-психологический анализ коммеморативных практик личности, связанных с управлением семейной памятью и памятью Другого.

Теоретические основы

Коммеморация рассматривается как особый феномен, сочетающий в себе одновременно презентацию прошлого и его репрезентацию [10]. Коммеморация позволяет презентовать прошлое в актуальном настоящем, воссоздавая его факты, события и оживляя судьбы. В то же время коммеморация выступает репрезентацией прошлого, поскольку содержит в себе оценочную интерпретацию произошедшего и отношение к нему, детерминированные новой социокультурной ситуацией, решением конкретных значимых общественных или личностных задач, идеологическим контекстом и властным императивом. П. Нора, подчеркивая эту особенность коммемораций, указывает, что коммеморации имеют отношение не к самим фактам, а их следам, не к событиям, а их реконструкциям, не к прошлому, а его модифицированной версии [1].

Коммеморативные практики направлены на актуализацию целого комплекса эмоциональных состояний и переживаний социальных акторов. Вслед за Т. П. Емельяновой правомерно определять актуализированный комплекс как коллективные чувства, которые стимулируют социальную активность, выполняют роль символической защиты от стрессов, компенсируют разного рода потери, участвуют в прогнозировании будущего и создают базу для межгрупповых взаимодействий [11]. Как считает А. В. Юревич, коллективные чувства и переживания выступают в качестве базового компонента национального менталитета [12].

Коммеморации всегда эмоционально окрашены и ретроориентированы, направлены на закрепление в общественном сознании людей значимых событий прошлого, фиксирование

определенного отношения к их репрезентациям в настоящем, а также трансляцию тотальной значимости составляющих коллективной памяти последующим поколениям.

На государственном уровне коммеморации представляют собой стратегии управления прошлым в интересах настоящего с помощью официального властного дискурса и масс-медиа. Они выступают мощным политическим и манипулятивным ресурсом, который часто используется властными структурами для создания определенных нарративов на тему истории, формирования желательного образа мыслей и определенных паттернов поведения представителей того или иного общества [13].

Коммеморативные практики включают в себя создание мемориалов и монументов, которые иногда выступают в виде коммеморативных симулякров; учреждение праздников и отмечание годовщин, часто являющихся «изобретенными традициями» [14]; открытие музеев, выставок и экспозиций; фиксацию мест памяти – вечный огонь, вахты памяти и почетные караулы; реализацию различных мнемонических проектов, например «Бессмертный полк», которые играют важную роль не только сохранения памяти, но и генерации универсальных значений и смыслов, легитимации и консолидации общества, выступая способами формирования этнокультурной и гражданской идентичности личности и солидарности социальных акторов.

В ряде случаев коммеморативные практики связаны с разрушением прежних мест памяти и ликвидацией изобретенных традиций – отменой праздников, сносом памятников, переименованием улиц и городов. Не обсуждая этическую сторону подобных действий, заметим, что они свидетельствуют о потребности общества в новом обозначении собственной идентичности, смене государственной коммеморативной политики и стремлении сформировать другое отношение к историческим событиям. Однако при этом эти действия также направлены на выполнение тех же самых коммеморативных функций: управление прошлым, консолидация и сплочение общества, укрепление национальной идентичности его представителей и выработка единой идентификационной платформы, обеспечивающей точки опоры для формирования идентичности личности.

На уровне группы осмысление прошлого и память о нем создают определенную коммеморативную программу, которая постоянно воспроизводится и реализуется в ходе ритуально-церемониальной групповой деятельности, и благодаря которой формируются и унифици-

руются индивидуальные воспоминания членов группы, встраиваясь в коллективную память. На этом уровне коммеморации способствуют интеграции членов группы, формированию у них позитивной социальной идентичности и консолидирующего чувства «Мы». Члены группы конструируют воображаемые (символические) границы между Мы и Они, Свои и Чужие, объединяясь на основании единой системы релевантностей и ценностей, общих знаний и представлений, одной и той же истории, состоящей из побед и триумфов, поражений и травм, единой эмоциональной сопричастности с прошлым и одинакового экзистенциального опыта [15]. Как справедливо отмечает П. Рикер, при этом отбираются одни события, чтобы быть незабываемыми и переданными, а другие – чтобы быть обреченными на забвение [16]. Вместе с тем прав был Ю. М. Лотман, указывая, что парадигма памяти – забвения с течением времени может измениться [3], возвращая в коллективную память забытые события прошлого, воскрешая исторические персонажи, пересматривая их заслуги и конструируя своеобразный дискурс оправдания. Однако поиск белых пятен истории или изучение ее темных закоулков возможны только при условии, что социальная группа существенно изменила доминирующие ценностные коды, мыслительные конвенции и смысловую систему координат. В связи с этим для того, чтобы адекватно представить себе социальную идентичность членов той или иной группы, важно знать не только то, что включено в ее коллективную память и поддерживается коммеморативными практиками, но и то, что из нее исключено.

На личностном уровне коммеморации связаны с потребностью человека фиксировать и сохранять в памяти образы значимых людей, важные события и жизненные ситуации, демонстрируя собственную привязанность к прошлому, а также материализовывать (объективировать) мнемические следы в ритуалы, церемонии, видимые знаки, символы и артефакты, способные символически удерживать переживания прошлого в актуальном настоящем. Среди используемых современным человеком коммеморативных практик можно выделить отмечание семейных праздников, годовщин и дней поминовения усопших, посещение мест захоронения или иных «мест памяти», передачу личных вещей от одного поколения другому («память вещей»), воспроизведение семейных преданий, обладающих большим кредитом доверия, бережное отношение к личным письмам, дневникам и мемуарам, сохраняющим следы присутствия Другого, его памяти и памяти о нем в настоящем и, конечно,

создание, хранение и просмотр семейных альбомов с фотографиями.

В контексте данной статьи мы сфокусируем внимание на семейных альбомах как совокупности визуальных репрезентаций и рефлексивных средствах коммуникации, с помощью которых возможно сохранение прошлого, памяти о Других и другой памяти.

Семейный альбом как архив воспоминаний и способ сохранения памяти Другого

Семейный альбом представляет собой визуальную фамильную сагу с множеством разнообразных вариантов историй, мифов, легенд и нарративов, позволяющих не только погрузиться в ушедшее и утраченное, но и приобрести что-то новое и необходимое: сконструировать непротиворечивую картину прошлого, сформировать семейную идентичность, транслировать общность памяти, презентировать себя Другому. По образному определению В. Л. Круткина, коллекция фотографий – это попытка восстановления «рассыпанной Вселенной и соединения маленьких миров опыта в большой Мир фотографирования» [17, с. 173].

Собирая воедино «письма жизни», человек имеет возможность узнать далеких близких, а также открыть себя во взаимодействии со значимыми Другими. Вместе с тем не все визуальные репрезентации сохраняются и не все члены семьи представлены в семейных альбомах. Фотографии могут утрачиваться безвозвратно по разным причинам, порождая контексты отсутствия, тишины, неизвестности и пустоты, но могут быть и осознанно изъяты из семейной памяти в связи с нарушением кем-то семейных ценностей или границ. Как пишет В. В. Нуркова, семейные альбомы умалчивают о девиантных судьбах [18]. Если человек отбирает и помещает свою фотографию в семейный альбом, то она приобретает статус личного документа становления и формирования идентичности личности; если берется фотография другого члена семьи, то это означает наличие позитивного эмоционально-ценностного отношения к нему представителей семейной системы разных поколений или отражение значимого контекста его достижений и заслуг. Соответственно, семейный альбом можно позиционировать как совокупность визуальных репрезентаций, отражающих событийный план семьи и ее «рассказы о жизни», способ воссоздания и трансляции «опыта желаемого» [19], конструирование «жизни внутри жизни» [20].

Семейный альбом является средством двойной коммеморации. С одной стороны, он хранит

память об абсолютном прошлом, особенностях функционирования семейной системы, значимых Других, их достижениях и техниках самопрезентации, поведенческих моделях и жизненных интересах, «сшивая» разрозненные временные слои и человеческие судьбы. Эта временная «сшивка», соединяющая моменты прошлого и настоящего, позволяет субъекту, рассматривающему фотографии из семейного альбома, свободно перемещаться в направлениях прошлое – настоящее, распознавая близких и далеких Других, угадывая себя в прошлом, укрепляя собственную идентичность через рефлексии единства семьи и эмоциональную сопричастность с нею. С другой стороны, семейный альбом активно вторгается в настоящее, дополняя семейную хронику новыми образами и событиями совсем недавнего прошлого, задавая определенный ценностно-смысловой стандарт помещенным в него визуальным репрезентациям, предъявляя требования к траекториям жизненного пути членов семейной системы в соответствии с портретной галереей предков и моральной преемственностью прошлого. По сути семейный альбом противостоит времени, сохраняя ушедшее прошлое как пребывающее в настоящем, возвращает и укрепляет ценностно-смысловую сферу членов семейной системы, поскольку, как отмечают некоторые исследователи, смыслы в памяти не хранятся, а растут [3, 4].

Семейный альбом как набор фотографий может быть описан в рамках сингулярности – унифицированности. С одной стороны, он уникален, эксклюзивен и неповторим как любой текст и событийная фотохроника, репрезентируя конкретных людей, особенности их детско-родительских, супружеских и межличностных отношений. С другой стороны, фотоальбом отражает общие инварианты социокультурного контекста семейного функционирования, специфику нравов и традиций, моды и стилей, выступая маркером и репрезентантом конкретной исторической эпохи. В разных семейных альбомах можно увидеть одинаковые фотографии с точки зрения их содержательного контента, жанра, сюжета, исполнения. Так, например, постановочные статуарные портреты членов семьи, фотографии из предновогоднего детского сада девочек-снежинок и мальчиков-зайчиков, курортные фото с обязательным обозначением места и даты отдыха, коллективные выпускные фотографии на крыльце школы, во время праздничной демонстрации как мозаичные фрагменты и беспристрастные свидетельства прошлого воссоздают культурные коды и целостный образ эпохи 70-х годов.

Вместе с тем фотографии не сводятся только к набору визуальных знаков и символов, а имеют дело с образами, которые одновременно «столь же безличны, насколько они аффективны» [21, с. 27]. С. Зонтаг считает, что фотография скрывает больше, чем показывает [22], а Е. В. Петровская акцентирует внимание на том, что фотографии – это не множество впечатлений, а отпечатки множества, подчеркивая, что образ служит условием проявления изображения, когда оно становится «узнаваемым», т. е. обретает некий общезначимый смысл [21].

Более того, фотографии, создавая эффект реальности, являются поводом для разговора о том, что не имеет непосредственного отношения к визуальной репрезентации, выступая в качестве рефлексивного средства коммуникации между людьми, иницируя диалог и взаимодействие, оживляя мнемические следы и порождая воспоминания, оформляемые в Я-нарративы и Мы-нарративы. Довольно часто эти воспоминания опираются на память других людей, даже если они касаются автобиографических событий, т. е. аутентичность воспоминаний индивидуальной памяти весьма сомнительна [23], поскольку, во-первых, они прошли отбор, редактирование и подтверждение в рамках семьи и социума, а во-вторых, личность не может интерпретировать прошлое, отбросив накопленный опыт всей последующей жизни. Следовательно, семейный альбом можно рассматривать как объективированные (материализованные) следы коммуникативной семейной памяти.

Конструкт «коммуникативная память», введенный М. Хальбваксом [2] и содержательно наполненный Я. Ассман [4] и А. Ассман [23], обладает большим эвристическим потенциалом. Коммуникативная память формируется в процессе межличностной коммуникации под влиянием интеракций личности с ближайшим социальным окружением и имеет модус биографического воспоминания, разделяемого индивидом с взаимодействующими Другими. Коммуникативная память возникает во времени и либо бесследно исчезает вместе со своими носителями, либо объективируется и трансформируется в культурную память группы. Как считают некоторые исследователи, длительность коммуникативной памяти составляет 80–100 лет, т. е. она охватывает временной горизонт трех-четырех поколений людей [4, 23]. В отличие от исторической памяти, для которой чрезвычайно важно, какую психологическую позицию занимает субъект относительно самого события – участник, очевидец, современник или наследник, отличающиеся соотношением составляющих исторического

опыта [18], для коммуникативной памяти, особенно семейной, вопрос о психологической позиции вспоминающего не так важен, поскольку значимыми являются не столько полнота изложения, завершенность и достоверность фактов и событий прошлого, сколько личный прожитой опыт, доминирующие эмоционально-ценностный, смысловой, нормативный, аксиологический контексты субъективных переживаний.

Взаимодействуя с Другими и опираясь на фотографические изображения из семейного альбома, человек извлекает из памяти воспоминания, используя визуальные репрезентации как строительный материал для создания нарративов. В. В. Нуркова очень точно определяет режимы действий личности при конструировании автобиографического нарратива – человек «рассказывает о себе, рассказывает себя, рассказывает собой» [24]. В соответствии с этим можно утверждать, что личность, используя автонаррацию как способ передачи собственного опыта Другому/Другим, проецирует актуальное Я в прошлое, которое она воспринимает как стабильное, понятное и обжитое и вместе с тем подвижное, эмоциональное и чувственное, транслируя Другим то, что составляет содержание ее экзистенциального опыта, порой умалчивая о тайнах и ситуациях, противоречащих логике личной событийности. Ее рассказ – это живая память с искажениями и оговорками, субъективной интерпретацией и аффективными оценками, избирательностью и селекцией образов памяти, не претендующая на универсальную реконструкцию истории.

Кроме того, автонаррация выступает как «механизм самопонимания и самопостроения» [25]. Артикулируя и вербализуя собственные воспоминания, актуализированные фотографическими изображениями, личность схватывает собственную сущность в контексте прожитой жизни, упорядочивает личный опыт, укрепляет Я-концепцию, придает ей целостность, атрибутирует произошедшим событиям определенные экзистенциальные смыслы, осуществляя непрерывное «здесь и теперь» себя-творение [25, с. 65]. Еще один важный момент, связанный с этим режимом действия, заключается в том, что, рассказывая с помощью семейного альбома свою историю о прошлом, человек не просто открывает ее и собственное Я для себя и Другого, но и сам становится видимым для Другого.

Третий обозначенный режим – «рассказывать собой» – связан с эффективностью межличностной коммуникации, которая во многом зависит как от личностных особенностей, глубины и осмысленности переживаний прошлого, меры языковой компетентности рассказчика, так и от

личностных свойств слушающего, его субъективного отношения и интереса к нарратору, характера и особенностей ситуации взаимодействия.

Заметим, что семейный альбом конструирует пространство не только автобиографических воспоминаний, но и следов коммуникативной памяти, основанной на рассказах и воспоминаниях Других, включенных в семейную историю и мифологию.

Эмоциональный аспект интерпретации событий и переживаний семейного прошлого чрезвычайно важен, поскольку благодаря ему возможна передача воспоминаний последующим поколениям, а также через поколения [26]. М. Хирш вводит специальный термин для обозначения такой межпоколенческой трансмиссии – постпамять, в котором приставка «пост» указывает на сложное взаимодействие близости и отдаленности, колебания между непрерывностью и разрывом [26]. Постпамять трактуется как обретение личностью эмоционального знания и ассоциированных переживаний о событиях, имевших место задолго до ее рождения. М. Хирш акцентирует внимание на том, что именно качественная и временная дистанция по отношению к событиям формирует постпамять, объясняя это тем, что постпамять – это не непосредственные воспоминания личности, а опосредованные тесной межличностной коммуникацией человека с теми, кто является их реальным носителем. Содержание и интерпретация таких событий, а также память о них передаются как ценностные ориентиры и смысловые константы семьи, а возможность личностной идентификации с семейной памятью выступает как точка входа, запускающая механизм семейной трансмиссии.

Взгляды М. Хирш созвучны нашему пониманию коммуникативной памяти, выступающей не просто в качестве механизма передачи прошлого опыта Другому, но и транслятора травматического знания личности. Рефлексия травматического опыта Другого – истории его встреч с невыносимым способствует тому, что воспоминания Другого не только сохраняются и передаются членам семьи в процессе интеракции и коммуникации, но и организуются в личные знания другого человека, становясь частью его собственной памяти и жизненной истории.

М. Хирш совершенно обоснованно акцентирует внимание еще на одном важном аспекте постпамяти, связанном с ответственностью, считая, что постпамять выступает катализатором со-настроенности и солидарности людей, а также мерой их ответственности перед Другими [26].

Следовательно, благодаря эмпатии, состраданию и сопереживанию, чувствительности к боли Другого и интересу к его судьбе, яркости и

эмоциональности образов воображения и представления, ментального проецирования себя на территорию Другого и ориентации относительно его феноменологической перспективы личность создает памятный нарратив в виде оценочной интерпретации отложенного события, качества и темпоральность которого трансформированы под влиянием как ее индивидуального опыта, так и последующего коллективного и культурного ландшафтов. Памятный нарратив – это моральная ответственность личности перед собой и Другими – предками, современниками, наследниками, создающий новый порядок понимания себя и Другого, переопределяющий границы между собой и Другими, прошлым и настоящим, а также включающий в себя обязательства, имеющие отношения к памяти Других и другой памяти.

Выводы

Создание и хранение семейного альбома – коммеморативная практика представителей семейной системы, которая характеризуется следующими особенностями: упорядоченность, связь с мемориальной реконструкцией прошлого, направленность на подтверждение чувства единства и общности семьи через разделяемое отношение к его репрезентациям, хронографическое соединение (сшивка) разных временных слоев.

Семейный альбом представляет собой социальный капитал, ответственный за формирование идентичности семьи во времени, он тщательно редактируется и репрезентирует визуальную историю жизни как вариант желаемого опыта, счастливой жизни внутри реальной.

Семейный альбом как средство двойной коммеморации противостоит времени, сохраняя объективированную память об абсолютном прошлом, пребывающем в настоящем, и укрепляет ценностно-смысловую сферу членов семейной системы, задавая им определенный аксиологический стандарт.

Фотографии не сводятся только к набору визуальных знаков и символов, а служат поводом для разговора о том, что не имеет непосредственного отношения к визуальной репрезентации, выступая в качестве рефлексивного средства коммуникации, материализованных следов коммуникативной семейной памяти и основы для создания Я- и Мы-нарративов.

Памятный нарратив формируется в процессе непосредственной межличностной коммуникации личности со значимыми Другими в виде оценочной интерпретации отложенного события и продукта собственных переживаний личности, независимо от того, что они являются эмпатически обусловленными.

Список литературы

1. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 346 с.
3. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.
4. *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin ; New York, 2008. P. 109–118.
5. *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.
6. *Васильев А. Г.* Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72–91.
7. *Выготский Л. С., Лурия А. П.* Этюды по истории поведения : Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993. 224 с.
8. *Schwartz B., Hall J. R., Grindstaff L., Lo M.-C.* Culture and Collective Memory : Two Comparative Perspectives : Handbook of Cultural Sociology. L., 2010. 696 p.
9. *Hirsch M.* Pictures of a Displaced Childhood // Family Frames : Photography, Narrative and Postmemory. Harvard, 2002. P. 217–240.
10. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
11. *Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1. С. 3–22.
12. *Юревич А. В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/837-yurevich29.html> (дата обращения: 21.04.2018).
13. *Шуб М. Л.* Современные коммеморативные практики : образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
14. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
15. *Рягузова Е. В.* Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
16. *Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. М., 2004. 728 с.
17. *Круткин В. Л.* Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 1. С. 171–178.
18. *Нуркова В. В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006. 288 с.
19. *Мартин Р.* Наблюдение и рефлексия : отреагирование воспоминаний и представление будущего посредством фотографии // Фототерапия : использование фотографии в психологической практике. М., 2009. С. 80–99.

20. Ирина-Коган В. Жизнь внутри жизни. Семейный альбом. М., 2009. 720 с.
21. Петровская Е.В. Фотография : гравитация демоса // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 1. С. 23–32.
22. Зонтаг С. Взгляд на фотографию. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm> (дата обращения 17.06.2018).
23. Ассманн А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.
24. Нуркова В. В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой : автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 74–92.
25. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
26. Что такое постпамять / пер. статьи М. Хирш. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (дата обращения: 08.04.2018).

Образец для цитирования:

Рязузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>

Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices

E. V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The article represents the results of theoretical reflection of commemorative practices, directed both at simultaneous presentation of the past and its evaluated representation in the present at three levels of the analysis – societies / states, groups and persons. It is shown that at the level of the state, commemorations act as a powerful political and manipulative resource of the power allowing to operate the past, to design cultural memory of social actors, and to consolidate society on the basis of collective experiences. At the level of the group collective memory is formed thanks to the commemorative programs, which integrate the members of the group, construct the positive social identity and actualize the feeling “We”; at the level of the personality commemorative practices are connected with the need of the person to hold in remembrance the past and to recover memory traces in rituals, ceremonies, visible signs, symbols and artifacts capable of holding symbolically experiences of the past in the relevant present. It is offered to consider the family album as the way of a double com-memoration, an archive of memoirs, the means of preserving the memory of the Other which resists time, sews different temporary layers, keeps the past as staying in the present, cultivates and strengthens the valuable and semantic sphere of members of the family system. It is claimed that designing a cognitive and perceptual memorable narrative in the course of interpersonal interaction, occurs both with the help of mechanisms of affective identification to Others, sympathy and empathy to them, and due to a personal reflection of responsibility to yourself and Others.

Keywords: memory as a sociocultural construct, commemorative practices, family album, reflexive communication, communicative memory, post-memory, memorable narrative.

References

1. Nora P. World Celebration of Memory. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency Ration], 2005, no. 2–3, pp. 40–41 (in Russian).
2. Khal’bvaks M. *Sotsial’nyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, 2007. 346 p. (in Russian).
3. Lotman Yu. M. *Pamyat’ v kul’turologicheskom osveshchenii*. Izbrannyye stat’i: v 3 t. [Memory in Culturological Lighting]. Tallinn, 1992, vol. 1, pp. 200–202.
4. Assmann J. *Communicative and Cultural Memory. Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, 2008, pp. 109–118.
5. Khatton P. Kh. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as Memory Art]. St. Petersburg, 2004. 424 p. (in Russian).
6. Vasil’yev A. G. Tradition and Cultural Memory in the Context of Social Innovations. *Chelovek i kul’tura* [People and culture], 2015, no. 1, pp. 72–91 (in Russian).
7. Vygotskiy L. S., Luriya A. R. *Etyudy po istorii povedeniya: Obez’yana. Primitiv. Rebenok* [Etudes on Behavior Stories: Monkey. Primitive. Child]. Moscow, 1993. 224 p. (in Russian).
8. Schwartz B., Hall J. R., Grindstaff L., Lo M.-C. Culture and Collective Memory: Two Comparative Perspectives. *Handbook of Cultural Sociology*. London, 2010. 696 p.
9. Hirsch M. Pictures of a Displaced Childhood. In: *Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory*. Harvard, 2002, pp. 217–240.
10. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemologiya]. Moscow, 2007. 480 p. (in Russian).
11. Emel’yanova T. P. Phenomenon of collective feelings in psychology of big social groups. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial’naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).
12. Yurevich A. V. Structural elements of national mentality. *Psikhologicheskie Issledovaniya* (Psychological Studies), 2013, vol. 6, no. 29. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/837-yurevich29.html> (accessed 21 April 2018) (in Russian).
13. Shub M. L. Modern commemorative practices: educational potential. *Chelyabinskiy gumanitariy* [Chelyabinsk Humanist], 2016, no. 3 (36), pp. 80–87 (in Russian).

14. Khobsbaum E. Izobreteniyе traditsiy [The Invented Traditions]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2000, no. 1, pp. 47–62 (in Russian).
15. Ryaguzova E. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya "Ja – Drugoy"* [Social Psychology of Personal Representations "Me – Other"]. Saratov, 2011. 304 p. (in Russian).
16. Rikér P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* [Memory, History, Oblivion]. Transl. of fr. Moscow, 2004. 728 p. (in Russian).
17. Krutkin V. L. Anthropological sense of photos of a family album. *Zhurnal sotsiologii i socialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2005, vol. 8, no. 1, pp. 171–178 (in Russian).
18. Nurkova V. V. *Zerkalo s pamyat'yu. Fenomen fotografii. Kul'turno-istoricheskii analiz* [Mirror with memory. Photo Phenomenon. Cultural and Historical Analysis]. Moscow, 2006. 288 p. (in Russian).
19. Martin R. Nablyudeniye i refleksiya: otreagirovaniye vospominaniy i predstavleniye budushchego posredstvom fotografii [Observation and Reflection: an Otreagirovaniye of Memoirs and Representation of the Future by Means of the Photo]. In: *Fototerapiya: ispol'zovaniye fotografii v psi-khologicheskoy praktike* [Phototherapy: Use of the Photo in Psychological Practice]. Moscow, 2009, pp. 80–99 (in Russian).
20. Irina-Kogan V. *Zhizn' vnutri zhizni. Semeynyy al'bom* [Life in Life. Family Album]. Moscow, 2009. 720 p. (in Russian).
21. Petrovskaya E. V. Photography: gravitation of the demos. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], 2015, vol. 8, no. 1, pp. 23–32 (in Russian).
22. Zontag S. *Vzglyad na fotografiyu* (View of the Photo). Available at: <https://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm> (accessed 17 June 2018) (in Russian).
23. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow, 2014. 328 p. (in Russian).
24. Nurkova V. V. To Tell about Yourself, to Tell by Means of Yourself, to Express Yourself: Autobiographical Narrative from the Point of View of Cultural-Activity Approach. *Razvitiye lichnosti* [Personal Development], 2010, no. 1, pp. 74–92 (in Russian).
25. Sapogova E. E. The Autobiographic Narrative in the Context of Cultural-historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2005, no. 2, pp. 63–74 (in Russian).
26. *Chto takoye postpamyat'* (What is Post-Memory). Transl. of M. Khirsh. Available at: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (accessed 8 April 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Ryaguzova E. V. Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68>

УДК 159.923.2

Проблема изучения самодетерминации личности в отечественной психологической науке

Н. А. Степанова

Степанова Наталья Алексеевна, кандидат психологических наук, педагог-психолог, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Москвы «Школа № 1360», natalia0663@yandex.ru

В статье анализируются современные отечественные исследования проблемы самодетерминации личности. Констатируется, что особенностями отечественной концепции самодетерминации является синтез зарубежного опыта и собственных разработок в области мотивации, саморегуляции и субъектности. Обосновывается, что подростковый возраст является сензитивным в развитии самодетерминации, но недостаточно исследований ее онтогенетических особенностей, раскрывающих основные условия, механизмы и предпосылки развития. Предложен новый подход к исследованию самодетерминации на основе ее духовных оснований. Утверждается, что духовность может выступить базовым компонентом самодетерминации личности, позволяющим человеку регулировать свою жизнедеятельность, опираясь на высшие духовные ценности, в связи с чем в качестве перспективного направления дальнейших исследований в области самодетерминации выделено изучение динамики ее онтогенетического развития на основе духовной наполненности.

Ключевые слова: самодетерминация, духовность, саморегуляция, субъектность, внутренняя мотивация, внутренняя свобода, подростковый возраст, личность.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-69-75>

Роль психологии мотивации, саморегуляции и субъектности в зарождении отечественной концепции самодетерминации

Идея самодетерминации как свободного осознанного управления собственной жизнью в отечественной психологии имеет свою специфику, отражающую синтез зарубежных идей и специфических отечественных линий развития психологического знания. Особенности отечественного подхода к изучению самодетерминации связаны с многолетними исследованиями в области мотивации и саморегуляции, с изучением феномена субъектности. Истоки идеи самодетерминации личности в отечественной психологической науке относятся к началу 20-х гг. прошлого века, когда С. Л. Рубинштейн в своей статье «Принцип творческой самодетерминации» впервые формулирует принцип единства сознания и деятельности и указывает на то, что активная, самостоятельная и творческая деятельность служит важнейшим условием развития сознания и личности человека, призывая педа-

гогику учитывать это положение [1]. Идея самостоятельного и активного освоения жизненного пространства была подхвачена исследователями мотивации, саморегуляции и субъектности.

Проблематика мотивации наиболее полно представлена в работах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, И. В. Имедадзе, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищевой, Д. Н. Узнадзе и др.

Так, А. Н. Леонтьевым была предложена теория деятельностного происхождения мотивационной сферы человека и показано, что развитие и изменение мотивов тесно связаны с функционированием всей системы деятельности человека, а Л. С. Выготский ввел идею контроля над мотивационными процессами через их опосредствование. Дальнейшие исследования мотивации велись в контексте смысловой регуляции деятельности такими авторами, как Б. С. Братусь, И. А. Васильев, Ф. Е. Василюк, Б. В. Зейгарник, В. А. Иванников, Д. А. Леонтьев, Е. В. Эйдемман [2].

В ходе многолетних исследований существенно изменились взгляды отечественных авторов на суть мотивации: акцент смещается от когнитивных процессов, опосредующих механизмы мотивации, на сознание и личность в целом. В центре внимания оказываются проблемы свободы, воли, контроля над мотивацией, жизненных ценностей, целей, возможностей, перспектив, саморегуляции и самодетерминации [3].

Исследования в области саморегуляции тоже существенно повлияли на зарождение отечественной концепции самодетерминации. Л. С. Выготский был первым, кто связал процесс регуляции с опосредствованием. Идею взаимосвязи регуляции и воли вслед за ним стал развивать С. Л. Рубинштейн, который понимал саморегуляцию как ограничение избыточных степеней свободы [4].

А. Н. Леонтьев говорил о смысловых образованиях, выполняющих регулируемую функцию при постановке целей и осознании поступков [4]. Схожее понимание саморегуляции имела Б. В. Зейгарник, которая определяла ее как «сознательный процесс управления собственным поведением, в основе которого лежит перестройка смысловой сферы и формирование новых смыслов» [4, с. 66].

Существенным шагом в развитии идей саморегуляции стали исследования О. А. Конопкина: он отделил проблему саморегуляции от проблемы деятельности и обосновал роль осознанной саморегуляции как критерия становления субъектности [4].

Среди современных авторов, внесших существенный вклад в изучение проблем саморегуляции, можно назвать В. И. Моросанову, описавшую стилевые особенности саморегуляции [4], А. К. Болотову, Т. В. Корнилову, А. Б. Леонову, исследовавших проявления саморегуляции в индивидуальном развитии человека [4], Д. А. Леонтьева, утверждавшего, что возможности саморегуляции определяются особенностями личностного потенциала [5]. В целом согласно результатам исследований отечественных авторов саморегуляция жизнедеятельности – это основная функция самодетерминации.

Следующим значимым направлением работ, оказавших влияние на отечественную концепцию самодетерминации, являются исследования субъектности. Несмотря на разработанность понятия «субъектность», в отечественной психологической науке существуют различные точки зрения на особенности его развития и содержание. Так, К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн, З. И. Рябкина и другие определяют субъектность, как наивысшее личностное образование, а Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Н. Е. Максимова, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, И. В. Тихомирова, Е. В. Филиппова, Л. Ф. Фомичева и другие считают, что субъектность развивается на протяжении всей жизни человека [6]. Однако все авторы сходятся в том, что субъектность – это способность личности производить взаимообусловленные изменения в себе, в людях и окружающем мире [6, 7], предполагающая такие неотъемлемые характеристики, как активность, осознанность, ответственность, самостоятельность и др. [6, 7].

В этой связи следует упомянуть о набирающих популярность в последние годы исследованиях суверенности личности как частном проявлении субъектности. С. К. Нартова-Бочавер определяет суверенность личности как способность человека выстраивать границы своего психологического пространства на основе имеющегося опыта автономного поведения [8].

Субъектность, таким образом, определяет взаимоотношения человека с окружающим миром, а самодетерминация вносит в эти взаимоотношения элемент осознанного выбора, свободного от внешних ситуативных факторов

и внутриличностных процессов. Субъектность есть подлинное свободное авторство собственной жизни посредством самодетерминации, а самодетерминация личности – это способность выбирать и делать выбор, основываясь на собственных осознанных убеждениях, целях, стремлениях.

Преимственность идей зарубежного подхода в отечественной концепции самодетерминации, связь самодетерминации и внутренней свободы личности

Несмотря на свою специфику, отечественная концепция самодетерминации переняла и опыт зарубежных исследований, прежде всего социально-психологический аспект исследования проблемы, касающийся взаимодействия личности с окружающими.

Истоки зарубежного подхода к изучению проблемы самодетерминации лежат в исследованиях внутренней свободы личности, которая начала активно разрабатываться в зарубежной психологии с середины прошлого века экзистенциальными психологами (Р. Мэй, В. Франкл, Э. Фромм и др.). Работы данных авторов положили начало представлению о личности как уникальной и неповторимой, сознательно управляемой высшими ценностями и смыслами, свободной по своей сути целостной единице [1, 9, 10]. Внутренняя свобода понимается как высший уровень развития самосознания человека, проявляющийся в максимальной осознанности жизни и позволяющий выстраивать осмысленное к ней отношение [1].

Прочное утверждение позиций гуманистической и экзистенциальной парадигмы о внутренней свободе, саморазвитии и самоактуализации на арене академической психологии привело к переосмыслению сути механизма детерминации развития личности и необходимости изучения самодетерминации и ее характеристик.

Ж.-П. Сартр и Р. Мэй выделили такие аспекты внутренней свободы, как осознанность, опосредованность [1].

Позднее Э. Деси, Р. Райан, Дж. Ричлак, У. Тейджсон, Р. Харре стали изучать данные аспекты более детально в рамках концепции самодетерминации, которая рассматривается авторами как ощущение свободы по отношению к силам, связанным с внешним окружением, и к силам внутри самой личности, определяемое потребностью в автономии, компетентности и социальных связях [10]. Данное определение отражает социально-психологический подход к вопросу самодетерминации, преимущество изучения которого прослеживается в исследо-

ваниях отечественных авторов: Т. О. Гордеевой, О. Е. Дергачевой, Л. Я. Дорфмана, Е. Р. Калитеевской, Д. А. Леонтьева и др. [5, 9, 11]. Способность к самодетерминации исследователи понимают как гармоничный баланс свободы и ответственности, достигаемый за счет смысловой регуляции жизнедеятельности в ходе индивидуального развития [11]. Иными словами, самодетерминация – это осмысленное и ответственное проявление свободы.

Однако, исходя из данного определения, не ясно, что служит основой самодетерминации. На что человек опирается при выборе целей, ценностей, идеалов – регуляторов и детерминант своей жизнедеятельности? Ведь по сути самодетерминация личности – это детерминация ценностями и смыслами. Четкого ответа на этот вопрос ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях не сформулировано, несмотря на значимость проблемы выбора духовно-ценностной основы самодетерминации.

В основе осознанной, самоуправляемой и автономной личности должна быть сильная базовая направляющая, в качестве которой может выступить духовность. Духовно бедный человек, несмотря на всю свою сознательность, осмысленность и целеустремленность, никогда не достигнет высокого уровня самодетерминации, поскольку в основе его системы ценностей, целей и идеалов лежат материальные блага, гедонические и эгоцентрические установки, делающие его зависимым от внешних источников удовольствия и радости, что говорит скорее о полидетерминации.

На сегодняшний день вопрос духовных оснований самодетерминации разработан недостаточно. Мы разделяем точку зрения Е. И. Белоус [12], А. И. Матвеевой [13] и Н. Г. Романенко [14] и ряда других отечественных авторов о том, что основа сознательного выбора просоциальных жизненных целей и средств их достижения – истинной самодетерминации – развитая духовность. Это подтверждают и многие зарубежные авторы, занимающиеся проблемой духовной детерминации личностного развития параллельно с отечественными исследователями [15–17]. В их работах показано, что независимость от негативных внешних и внутренних воздействий возможна только при максимальной духовной наполненности и сознательном самоограничении [15–17]. Самодетерминация, таким образом, – это поведение не просто с позиции «Я хочу», в которой преобладает направленность преимущественно на себя, а с позиции «Я сознательно, добровольно и искренне хочу ради других», в которой превалирует трансцендентная направ-

ленность на окружающих людей и мир вокруг. Поэтому духовность по праву может выступать основой самодетерминации личности.

Такой взгляд на процесс самодетерминации позволяет рассматривать последнюю как феномен самосознания человека, включающий умение выйти за рамки узко эгоистических целей, потребностей и желаний, способность различать и выбирать истинные духовные ценности (любовь, заботу, помощь, сострадание, милосердие и проч.), подчинять им свои поступки и регулировать на их основе свою жизнедеятельность, реализуя свой потенциал во имя гуманистических, созидательных целей и идеалов [18].

Возрастной аспект проблемы изучения самодетерминации

Говоря о механизмах развития самодетерминации, важно затронуть ее возрастной аспект. Для отечественных исследований проблемы самодетерминации характерно внимание преимущественно к общим особенностям ее развития. На сегодняшний день недостаточно исследований, отражающих этапы, возрастные особенности формирования и развития самодетерминации.

Так, А. Ж. Юсупова, В. П. Иванова [19], О. В. Сулимина [20] в своих работах показали, что развитие способности к самодетерминации идет в направлении от полной определяемости внешними силами к внутренней автономной саморегуляции. По их мнению, различные стадии этого процесса проходят ряд этапов: от внешней регуляции через интроекцию и идентификацию к интеграции, когда регуляторные процессы ассимилированы в личность человека целиком. Но авторы не раскрывают возрастные особенности данного процесса, указывая только на то, что переход к внутренней автономной регуляции возможен не раньше подросткового возраста [20].

В работах Д. И. Фельдштейна представлены возрастные этапы развития самодетерминации, но они освещены довольно поверхностно. Автор отмечает, что первые моменты самоутверждения и самодетерминации проявляются уже в 3 года, когда ребенок начинает осознавать свое «Я». А с 10 лет, когда подросток стремится утвердить свое «Я» в системе общественных отношений и осознает свою субъектную позицию, начинается этап выраженной индивидуализации, самоуправления и самодетерминации, продолжающийся до 18 лет [21].

В исследованиях С. К. Нартовой-Бочавер представлена последовательность развития психологического пространства личности от младенчества до подросткового возраста. Проблема

психологического пространства лишь косвенно относится к исследованиям самодетерминации. Ценность для нашего исследования представляет лишь положение о том, что в каждом возрасте разные механизмы выступают регуляторами поведения. Однако автором описаны только этапы развития психологического пространства, а не механизмов регуляции поведения. С. К. Нартова-Бочавер утверждает: ценности только в подростковом возрасте детерминируют поведение человека, что довольно спорно [8].

Наиболее полно возрастные особенности развития самодетерминации представлены в работе Е. Р. Калитеевской, Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, которые выделяют период перехода от детства к взрослости в качестве наиболее значимого в плане развития самодетерминации [11]. По мнению авторов, в подростковом возрасте происходит «смещение движущих сил личностного развития извне вовнутрь на основе интеграции и полноценного развития механизмов свободы и ответственности. Именно их интеграция в свободной самодетерминированной активности зрелой личности обеспечивает здоровое разрешение подросткового кризиса» [11, с. 619]. Исследователи утверждают, что подростковый возраст является наиболее чувствительным периодом развития самодетерминации, во многом обуславливающим ведущий тип самодетерминации на протяжении всей последующей жизни человека, и выделяют автономный тип самодетерминации как единственный функциональный и эффективный, в отличие от гораздо чаще встречающегося симбиотического, импульсивного и конформного, препятствующего успешному разрешению подросткового кризиса и формированию механизмов самодетерминации.

Полученные учеными результаты подтверждают и зарубежные исследователи, которые не только констатируют факт значимости подросткового возраста в развитии самодетерминации, но и предлагают большое количество различных программ и тренингов, направленных на формирование личности, способной самостоятельно и эффективно добиваться жизненных целей, самореализовываться, сознательно и разумно управлять своей жизнедеятельностью и поведением [10, 22, 23].

Тем не менее ни одно исследование не затрагивает вопрос развития духовности как основы самодетерминации, несмотря на то, что ее значимость в подростковом возрасте крайне велика. Сознание подростка уже способно осмыслить суть высших бытийных ценностей, но принять их за основу своей жизни могут немногие, ведь мировоззрение и миропонимание подростка

крайне неустойчивы, а внешняя реальность, во многом построенная на принципах гедонизма, потребления, эгоцентризма и сиюминутного удовольствия, оказывает сильнейшее давление, противостоять которому крайне сложно. Поэтому формирование духовной основы самодетерминации должно начинаться задолго до подросткового возраста, только тогда, в более зрелом возрасте сложатся устойчивое понимание, способность и готовность всегда опираться в решении текущих жизненных ситуаций на духовные ценности и управлять на их основе своими влечениями, потребностями и целями, что и составляет суть самодетерминации личности.

В этой связи можно выделить следующие этапы развития духовных оснований самодетерминации: знакомство с духовными ценностями в системе Я–семья–общество, развитие осознанности и понимания духовных ценностей в системе Я–семья–общество, самоидентификация (принятие духовных ценностей в системе Я–семья–общество как своих), активизация процесса саморазвития (положительных самоизменений личности в направлении своего «идеального Я») в соответствии с основными духовными ценностями [18].

Важно отметить, что процесс развития самодетерминации должен обязательно сопровождаться правильным осмыслением жизненной позиции, пониманием того, что делать добро и идти сложным, но правильным путем должно войти в привычку, а для этого на начальном этапе нужны значительные волевые усилия и преодоление внутреннего сопротивления, когда хочется поступить просто и не задумываясь, ни с кем не считаясь и ни за что не отвечая. Только преодолевая себя, можно в полной мере научиться управлять собой и своей жизнью.

Таким образом, перспективными направлениями дальнейших исследований проблемы самодетерминации в отечественной психологической науке являются: изучение онтогенетических особенностей развития самодетерминации, ее духовных оснований, динамики развития самодетерминации на основе духовной наполненности.

Выводы

1. Особенностью отечественной концепции самодетерминации личности является синтез зарубежных идей – социально-психологический подход к исследованию проблемы – и собственных разработок в области психологии мотивации, саморегуляции и субъектности, отражающих преимущественно общепсихологические аспекты самодетерминации.

2. Самодетерминация личности понимается отечественными авторами как способность делать выбор на основе высших осознанных критериев, которая определяется гармоничным балансом свободы и ответственности, смысловой регуляцией жизнедеятельности. Однако недостаточно изучены духовная составляющая процесса самодетерминации, особенности самодвижения личности посредством духовности.

3. Сензитивным периодом развития самодетерминации личности является подростковый возраст, но отечественные авторы преимущественно рассматривают общие аспекты ее проявления при недостаточном внимании к возрастным особенностям самодетерминации, ее онтогенетическому развитию, изучение которого позволит в полной мере раскрыть основные условия, механизмы и закономерности формирования и развития самодетерминации.

Список литературы

1. Кузьмина Е. И. Психология свободы : теория и практика : учеб. пособие / под ред. Е. И. Кузьминой. СПб., 2007. 336 с.
2. Леонтьев В. Г. Проблемы психологии мотивации в отечественной психологии // Психология мотивации : прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию доктора психол. наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. Новосибирск, 2015. С. 50–57.
3. Шелдон К. М. Введение в теорию самодетерминации и новые подходы к мотивации роста // Сибир. психол. журнал. 2016. № 62. С. 7–17.
4. Болотова А. К., Пурецкий М. М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11, № 3. С. 64–74.
5. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибир. психол. журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
6. Кимберг А. Н. Субъект, субъектность и связанные с ними феномены // Личность и бытие : субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского) : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. М. ; Краснодар, 2013. С. 17–22.
7. Размышления и представления о феномене субъектности в различных образовательных пространствах / под ред. Ф. Г. Мухаметзяновой [и др.]. Казань, 2016. 252 с.
8. Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней зрелости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Nartova-Bochaver.shtml> (дата обращения: 20.06.2018).
9. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации : настоящее и будущее : в 2 ч. Ч. 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12> (дата обращения: 18.06.2018).
10. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N.Y., 2017. 754 p.
11. Леонтьев Д. А., Калитеевская Е. Р., Осин Е. Н. Личностный потенциал при переходе от детства к зрелости и становление самодетерминации // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 611–641.
12. Белоус Е. И. Психология духовности. Владивосток, 2014. 474 с.
13. Матвеева А. И. Проблема духа, души и духовности в контексте природы человека. Казань. 2016. 180 с.
14. Романенко Н. Г. Феномен духовности в организационном контексте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 85–88. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-85-88
15. Grubbs B., Wilt J., Stauner N., Exline J., Pargament K. Self, struggle, and soul : Linking personality, self-concept, and religious/spiritual struggle // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 101. P. 144–152. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00229-4
16. Jackson Y., Makanui K. P., Gusler S. Spirituality and Its Relation to Mental Health Outcomes: An Examination of Youth in Foster Care // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 10, iss. 2. P. 67–76. DOI: 10.1037/rel0000184
17. Willard A. K., Norenzayan A. Spiritual but not religious : Cognition, schizotypy, and conversion in alternative beliefs // Cognition. 2017. Vol. 165. P. 137–146. DOI: 10.1016/j.cognition.2017.05.018
18. Степанова Н. А. Модель развития самодетерминации как основа профилактики зависимого поведения подростков в современных образовательных организациях // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 4. С. 21–32. DOI: 10.17759/psyedu.2017090403
19. Иванова В. П., Юсупова А. Ж. Самодетерминация и интеллектуальная компетентность // Вестн. КРСУ. 2016. Т. 16, № 4. С. 94–97.
20. Сулимина О. В. Проблема становления личностных и социальных регуляторов в период перехода от детства к зрелости // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. Т. 6, № 2. С. 91–101.
21. Фельдштейн Д. И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избранные труды / общ. ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М., 2004. 670 с.

22. Hardy S. A., Dollahite D. C., Christensen J. B. Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain from Health-Risk Behaviors : a Self-Determination Theory Approach // *Journal of Personality*. 2015. Vol. 83. P. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123
23. Taylor G., Jungert T., Magelau G., Schattke K., Dedic H., Rossenfield S., Koestner R. A self-determination theory approach to predicting school achievement over time : The unique role of intrinsic motivation // *Contemporary Educational Psychology*. 2014. Vol. 39, iss. 4. P. 342–358.

Образец для цитирования:

Степанова Н. А. Проблема изучения самодетерминации личности в отечественной психологической науке // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-69-75>

The Problem of Studying Self-Determination of Personality in the Domestic Psychological Science

N. A. Stepanova

Natalia A. Stepanova, State Budget Educational Institution of the City of Moscow № 1360, 21A Krasnobogatyrskaya Str., Moscow 107564, Russia, natalia0663@yandex.ru

The article presents the analysis of the current domestic research of the problem of self-determination of personality. It is shown that the peculiarities of the domestic concept of self-determination is the synthesis of foreign experience and our own developments in the field of motivation, self-regulation and subjectivity. In domestic studies it is shown that adolescence is sensitive in the development of self-determination, but there are not enough studies of its ontogenetic features, revealing basic conditions, mechanisms and prerequisites of development. A new approach to the study of self-determination on the basis of its spiritual foundations is proposed. It is shown that spirituality can act as a basic component of self-determination of personality, allowing a person to regulate his life, based on the highest spiritual values. In this connection, as a perspective direction of further research in the field of self-determination the study of the dynamics of its ontogenetic development on the basis of spiritual fullness is highlighted.

Keywords: self-determination, spirituality, self-regulation, subjectness, intrinsic motivation, internal freedom, adolescence, personality.

References

1. Kuz'mina E. I. *Psikhologiya svobody: teoriya i praktika: uchebnoe posobie* [Freedom Psychology: Theory and Practice: Study Guide]. Ed. E. I. Kuz'mina. St. Petersburg, 2007. 336 p. (in Russian).
2. Leont'ev V. G. Problemy psikhologii motivatsii v otechestvennoi psikhologii [Motivation Psychology Problems in Domestic Psychology]. In: *Psikhologiya motivatsii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 85-letiyu doktora psikhol. nauk, pochetnogo professora NGPU V. G. Leont'eva* [Psychology of Motivation: Past, Present, Future: materials of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 85th Anniversary of Doctor of Psychological Sciences, Honorary Professor of NSPU V. G. Leontiev]. Eds. O. A. Belobrykina, N. Ya. Bol'shunova. Novosibirsk, 2015, pp. 50–57 (in Russian).
3. Sheldon K. M. Introduction to the Self-Determination Theory (SDT) and New Approaches to the Growth of Motivation. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2016, no. 62, pp. 7–17 (in Russian).
4. Bolotova A. K., Puresky M. M. Concepts of Self-Regulation: A Historical Retrospective. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015, vol. 11, no. 3, pp. 64–74 (in Russian).
5. Leont'ev D. A. Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2016, no. 62, pp. 18–37 (in Russian).
6. Kimberg A. N. Subject, Subjectivity and Related Phenomena. *Personality and Being: Subjective Approach* (to the 80th Anniversary of the Birth of A. V. Brushlinsky). Materials of the VI All-Russian Scientific Conference. Eds. Z. I. Ryabikina, V. V. Znakov. Moscow, Krasnodar, 2013, pp. 17–22 (in Russian).
7. *Razmyshleniya i predstavleniya o fenomene sub'ektivnosti v razlichnykh obrazovatel'nykh prostranstvakh* [Reflections and Ideas about the Phenomenon of Subjectivity in Various Educational Spaces]. Eds. F. G. Mukhametzyanova et al. Kazan, 2016. 252 p. (in Russian).
8. Nartova-Bochaver S. K. The Psychological Sovereignty as a Predictor of Emotional Resilience in Youth and Early Adulthood. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* (Clinical Psychology and Special Education), 2015, vol. 4, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Nartova-Bochaver.shtml> (accessed 20 June 2018) (in Russian).
9. Gordeeva T. O. Teoriya samodeterminatsii: nastoyashchee i budushchee. Chast' 1: Problemy razvitiya teorii (The Self-Determination Theory: Present and Future. Part 1: Problems of Theory Development). *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.* (Psychological Researches: Electronic Scientific Journal), 2010, no. 4 (12). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12> (accessed 18 June 2018) (in Russian).
10. Ryan R. M., Deci E. L. *Self-determination theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York, 2017. 754 p.
11. Leont'ev D. A., Kaliteevskaya E. R., Osin E. N. Personal Potential During the Transition from Childhood to Adulthood and the Formation of the Self. In: *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal Potential:

- Structure and Diagnostics]. Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, 2011, pp. 611–641 (in Russian).
12. Belous E. I. *Psikhologiya dukhovnosti* [Psychology of Spirituality]. Vladivostok, 2014. 474 p. (in Russian).
 13. Matveeva A. I. *Problema dukha, dushi i dukhovnosti v kontekste prirody cheloveka* [The Problem of Spirit, Soul and Spirituality in the Context of Human Nature]. Kazan, 2016. 180 p. (in Russian).
 14. Romanenko N. G. To a Problem of Spirituality in Organization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 85–88. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-85-88 (in Russian).
 15. Grubbs J. B., Wilt J., Stauner N., Exline J., Pargament K. Self, Struggle, and Soul: Linking Personality, Self-Concept, and Religious/Spiritual Struggle. *Personality and Individual Differences*, 2016, Vol. 101, pp. 144–152. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00229-4
 16. Jackson Y., Makanui K. P., Gusler S. Spirituality and Its Relation to Mental Health Outcomes: An Examination of Youth in Foster Care. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2018, vol. 10, iss. 2, pp. 67–76. DOI: 10.1037/rel0000184
 17. Willard A. K., Norenzayan A. “Spiritual but not religious”: Cognition, Schizotypy, and Conversion in Alternative Beliefs. *Cognition*, 2017, vol. 165, pp. 137–146. DOI: 10.1016/j.cognition.2017.05.018
 18. Stepanova N. A. Model of Development of Self-determination as the Basis of Prevention of Addictive Behavior of Adolescents in Contemporary Educational Organizations. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2017, vol. 9, no. 4, pp. 21–32. DOI: 10.17759/psyedu.2017090403
 19. Ivanova V. P., Yusupova A. Zh. Self-Determination and Intellectual Competence. *Vestnik KRSU* [Bulletin of KRSU], 2016, vol. 16, no. 4, pp. 94–97 (in Russian).
 20. Sulimina O. V. The Problem of Formation of Personal and Social Controls in the Period of Transition from Childhood to Adulthood. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, vol. 6, no. 2, pp. 91–101 (in Russian).
 21. Fel'dshtein D. I. *Psikhologiya vzrosleniya. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki protsessy razvitiya lichnosti: izbrannye trudy* [Psychology of Growing up. Structural Characteristics of the Process of Personality Development: Selected Works]. By total ed. D. I. Fel'dshtein. Moscow, 2004. 670 p. (in Russian).
 22. Hardy S. A., Dollahite D. C., Christensen J. B. Adolescent Motivations to Engage in Prosocial Behaviors and Abstain from Health-Risk Behaviors: A Self-Determination Theory Approach. *Journal of Personality*, 2015, vol. 83, pp. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123
 23. Taylor G., Jungert T., Magelau G., Schattke K., Dedic H., Rossenfield S., Koestner R. A Self-determination Theory Approach to Predicting School Achievement Over Time: The Unique Role of Intrinsic Motivation. *Contemporary Educational Psychology*, 2014, vol. 39, iss. 4, pp. 342–358. DOI: doi:10.1016/j.cedpsych.2014.08.002

Cite this article as:

Stepanova N. A. The Problem of Studying Self-Determination of Personality in the Domestic Psychological Science. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-69-75>

УДК 159.9.075

Рефлексивно-вербальные индикаторы эмоционального выгорания учителя

Т. В. Черникова

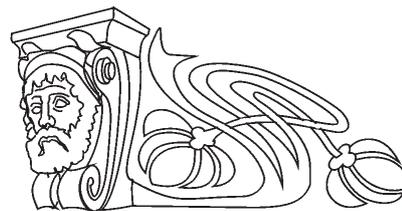
Черникова Тамара Васильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования и развития, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, tamara@vspsu.ru

Нарушения эмоционального здоровья учителей традиционно анализировались через показатели выгорания, соотнесенные с индивидуальными характеристиками личности или стрессогенными факторами труда, к которым в настоящее время отнесен инклюзивный компонент школьного образования. Способы изучения выгорания во взаимосвязи с психофизиологическими чертами личности, темпераментом и характером в настоящее время отходят на второй план. Формирующаяся исследовательская тенденция связывает эмоциональное выгорание с нарушениями в нравственной сфере личности. Материалы статьи подготовлены в логике исследований последних лет, где эмоциональное выгорание рассматривается как комплексное динамическое явление, имеющее ценностно-нравственные предпосылки и основания. Анализ проективных сочинений (профессиональных эссе) 79 учителей показал разнонаправленность рефлексивно-вербальных индикаторов высокого и низкого уровней выгорания. Для учителей с высокими показателями выгорания характерно смещение рефлексивно-речевых формул в сторону оценки учительского труда и профессионального окружения (интеллектуальный тип рефлексии). Благоприятные показатели эмоционального здоровья сопровождаются смещением рефлексивных суждений в сторону поиска ресурсов собственного развития и предоставления их для развития других людей (личностный тип рефлексии). Таких педагогов следует привлекать к работе в группах эмоциональной взаимопомощи.

Ключевые слова: рефлексивно-речевые индикаторы, тип рефлексии (интеллектуальный, кооперативный, коммуникативный, личностный), эмоциональное выгорание.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-76-82>

Эмоциональное здоровье рассматривается как наглядное проявление общего здоровья личности – иерархически-гармонической, духовно-нравственной, творческой [1]. Проблемы нарушенного эмоционального здоровья учительства принято анализировать через показатели эмоционального выгорания. Существуют теоретические и эмпирические основания полагать, что «профилактика и преодоление выгорания имеют прямое отношение к сохранению психической устойчивости и здоровья педагогов, способствующих профессиональному долголетию, субъективному благополучию и удовлетворенности жизнью в целом» [2, с. 180].

Сложившаяся практика психологического анализа нарушений эмоционального здоровья у различных групп учителей традиционно связывала признаки выгорания с особенностями темперамента (тревожностью, обидчивостью) [3] и проявлениями характера (подозрительности, враждебности) [4].

Считалось, что внедрение в школах инклюзивного образования неизбежно усилит перегрузки учителя и повысит риск эмоционального выгорания. Однако результаты исследований педагогов, работающих со школьниками, имеющими ограничения по состоянию здоровья, носят противоречивый характер. Если Е. Ю. Костин, изучив особенности педагогов, взаимодействующих с детьми со сложной структурой дефекта, отметил у них высокую подверженность симптоматике выгорания [5], то Т. В. Редина, специально исследовавшая проблему подверженности выгоранию педагогов коррекционных образовательных учреждений, сделала вывод о том, что истощение зависит не от контингента воспитанников, а от личностных особенностей воспитателей [6]. Наиболее устойчивыми к выгоранию оказались педагоги, внимательные по отношению к детям, склонные к проявлению эмпатии.

Полностью солидаризируясь с убеждением С. А. Наличаевой в том, что «выгорание является системным, комплексным и динамичным состоянием» и «показатели выгорания усиливаются от начала к концу учебного года» [7, с. 138], следует в фокусе диагностических замеров держать те профессионально-личностные характеристики педагогов, которые отражают их ценностно-смысловую сферу как наименее подверженную ситуативным влияниям. Так, С. А. Наличаева обнаружила взаимосвязь устойчивости к выгоранию с высокими диагностическими показателями самоактуализации. Е. Г. Ожогова доказала прямую связь синдрома выгорания с особенностями ценностно-смысловой сферы педагогов общеобразовательных школ [8]. Те из них, которые проявляли себя как творческие деятели («преобразователи» и «гармонизаторы»), преодолевали напряженные периоды своей деятельности при отсутствии или низком уровне выраженности выгорания в отличие от коллег с

высоким уровнем при проявлении с их стороны пассивной жизненной позиции, инертности, консерватизма, ригидной эгоориентации («пользователи» и «потребители»). Л. В. Ножичкина, анализируя проблемы эмоционального выгорания и определяя способы его коррекции, обнаружила зависимость между формирующимися симптомами выгорания и неудовлетворенными ценностно-ориентированными потребностями [9]. И. А. Курапова на основании анализа материалов исследования духовно-нравственных детерминант эмоционального выгорания пришла к выводу, что менее всего ему подвержены педагоги с доброжелательным типом коммуникативного поведения, демонстрирующие самоуважение, самопринятие, спонтанность, опирающиеся на доброе начало в других людях [10]. Как бы обобщая разрозненные исследования на тему нравственных оснований эмоционального выгорания, Н. Е. Водопьянова указала на «дисфункцию ценностно-смысловой регуляции личности» как серьезный фактор риска выгорания и нарушения профессионального здоровья в целом [1, с. 296–312].

К последней из указанных исследовательских линий следует отнести и предпринятое нами изучение в конце учебного года речевых особенностей у учителей школ с высокими, средними и низкими показателями эмоционального выгорания. Респондентами стали педагоги СШ № 117 (42 чел.) г. Волгограда и СШ № 6 г. Котово Волгоградской области (37 чел.), всего 79 человек, все женщины (первичный эмпирический материал собран совместно с А. А. Михеевой).

Целью исследования стало определение рефлексивно-вербальных индикаторов в проективных суждениях педагогов с различным уровнем эмоционального выгорания. Гипотетические предположения относительно возможных результатов диагностики состояли в том, что: а) высокие показатели эмоционального выгорания проявятся в смещении рефлексивно-речевых формул в сторону оценки учительского труда и профессионального окружения; б) высокие показатели эмоционального здоровья проявятся в смещении рефлексивных суждений в сторону анализа личностных ресурсов и предоставления собственных профессиональных возможностей для развития других.

Предполагалось, что в систематизированном виде типичные рефлексивные речевые высказывания о себе в профессии смогут служить косвенными показателями эмоционального благополучия педагогических работников. Проявляющиеся в содержании спонтанных выступлений на собраниях и совещаниях, а также в

общении с коллегами, родителями и учащимися, речевые показатели эмоционального состояния учителей станут поводом для самостоятельной психопрофилактики. Директора школы они ориентируют в изменениях эмоционального фона, подскажут направления здоровьесберегающей работы с коллективом.

Следует указать на неправомерность утверждений о том, что увеличение показателей эмоционального выгорания прямо пропорционально педагогическому стажу. Как и многие другие, проведенные нами исследования, опровергают сложившийся стереотип [11, 12]. Наблюдается противоположная картина: молодые учителя, не проявляя особой любви к работе, которая не является для них желанной (скорее вынужденной, временной), в ускоренном режиме обретают симптоматику выгорания. Примерно так же объясняет сходную эмпирическую картину И. В. Гроза, который видит причину выгорания в «несоответствии ожиданий, связанных с профессией, и реальной действительностью» и дает пояснения: «Молодые специалисты, приходя на работу, сталкиваются с различными ситуациями, к которым внутренне не готовы, вследствие чего возникает чувство собственной некомпетентности, огорчения и разочарования» [13, с. 64]. Давно работающие в школе учителя не ушли из профессии смолodu, найдя в ней привлекательные стороны и, значит, – ресурсы устойчивости к выгоранию. Кроме того, подтверждается идея о том, что противостояние выгоранию детерминировано ценностными основаниями. Нравственные истоки выбора педагогического поприща поддерживают эмоциональное здоровье тех, кто осознанно пришел в профессию и остался в ней надолго, реализуя свою потребность в заботе о других, творческой реализации в продуктивном труде, публичном признании общественно значимых достижений.

Одновременно с «Опросником выявления эмоционального выгорания» К. Маслач и С. Джексон в адаптации Н. Е. Водопьяновой [14] педагогам было предложено написать профессиональное эссе «Я и моя работа», позволяющее экспериментатору классифицировать суждения согласно типологии рефлексии, разработанной И. Н. Семеновым и С. Ю. Степановым совместно [15] и получившей дальнейшее развитие в их индивидуальных исследованиях [16, 17]. *Интеллектуальный* тип рефлексии проявляется в суждениях о профессиональном предмете и способах работы с ним, оценке себя как профессионала, указании на недостатки в работе и анализе эффективных и неэффективных методов ее выполнения. *Кооперативный* тип проявляется в

описании ролевой структуры производственного коллектива, определении своего места в системе деловых отношений, выборе адекватных средств профессионального взаимодействия с коллегами. *Коммуникативный* тип рефлексии передает способность работника понять внутренний мир другого человека, определить необходимый уровень производственного общения (ролевой, деловой и др.) и оценить свои возможности влияния на изменение системы взаимоотношений в организации. *Личностный* тип отражает готовность оценить свои поступки и в целом свою индивидуальность в контексте прошлой, настоящей и будущей жизни. Рефлексия личностного типа обнаруживается в анализе требований со стороны работы к исполнителю и в запросе исполнителя

к своей работе, отвечающей его потребности в самореализации, в деловом продуктивном общении, в экономической и психологической защищенности. Она выражается в речевых формах отнесения явления к определенному классу (квалификации), описания явления как феномена (феноменологизации), обнаружения проблемы там, где для других ее не существует (проблематизации), формулирования и обоснования собственной позиции (самоопределения). Возрастание степени благоприятности диагностического признака косвенно проявляется в сдвиге числа рефлексивных суждений от интеллектуального типа к личностному. Наглядно это можно проследить по количественным показателям таблицы.

Количественные показатели проявления рефлексии педагогов в зависимости от уровня эмоционального выгорания, % суждений

Уровни эмоционального выгорания	Количество рефлексивных суждений по типам				
	Интеллектуальный	Кооперативный	Коммуникативный	Личностный	Всего
Высокий $n = 9, 11,39\%$	45,00	10,00	5,00	40,00	100
Средний $n = 28, 35,44\%$	28,26	4,35	15,22	52,17	100
Низкий $n = 42, 53,17\%$	9,62	5,77	13,46	71,15	100
Среднее значение	27,63	6,71	11,23	54,44	100

Если посчитать количество высказываний в среднем на одного человека, то окажется, что по мере усиления выгорания их становится больше. В среднем на одного учителя приходится 1,49 суждений рефлексивного типа. Это означает, что может быть исписан стандартный лист бумаги, но содержательно там может быть только одно развернутое рефлексивное суждение какого-либо типа. Если у лиц с низкими показателями эмоционального выгорания среднее количество суждений в перерасчете на одного человека составляет 1,23 и у лиц со средними показателями – 1,64, то у учителей с высокими показателями выгорания их уже 2,22. По мере нарастания выгорания увеличивается не только число самих суждений, но их объем и модальность: они становятся все более пространственными и интонационно насыщенными.

Размещенные в таблице количественные показатели позволяют заметить некоторую разнонаправленность в содержании суждений о себе и своей профессии у учителей с высоким и низким уровнем выгорания. У лиц с высоким уровнем эмоционального выгорания рефлексивные суждения относятся по своему содержанию в большей степени к интеллектуальному и кооперативному типу (о профессиональном труде как таковом, способах и объективных трудностях его выполнения у себя и других; о производственных

отношениях как неизменной данности и своем месте в них). У педагогов с низким уровнем эмоционального выгорания и сохранным психологическим здоровьем спонтанные рефлексивные суждения на тему «Я и моя работа» обращены к вопросам гармонизации отношений в коллективе и своей миссии в этом деле; личностной самореализации в профессии и тем возможностям, которые еще предстоит реализовать.

Так, лица с *высоким уровнем эмоционального выгорания* в своих суждениях о профессии и себе как работнике заметно дистанцируются от педагогического труда. Это проявляется в типичных для них рассуждениях: «Быть педагогом в наше время достаточно сложно, и сейчас немногие хотят посвятить себя педагогической деятельности»; «В последнее время я не чувствую, что нужна здесь. Не понимаю, что я должна сделать, чтобы увидели хорошее во мне?!» При этом в высказываниях присутствует социальная нормативность: «Хочется верить в то, что все же моя работа нужна и полезна».

Деловая кооперация в системе деловых отношений, судя по высказываниям, тоже уязвима: «Многое в моей работе зависит от сотрудничества с другими педагогами, и когда они пассивно относятся к моим предложениям и идеям, возникает чувство апатии к деятельности». Вероятно, отстраненная интеллектуальная рационализация

с учетом статусно-ролевого окружения служит для них временной психологической защитой от выгорания.

Рефлексивные суждения коммуникативного типа дополняют картину сетованиями по поводу утраченного уважения к статусу учителя («Учитель не имеет абсолютно никакого авторитета у родителей») и непереносимости конфликтных отношений («Конфликтные ситуации так выбивают из колеи, что иногда действительно хочется все бросить»).

Рефлексия личностного типа сосредоточена на соотношении требований к педагогическому работнику и вознаграждению за труд, моральному или материальному: «Моя работа – это просто работа, средство заработка. Жду пенсии»; «Моя работа требует самоотдачи, творчества, увлеченности, но когда сталкиваешься с равнодушием детей, нежеланием учиться, ориентацией исключительно на оценку, а не на знания, все творческие порывы пропадают». Суждения о личностном самоопределении в труде отсутствуют, акцентируется феноменология сомнительной эффективности педагогической деятельности: «Зачем что-то делать, если это никому не нужно»; «Такое ощущение, что государству не нужны грамотные образованные люди, так как с учениками заниматься НЕКОГДА!».

Педагоги со *средним уровнем эмоционального выгорания* демонстрируют трезвый взгляд на свои профессиональные возможности. Они находят привлекательные стороны в своей работе и рефлексивно оценивают себя как работника: «Особенно меня удовлетворяет проектная и исследовательская работа и те результаты, которые мы с детьми получаем в классе»; «В целом моя профессия мне нравится, но очень часто приходит в голову мысль, что я многое не могу и не делаю в профессиональном смысле. Пытаюсь спрятаться от проблем, избегаю ответственности»; «Моя работа меня кормит, и это тоже важно».

Сравнивая достоинства и недостатки учительской профессии, педагоги указывают на ее совместный характер и возможность взаимодействия с разными людьми: «Чаще всего перевешивает то, что бывает хорошего в работе учителя – это удовольствие от общения с детьми и коллегами. Среди тех и других много интересных ярких людей».

Учителя этой диагностической группы критически, но без трагизма оценивают собственные достоинства: «Если подвести итог моей деятельности, то получается, что я ничего не достигла в плане роста». Личностный тип рефлексии ярко представлен через суждения по поводу даль-

нейшего самоопределения в профессии и феноменологии наблюдаемых в ней явлений. Среди учителей с промежуточным (между высоким и низким) состоянием эмоционального выгорания идет поиск опорных ориентиров или происходит переориентация в выбранной профессии, требующей от человека значительных трудовых и личностных затрат: «Выбирая себе профессию, я представляла все иначе. Но со временем, оконувшись в этот мир, поняла, как я ошибалась: ни морально, ни физически я не была готова к такой напряженной работе. Пришлось многое в себе развивать, перестраивать, менять стереотипы»; «Я уверена, что если личная жизнь скучная, то и любая работа скоро перестанет представлять интерес. Когда ты нужен людям и у тебя все получается, то это вселяет уверенность в правильном профессиональном выборе».

За привычными повседневными явлениями учителя усматривают разрушающие профессию феноменологические характеристики современного образования: «На работе огорчает то, что дети ходят в школу не учиться, а тусоваться. А амбиции большие, особенно у родителей»; «Отравляет работу необходимость заполнения огромного количества НИКОМУ (!) не нужных отчетов и ОЧЕНЬ большое количество "начальников" (больших, средних, мелких и очень мелких!), которые стоят над учителем и считают себя вправе отдавать разного рода приказания!»

Перечисляя заботы, с которыми сталкиваются учителя поднимают вопросы оплаты труда и предъявляют их как проблему обеспечения прав человека и его социального достоинства: «Меня очень волнует вопрос материального благополучия. На одну зарплату в месяц обеспечивать необходимый уровень жизни невозможно. Вот и берешь вторую смену, репетиторство каждый день. Отсюда и усталость, и подрыв здоровья, и эмоциональное притупление»; «И еще одна причина задержки в школе – маленькая пенсия. На нее только доживать: не сможешь достойно жить». При этом за своими личными трудностями они не упускают общих государственных проблем образования: «Тревожит то, что скоро многие мои коллеги и я уйдут на заслуженный отдых, а замены не видно: молодежь в школу идет неохотно».

В целом содержание рефлексивных суждений у лиц со средним уровнем эмоционального выгорания отражает адекватность их речевого поведения в условиях профессиональных перегрузок, производственных кризисов, материальных и эмоциональных издержек педагогического труда. Свидетельством готовности к преодолению трудностей становятся отсутствие

эгоцентрической позиции, рациональность оценок и готовность к личностным изменениям и профессиональному росту.

Учителя с низким уровнем эмоционального выгорания и высокими показателями психологического здоровья оптимистично судят о себе как профессионале: «Когда оценивают мою работу по достоинству, я вдохновляюсь на новые свершения и идеи». Они «разделяют многие нововведения в образовании, подхватывают и воплощают новые тенденции и идеи». Для них «работа имеет спасительную силу».

Сотрудничество с коллегами и администрацией является нормой взаимодействия: «Несмотря на опасения и страхи, я очень довольна своей работой. Не так все плохо, как кажется: отличный руководитель, всегда идущий навстречу; неплохой коллектив».

Производственное общение носит ровный характер: «Я с удовольствием поддерживаю хорошие отношения с учениками, их родителями, коллегами вне школы. Для меня имеют большое значение слова поддержки и благодарности моих учеников, коллег и администрации». Трудности взаимодействия становятся поводом для развития навыков саморегуляции: «Работа с людьми учит меня сдержанности и терпению. Но никак за столько лет не научусь работать, не обращая внимания на выходки отдельных учеников».

Личностный тип рефлексии отражает особенности индивидуальной позиции в профессии через самоопределение: «Мой вывод: каждый человек для чего-то родился. Я родилась, чтобы помочь взрослым детям, чтобы интерес к изучению предмета, который я получила от своих учителей, передать своим ученикам».

Работа квалифицируется как средство по мобилизации жизненных ресурсов: «Моя работа – это то, что меня спасает в жизни от разочарования, придает мне уверенности, подчеркивает мою значимость как человека. В самые трудные моменты моей жизни работа отвлекала от плохих мыслей, помогала настроиться, сосредоточиться и сохраниться как личность».

Проблематизация социального положения учителя при доброжелательных отношениях с учениками связывается с формальным отношением к нему как к безмолвному исполнителю: «Что происходит сейчас? Общество унизило статус учителя до невозможности. В классе с детьми – все прекрасно. Но требования и бумажная волокита, нежелание прислушиваться к советам со стороны учителя привели к тому, что работа уже не в радость, а в тягость! Приходится с этим мириться. А от этого – эмоциональное перенапряжение».

Несмотря на признание неуважительного отношения к учителю, в неизменном виде удерживается само предназначение педагогического труда: «Главное – понимание внутреннего мира человека, воспитание нравственных качеств. Знание русского языка – основа гражданственности. Поэтому моя задача – воспитание гражданина России. В своей деятельности я стараюсь решить указанную задачу».

В итоге следует отметить, что в группе учителей с сохранным уровнем эмоционального здоровья меньше, чем в других группах, имеется поводов для сомнения в собственной профессиональной состоятельности и самооценочных переживаний по поводу места в производственных отношениях. Сниженное эгоцентрическое восприятие позволяет поместить в центр внимания анализ ресурсов собственного личностного развития и возможностей их предоставления для профессионально-личностного развития другого – младшего коллеги, ученика, готового к сотрудничеству родителя.

Результаты диагностического исследования по выявлению рефлексивно-вербальных индикаторов в спонтанных суждениях педагогов позволяют сделать вывод, что по мере снижения уровня эмоционального выгорания у учителей снижается необходимость оценивать себя в профессиональном плане и сравнивать с другими с помощью рефлексивных суждений интеллектуального типа. Обращенность к себе как личности проявляется в смещении рефлексивно-речевых формул в сторону сотрудничества с другими и готовности предоставить собственные профессиональные и личностные возможности для совместной продуктивной работы в содружестве с коллегами, учениками и их родителями. Организация работы групп эмоциональной взаимопомощи в условиях школы может иметь самые разнообразные формы и рассматриваться как разновидность педагогического наставничества [18]. Педагогов, демонстрирующих благополучную картину эмоционального здоровья, стоит активно привлекать к наставничеству и индивидуальному сопровождению профессионального развития тех коллег, кто испытывает трудности в реализации учительской профессии, но сохранил к ней позитивное отношение.

Список литературы

1. Здоровая личность / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2013. 400 с.
2. Корытова Г. С. Эмоциональное выгорание в профессиональной педагогической деятельности: защитно-совладающий аспект // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 5 (133). С. 175–181.

3. Уразаева Ф. Х., Нурмухаметова А. А., Уразаев К. Ф., Найденова Л. М. Психологические особенности формирования эмоционального выгорания педагогов // *Фундаментальные исследования*. 2008. № 9. С. 119–120.
4. Латыпов И. В. Индивидуальные особенности эмоционального выгорания педагогов // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 365–367.
5. Костин Е. Ю. Исследование эмоционального выгорания педагогов, взаимодействующих с детьми со сложной структурой дефекта // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 6 (43). С. 134–136.
6. Редина Т. В. Эмоциональное выгорание педагогов специальных коррекционных образовательных учреждений // *Знание, понимание, умение*. 2010. № 1. С. 222–227.
7. Наличаева С. А. Связь самоактуализации и профессионального выгорания педагогов // *Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 3. Педагогика и психология*. 2011. № 1. С. 134–139.
8. Ожогова Е. Г. Взаимосвязь «психического выгорания» и особенностей ценностно-смысловой сферы у педагогов общеобразовательных школ : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2008. 24 с.
9. Ножичкина Л. В. Синдром эмоционального выгорания педагогов : проблемы и способы коррекции // *Среднее проф. образование*. 2009. № 6. С. 66–68.
10. Курапова И. А. Духовно-нравственные детерминанты эмоционального выгорания у педагогов // *Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 3. Педагогика и психология*. 2009. № 2. С. 209–214.
11. Черникова Т. В. Усталость – не помеха // *Директор школы*. 2017. № 2. С. 104–111.
12. Черникова Т. В., Болучевская В. В. Психология эмоционального выгорания. Волгоград, 2014. 296 с.
13. Гроза И. В. Влияние возраста и стажа на эмоциональное выгорание // *Современные наукоемкие технологии*. 2009. № 10. С. 63–64.
14. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб., 2005. 336 с.
15. Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // *Вопр. психологии*. 1983. № 2. С. 35–42.
16. Семенов И. Н. Рефлексивно-творческий подход в профессиональном непрерывном образовании (методология взаимодействия психологии, акмеологии, педагогики и антропологии). Бийск, 1994. 160 с.
17. Степанов С. Ю. Рефлексивно-гуманистическая психология сотворчества (научно-практика интенсивного развития человека и организаций). М. ; Петрозаводск, 1996. 170 с.
18. Иванова Л. В. Исследование психолого-педагогической коррекции синдрома эмоционального выгорания педагогов // *Концепт*. 2015. № 5. С. 101–105.

Образец для цитирования:

Черникова Т. В. Рефлексивно-вербальные индикаторы эмоционального выгорания учителя // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-76-82>

Reflexive and Verbal Indicators of Teachers' Burnout

T. V. Chernikova

Tamara V. Chernikova, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27 Lenin Ave., Volgograd 400066, Russia, tamara@vspu.ru

The teachers' emotional health disorders were traditionally analysed through burnout levels, correlated with individual personality or stress factors of labour, to that the inclusive component of school education is presently attributed. Ways of studying burnout in conjunction with the psycho-physiological personality traits, temperament and character are now fading into the background. The emerging research trend associates emotional burnout with violations in the moral sphere of the individual. Materials of the article are prepared in the logic of recent studies, where the emotional burnout is examined as the complex dynamic phenomenon that has valued-moral basis. The analysis of 79 teachers project compositions (professional essays) showed different directions of reflection-verbal indicators of high and subzero levels of burnout. For teachers with high burnout level the reflection-verbal formulas are moved toward the evaluation of teaching labour and professional surroundings (intellectual type of reflection). The favourable indexes of emotional health are accompanied by displacement of reflection-verbal formulas toward the search of resources of their own development and grant them for the development of other

people (personality type of reflection). Such teachers should be involved into the work in groups of emotional mutual assistance.

Keywords: emotional burnout, reflection-verbal indicators, type of reflection (intellectual, co-operative, communicative, personality).

References

1. *Zdorovaja lichnost'* [Health personality]. Ed. by G. S. Nikiforov. St. Petersburg, 2013. 400 p. (in Russian).
2. Korytova G. S. Emotional Burnout in Professional Pedagogical Activity: A Protective-Coping Aspect]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta* [Tomsk State University Journal], 2013, no. 5 (133), pp. 175–181 (in Russian).
3. Urazaeva F. H., Nurmuhametova A. A., Urazajev K. F., Naidenova L. M. Psychological Features of the Formation of Emotional Burnout of Teachers. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 2008, no. 9, pp. 119–120 (in Russian).
4. Latypov I. V. Individual features of emotional burnout of teachers. *Izv. Samar. nauch. tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 5 (2), pp. 365–367 (in Russian).
5. Kostin E. Yu. Study of Emotional Burnout of Teachers Interacting with Children with a Complex Defect

- Structure. *Mir nauki, kultury, obrazovanija* [The World of Science, Culture and Education], 2013, no. 6 (43), pp. 134–136 (in Russian).
6. Redina T. V. Emotional Burnout of Teachers of Special Correctional Educational Institutions]. *Znanije, ponimanie, umenije* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, no. 1, pp. 222–227 (in Russian).
 7. Nalichajeva S. A. Relationship Self-Actualization and Professional Burnout of Teachers. *Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Ser. 3. Pedagogika i psikhologija* [The Bulletin of Adyghe State University. Ser. Pedagogy and Psychology], 2011, no. 1, pp. 134–139 (in Russian).
 8. Ozhogova E. G. *Vzaimosvjaz' "psicheskogo vygoranija" i osobennostej tsennostno-smyslovoj sfery u pedagogov obshcheobrazovatel'nyh shkol* [Interrelation of "Mental Burnout" and Features of Value-Semantic Sphere Among Teachers of Secondary Schools]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Saratov, 2008. 24 p. (in Russian).
 9. Nozhichkina L. V. Syndrom of Emotional Burnout of Teachers: Problems and Methods of Correction. *Sredneje professional'noje obrazovanije* [The Journal of Secondary Vocational Education], 2009, no. 6, pp. 66–68 (in Russian).
 10. Kurapova I. A. Spiritual and Moral Determinants of Emotional Burnout of Teachers. *Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Ser. 3. Pedagogika i psikhologija* [The Bulletin of Adyghe State University. Ser. Pedagogy and Psychology], 2009, no. 2, pp. 209–214 (in Russian).
 11. Chernikova T. V. Fatigue – not a hindrance. *Direktor shkoly* [School Director], 2017, no. 2, pp. 104–111 (in Russian).
 12. Chernikova T. V., Boluchevskaja V. V. *Psikhologija emotsional'nogo vygoranija* [Emotional Burnout Psychology]. Volgograd, 2014, 296 p. (in Russian).
 13. Groza I. V. Influence of Age and Experience on Emotional Burnout. *Sovremennye naukojemkie tehnologii* [Modern High Techologie], 2009, no. 10, pp. 63–64 (in Russian).
 14. Vodopjanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoranija: diagnostika i profilaktika* [Burnout Syndrom: Diagnostics and Prevention]. St. Petersburg, 2005. 336 p. (in Russian).
 15. Semenov I. N., Stepanov S. Yu. Reflection in the Organization of Creating Thinking and Self-Development of the Individual. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 1983, no. 2, pp. 35–42 (in Russian).
 16. Semenov I. N. *Refleksivno-tvorcheskiy podkhod v professional'nom nepreryvnom obrazovanii (metodologiya vzaimodeystviya psikhologii, akmeologii, pedagogiki i antropogogiki)* [Reflexive-Creative Approach in Professional Continuous Education (Methodology of Interaction of Psychology, Akmeology, Pedagogy and Athropogogy)]. Bijsk, 1994. 160 p. (in Russian).
 17. Stepanov S. Yu. *Refleksivno-gumanisticheskaja psikhologiya sotvorchestva (nauko-praktika intensivnogo razvitiya cheloveka i organizatsij)* [Reflexive-Humanistic Psychology of Co-Creation (Science and Practice of Intensive Development of Man and Organization)]. Moscow, Petrozavodsk, 1996. 170 p. (in Russian).
 18. Ivanova L.V. Study of Psychological and Pedagogical Correction of Emotional Burnout of Teachers. *Kontsept* [Koncept], 2015, no. 5, pp. 101–105 (in Russian).

Cite this article as:

Chernikova T. V. Reflexive and Verbal Indicators of Teachers' Burnout. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-76-82>

УДК 159.944+316.6

Особенности психологического отношения личности к объектам и субъектам труда как предиктор эмоционального выгорания (социально-когнитивный подход)

Е. И. Ярошенко

Ярошенко Елена Игоревна, аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, yarosh667@gmail.com

Статья посвящена эмпирическому исследованию особенностей проявления эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик работников уголовно-исполнительной системы, представленных в показателях удовлетворенности трудом и отношении к субъектам и объектам профессиональной деятельности в контексте социально-когнитивного подхода. Проверялась гипотеза о существовании связи особенностей проявления феномена эмоционального выгорания и психологического отношения к элементам профессиональной деятельности служащих пенитенциарных учреждений. Выборку составили сотрудники Управления федеральной службы исполнения наказания по Саратовской области. В качестве психодиагностического инструментария использовались методика диагностики уровня эмоционального выгорания, разработанная В. В. Бойко, методика определения удовлетворенности трудом А. В. Батаршева, опросник «Оценка удовлетворенности работой» В. А. Розановой и методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С. В. Духновского. Установлено, что эмоциональное выгорание как социально-психологический феномен тесно связано с отношением индивида к объектам и субъектам трудовой деятельности. На эмоциональное выгорание личности влияют различные виды отношения индивида к элементам профессиональной деятельности на отдельных этапах развития данного феномена: на ранних этапах (фаза напряжения) наиболее значимым предиктором ЭВ является психологическое отношение индивида к объектам труда (удовлетворенность достижениями на работе), на позднем этапе ЭВ (фаза истощения) – психологическое отношение индивида к субъектам труда (личная и групповая удовлетворенность, удовлетворенность взаимоотношением с сотрудниками).

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, психологическое отношение, социально-когнитивный подход, профессиональная деятельность, удовлетворенность трудом, пенитенциарная система.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-83-88>

Введение

Психологическое отношение сотрудника к осуществляемой им деятельности является значимым фактором, определяющим уровень его профессиональной эффективности, и важной составляющей психологического благополучия личности [1, с. 80–86]. Наиболее информа-

тивным показателем отношения человека к деятельности является удовлетворенность различными ее аспектами [2, с. 4–12]. Изменение психоэмоционального отношения к объектам и субъектам профессиональной деятельности приводит к переживанию субъектом труда собственной профессиональной несостоятельности и неудовлетворенности работой [3]. В связи с этим целесообразно рассмотреть отношение сотрудников организаций к элементам профессиональной деятельности в качестве фактора психологического благополучия и способности противостоять стрессовым ситуациям и, как следствие, эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации личности.

На сегодняшний день отсутствует единый подход к определению феномена эмоционального выгорания, который рассматривается учеными как синдром хронического переутомления, вызванный напряженной деятельностью и межличностным взаимодействием в профессиональной среде [4].

В качестве методологических основ в рамках настоящего исследования синдрома эмоционального выгорания (ЭВ) был выбран социально-когнитивный подход (СКП) в связи с его глубоким и всесторонним уровнем охвата концептуальных положений социально-психологических феноменов. Основоположителем СКП выступает А. Бандура. Исходя из данного подхода, значимым компонентом личности служит ее социальное окружение, в рамках которого она проявляет активность, индивидуальное поведение, собственные убеждения и такие характеристики, как уверенность в себе и самоэффективность [5, с. 94–124].

D. Cervone, W. G. Shadel, S. Jencius указывают на следующие особенности социально-когнитивного подхода: а) принцип взаимного детерминизма: индивид и общественная среда оказывают воздействие друг на друга; б) исследование объекта познания происходит через призму оценки различий в функционировании когнитивных и аффективных компонентов личности, формирующихся во взаимодействии с социальным окружением;

в) личность представляет собой комплексную и динамическую систему, участвующую непосредственно в своем развитии [6, с. 33-51].

Несмотря на наличие многочисленных исследований феномена эмоционального выгорания, он недостаточно изучен в парадигме СКП. Между тем важными объектами исследования в рамках СКП являются социальные установки, отношения и ценности личности. Феномен психологического отношения личности к элементам профессиональной деятельности как целостная единица практически никем не рассмотрен, в то время как именно данная категория выступает одним из основных мотиваторов поведения и самочувствия индивида [7, с. 30-34].

Цель данного исследования – выявление связи между особенностями параметров эмоционального выгорания и социально-психологическими характеристиками работников, представленных в показателях удовлетворенности трудом и отношении к субъектам и объектам профессиональной деятельности в контексте СКП.

Организация исследования

В исследовании приняли участие сотрудники Управления федеральной службы исполнения наказания по Саратовской области ($N = 73$). Возраст работников – от 25 до 40 лет. Участники были разделены на 3 подгруппы в зависимости от длительности профессионального стажа: 1-я – от нескольких месяцев до 3 лет (24 испытуемых); 2-я – от 3 до 6 лет (13 испытуемых); 3-я – от 6 лет и более (37 испытуемых).

В качестве психодиагностического инструментария использовался метод тестирования с использованием следующих методик: методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко [8]; методики определения удовлетворенности трудом А. В. Батаршева [9, с. 470-473]; опросника «Оценка удовлетворенности работой» В. А. Розановой [10]; методики

«Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С. В. Духновского [11]. Обработка результатов осуществлялась при помощи методов статистического анализа: Коэффициента ранговой корреляции Спирмена; Множественной линейной регрессии с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics ver. 22.

Результаты исследования и их анализ

При анализе полученных данных выявлена динамика показателей ЭВ в зависимости от продолжительности срока службы. Сравнение средних значений по общему показателю ЭВ в подгруппах испытуемых позволило получить следующие результаты: у служащих от нескольких месяцев до 3 лет ср. знач. = 81,97; наиболее высокие баллы обнаружены у сотрудников со стажем от 3 до 6 лет (ср. знач. = 148); у работников с длительным стажем от 6 лет ср. знач. = 124,7.

Выявлены более высокие значения общего показателя уровня ЭВ у руководящего состава уголовно-исполнительной системы (ср. знач. = 182,21) в сравнении с младшим составом (ср. знач. = 67,78).

В зависимости от выраженности симптомов и фаз эмоционального выгорания в соответствии с ключами методики В. В. Бойко выделены следующие сотрудники: 1) со сформированной первой фазой ЭВ (12,33%, 9 человек), 2) с двумя сформированными фазами ЭВ (2,74%, 2 человека), 3) с тремя сформированными фазами ЭВ (10,96%, 8 человек), 4) с фазами в стадии формирования (73,97%, 54 человека).

Применение коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволило получить достоверную взаимосвязь показателей, выявляемых с помощью методики В. В. Бойко и методики определения удовлетворенности трудом А. В. Батаршева, а также стажем работы (табл. 1). Для представленной выборки критическое значение $r_c = 0,232$ при $p \leq 0,05$ и $r_c = 0,303$ при $p \leq 0,01$.

Таблица 1

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена по методикам В. В. Бойко и А. В. Батаршева

Удовлетворенность трудом	Напряжение	Резистенция	Истощение
Удовлетворенность достижениями в работе	-0,595**	-0,439**	-0,486**
Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	-0,560**	-0,485**	-0,499**
Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	-0,445**	-0,343**	-0,395**
Удовлетворенность условиями труда	-0,427**	-0,359**	-0,423**
Стаж работы в организации	0,688**	-	0,808**

Примечание. ** – достоверные различия показателей в строках при $p \leq 0,01$.

Результаты проведенного корреляционного анализа свидетельствуют о наличии обратной взаимосвязи параметров эмоционального вы-

горания и удовлетворенности профессиональной деятельностью как формы социально-психологического отношения личности.

Негативное психологическое отношение личности к таким параметрам рабочей среды, как взаимоотношения с сотрудниками и руководством, условиями труда и достижениями, достоверно связаны с основными фазами эмоционального выгорания (см. табл. 1). Данная связь обосновывается тем фактом, что в основе ЭВ и удовлетворенности трудом (отношением к объектам организации, выполняемой работе и условиям ее протекания) лежит сложный социально-когнитивный симптомокомплекс, связанный с включенностью индивида в сложную многосто-

ронную систему взаимодействия с обществом, наличием личностных ресурсов, копинг-стратегий, системы мотивации, установок и ценностей субъекта труда. Нарушения в функционировании какого-либо компонента, исходя из положений СКП, неизменно ведут к нарушению системы в целом и отдельных ее компонентов.

Проведенный корреляционный анализ данных методик В. В. Бойко и С. В. Духновского позволил получить достоверную взаимосвязь показателей эмоционального выгорания и субъективной оценки межличностных отношений (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена по методикам В. В. Бойко и С. В. Духновского

Фазы эмоционального выгорания	Напряженность отношений	Отчужденность в отношениях	Конфликтность в отношениях	Агрессия в отношениях
Напряжение	0,529**	0,374**	0,373**	0,496**
Резистенция	0,604**	0,473**	0,408**	0,517**
Истощение	0,562**	0,491**	0,472**	0,543**

Примечание. Обозначения см. табл. 1.

Установлено, что такие параметры, как «напряженность отношений» и «агрессия в отношениях», достоверно взаимосвязаны со всеми фазами эмоционального выгорания. Наиболее сильной является связь резистенции и отчужденности в отношении ($r = 0,604$), что объясняется попыткой индивида уйти от излишних социальных контактов как формы защиты от чрезмерного эмоционального напряжения.

Представленные переменные отражают особенности межличностного взаимодействия как результат социальной интеракции с другими индивидами. Если предыдущий пункт в большей степени отражал отношение индивида к объектам труда, то в данном случае описывается связь выгорания с особенностями отношения личности к другим субъектам труда.

Регрессионная модель эмоционального выгорания. В случае прогнозирования фазы напряжения коэффициент регрессии имел значение $R = 0,895$ ($R^2 = 0,800$, скорректированный $R^2 = 0,652$). Достоверным предиктором является удовлетворенность достижениями на работе, $\beta = -0,468$, $t = 2,827$, $p = 0,008$. При прогнозировании фазы резистенции коэффициент регрессии имел значение $R = 0,825$ ($R^2 = 0,680$, скорректированный $R^2 = 0,442$). Достоверных предикторов не выявлено. В случае прогнозирования истощения коэффициент регрессии имел значение $R = 0,887$ ($R^2 = 0,787$, скорректированный $R^2 = 0,628$). Достоверными предикторами оказалась: а) личная и групповая удовлетворенность (опросник В. А. Розановой), $\beta = -1,117$, $t = -2,62$, $p = 0,013$;

б) удовлетворенность взаимоотношением с сотрудниками (методика А. В. Батаршева), $\beta = 1,004$, $t = 2,437$, $p = 0,021$.

Обсуждение результатов

Анализ данных исследования показал, что на развитие эмоционального выгорания влияют специфика профессиональной деятельности и срок службы, что согласуется с ранее проведенными исследованиями М. А. Черкасовой, В. М. Позднякова [12, с. 22–31] и М. Г. Дебольского и М. П. Чернышковой [13, с. 70–78.]. Начальники отрядов со средней продолжительностью работы (от 3 до 6 лет) имеют наиболее высокие показатели выгорания. Данные результаты свидетельствуют о более сложном характере профессиональной деятельности руководящего состава. Снижение показателей ЭВ при длительном сроке службы указывает на постепенную выработку сотрудниками адаптационных стратегий, позволяющих противостоять негативным последствиям ЭВ.

Негативное эмоциональное отношение к значимым объектам и субъектам труда становится частью единой профессионально-личностной характеристики индивида. Данные результаты частично совпадают с данными корреляционного анализа указанных параметров Е. О. Марийчук [14, с. 1–10], однако в нашем случае выявлена более тесная связь между исследуемыми переменными. Кроме того, в работе автора не проведен анализ отношения индивида к другим субъектам трудовой деятельности.

Наиболее значимым предиктором формирования фазы напряжения являются проблемы с субъективной удовлетворенностью своего отношения к профессиональному статусу и личным достижениям в карьере. В дальнейшем данный фактор перестает оказывать влияние на последующее развитие выгорания, и доминирующую функцию выполняют не факторы отношения к объектам труда, а факторы отношения к его субъектам – личная и групповая удовлетворенность и удовлетворенность взаимоотношением с сотрудниками. Таким образом, в процессе формирования отдельных фаз ЭВ участвуют различные предикторы отношения к объектам (на ранних стадиях) и субъектам (на поздних) труда.

Стоит отметить отсутствие взаимосвязи между фазой ЭВ «Резистенция» и стажем работы, а также отсутствие влияния на данную фазу системы отношения индивида к объектам либо субъектам его трудовой деятельности. Мы склонны связывать это с тем, что, исходя из научных представлений В. В. Бойко [15], на данной стадии происходит перестройка системы социально-психологического отношения личности, в результате чего редуцируются такие эмоциональные проявления, как сочувствие, эмпатия, сопереживание. Субъекты трудовой деятельности пытаются дистанцироваться от имеющихся переживаний, в результате чего значимость воздействия системы отношения становится не столь сильной, как при наличии формирования других фаз выгорания.

Установленные в результате корреляционного и регрессионного анализа данные соотносятся с проведенными исследованиями Р. N. Lemuye, Н. К. Hall и G. С. Roberts [16, с. 221–234], которые применяли методологию СКП для исследования ЭВ спортсменов в ходе лонгитюдного исследования. Значимыми факторами развития ЭВ, по мнению авторов, становятся аттитуды к требованиям коллег, к успешной деятельности (социально предписанный перфекционизм, воспринимаемые способности и достижения). R. Schwarzer и E. Greenglass [17] использовали СКП к исследованию выгорания учителей. В качестве значимых компонентов ЭВ авторы рассматривают взаимодействие таких факторов, как степень эмоциональной напряженности рабочей среды, отсутствие стремления к достижению профессиональных целей, недостаток внешних и внутренних ресурсов, субъективно высокие требования среды, наличие негативных моделей поведения, отсутствие социальной поддержки, демотивация, сомнения (особенно в своей компетентности и самооценочности).

В то же время мы установили ранее не рассматриваемую другими авторами значимость психологического отношения индивида к объектам и субъектам трудовой деятельности, а также выявили различия во влиянии данных типов отношений на формирование отдельных фаз ЭВ.

Заключение

В результате проведенного исследования были установлены следующие закономерности:

1. Эмоциональное выгорание как социально-психологический феномен тесно связано с отношением индивида к объектам и субъектам трудовой деятельности.

2. Данные феномены входят в единый социально-когнитивный комплекс личности, связанный с особенностями поведения и установок личности как продукта социализации.

3. На ЭВ личности влияют различные виды отношения индивида к элементам профессиональной деятельности на отдельных этапах развития данного феномена.

4. На ранних этапах (фаза напряжения) наиболее значимым предиктором ЭВ выступает психологическое отношение индивида к объектам труда (удовлетворенность достижениями на работе).

5. На позднем этапе ЭВ (фаза истощения) наиболее значимым предиктором являются психологическое отношение индивида к субъектам труда (личная и групповая удовлетворенность, удовлетворенность взаимоотношением с сотрудниками).

Учитывая положения социально-когнитивной теории и результатов проведенного исследования, считаем возможной разработку профилактических мероприятий по предупреждению развития эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы. Своевременная психологическая диагностика сотрудников позволит предотвратить негативные последствия феномена ЭВ и спрогнозировать основные результаты профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
2. Ильин Е. П. Удовлетворенность деятельностью как социально-психологический феномен // Психобиологическое изучение учебной и спортивной деятельности / под ред. Б. А. Ашмарина, Е. П. Ильина, Б. А. Петрова. Л., 1981. С. 4–13.
3. Тутушкина М. К. Практическая психология : учебник. СПб., 2001. 368 с.

4. Чутко Л. С., Козина Н. В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. М., 2014. 239 с.
5. Bandura A. Social Cognitive Theory of Mass Communication // *Media Effects : Advances in Theory and Research* / eds. J. Bryant, M. B. Oliver. N.Y., 2009. P. 94–124.
6. Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-cognitive theory of personality assessment // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5, iss. 1. P. 33–51.
7. Сироткина М. М. Формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности у будущих учителей : результаты педагогического эксперимента // *Вестн БДПУ. Сер. 1*. 2016. № 2. С. 30–34.
8. Бойко В. В. Психоэнергетика. СПб., 2008. 416 с.
9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.
10. Уразаева В. А. (Розанова В. А.) Психология решения управленческих задач. М., 1989. 352 с.
11. Духновский С. В. Субъективная оценка межличностных отношений. Руководство по применению. СПб., 2006. 51 с.
12. Черкасова М. А., Поздняков В. М. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // *Прикладная юридическая психология*. 2013. № 1. С. 22–31.
13. Дебольский М. Г., Чернышкова М. П. Особенности профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Учен. записки Рос. гос. социального ун-та*. 2015. Т. 14, № 3 (130). С. 70–78.
14. Марийчук Е. О. Социально-психологические факторы профессионального выгорания молодых специалистов педагогических профессий // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2016. Т. 8, № 1. С. 1–10.
15. Бойко В. В. Энергия эмоций. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. 474 с.
16. Lemyre P. N., Hall H. K., Roberts G. C. A social cognitive approach to burnout in elite athletes // *Scand. J. Med. Sci. Sports*. 2008. Vol. 18, iss. 2. P. 221–234.
17. Schwarzer R., Greenglass E. Teacher Burnout from a Social-Cognitive Perspective : A Theoretical Position Paper // *Understanding and Preventing Teacher Burnout a Sourcebook of International Research and Practice* / ed. by R. Vandenberghe, A. M. Huberman. N.Y., 1999. P. 238–246.

Образец для цитирования:

Ярошенко Е. И. Особенности психологического отношения личности к объектам и субъектам труда как предиктор эмоционального выгорания (социально-когнитивный подход) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-83-88>

Features of Psychological Attitude of Personality to Objects and Subjects of Labor as a Predictor of Emotional Burnout (Socio-Cognitive Approach)

E. I. Yaroshenko

Elena I. Yaroshenko, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., 410012 Saratov, Russia, yarosh667@gmail.com

The article presents the empirical research results of emotional burnout level and socio-psychological characteristics of the penitentiary system employees, presented in terms of job satisfaction and attitudes towards subjects and objects of professional activity in the context of a social cognitive approach. The hypothesis: There is a connection between the emotional burnout level and the psychological attitude to the elements of professional activity among penitentiary institutions employees. The sample group consisted of Federal Penal Enforcement Service (FSIN) employees of the Saratov region. Psycho-diagnostic tools were the method of emotional burnout level diagnostics by V. V. Boyko, the method of determining job satisfaction by A. V. Batarshcheva, the questionnaire «Assessment of job satisfaction» by V. A. Rozanova and the method «Subjective assessment of interpersonal relationships» (SOMO) by S. V. Dukhnovsky. The study found that emotional burnout as a socio-psychological phenomenon is closely related to the person's attitude towards objects and subjects of professional activity. At different stages of emotional burnout development, various types of attitudes appear. Therefore, at the early stages (phase of stress) the most significant predictor of emotional burnout was psychologi-

cal attitude to the labor objects (satisfaction with achievements at work), at the late stage of emotional burnout (exhaustion phase) psychological attitude to the labor subjects (personal and group satisfaction, satisfaction with professional relationships) was observed.

Keywords: emotional burnout, psychological attitude, socio-cognitive approach, professional activity, job satisfaction, penitentiary system.

References

1. Shamionov R. M. Subektivnoe blagopoluchie lichnosti kak subekta sotsialnogo bytiya [Subjective Well-Being of Personality as a Subject of Social Existence]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 80–86 (in Russian).
2. Ilin E. P. Udovletvorennost deyatelnostyu kak sotsialno-psikhologicheskii fenomen [Satisfaction with activity as a socio-psychological phenomenon]. *Psikhofiziologicheskoe izychenie uchebnoi i sportivnoi deyatelnosti* [Psychophysiological Study of Educational and Sports Activities]. Ed. by B. A. Ashmarin, E. P. Ilin, B. A. Petrov. Leningrad, 1981, pp. 4–13 (in Russian).
3. Tutushkina M. K. *Prakticheskaya psikhologiya: uchebnik* [Practical Psychology: Handbook]. St. Petersburg, 2001. 368 p. (in Russian).
4. Chutko L. S., Kozina N. V. *Sindrom emotsionalnogo vygoraniya. Klinicheskie i psikhologicheskie aspekty*.

- [Burnout Syndrome. Clinical and Psychological Aspects]. Moscow, 2014. 239 p. (in Russian).
5. Bandura A. Social Cognitive Theory of Mass Communication. In: *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Eds. J. Bryant, M. B. Oliver. New York, 2009, pp. 94–124.
 6. Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-cognitive Theory of Personality Assessment. *Personality and Social Psychology Review*, 2001, vol. 5, iss. 1, pp. 33–51.
 7. Sirotkina M. M. Formation of Value Attitude to Professional Activity of Future Teachers: The Results of the Pedagogical Experiment. *Vestci BDPU*, Ser. 1, 2016, no. 2, pp. 30–34 (in Russian).
 8. Boyko V. V. *Psikhoenergetika* [Psychoenergy]. St. Petersburg, 2008. 416 p. (in Russian).
 9. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsialno-psihologicheskaya diagnostika razvitiia lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological Diagnosis of Personal Development and Small Groups]. Moscow, 2002. 490 p. (in Russian).
 10. Urazaeva V. A. (Roanova V. A.). *Psihologiya resheniya upravlencheskikh zadach* [Psychology of Solving Management Problems]. Moscow, 1989. 352 p. (in Russian).
 11. Dukhnovskii S. V. *Subektivnaya ocenka mezhluchnostnykh otnoshenii. Rukovodstvo po primeneniiu* [Subjective Assessment of Interpersonal Relationships. Application Guide]. St. Petersburg, 2006. 51 p. (in Russian).
 12. Cherkasova M. A., Pozdniakov V. M. Osobennosti professional'nogo vygoraniya u sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy na razlichnykh etapakh prohozhdeniya sluzhby [Features of Professional Burnout in the Staff of the Penitentiary System at Various Stages of Service]. *Applied Legal Psychology*, 2013, no. 1, pp. 22–31 (in Russian).
 13. Debolskii M. G., Chernyshkova M. P. Osobennosti professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Features of professional burnout of employees of the penitentiary system]. *Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2015, vol. 14, no. 3 (130), pp. 70–78 (in Russian).
 14. Mariichuk E. O. Socio-psychological Factors of Professional Burnout of Young Specialists of Pedagogical Professions. *Psychological Science and Education*, 2016, vol 8, no. 1, pp. 1–10 (in Russian).
 15. Boyko V. V. *Energiya emocii* [Energy of Emotions]. 2nd ed. rev. and add. St. Petersburg, 2004. 474 p. (in Russian).
 16. Lemyre P. N., Hall H. K., Roberts G. C. A Social Cognitive Approach to Burnout in Elite Athletes. *Scand. J. Med. Sci. Sports*, 2008, vol. 18, iss. 2, pp. 221–234.
 17. Schwarzer R., Greenglass E. Teacher Burnout from a Social-Cognitive Perspective: A Theoretical Position Paper. In: *Understanding and Preventing Teacher Burnout a Sourcebook of International Research and Practice*. Ed. by R. Vandenberghe, A. M. Huberman. New York, 1999, pp. 238–246.

Cite this article as:

Yaroshenko E. I. Features of Psychological Attitude of Personality to Objects and Subjects of Labor as a Predictor of Emotional Burnout (Socio-Cognitive Approach). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-83-88>

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

Эффективность использования фрейм-алгоритмов при создании проблемных ситуаций на практических занятиях в военных вузах войск национальной гвардии России

А. М. Башлыков

Башлыков Алексей Михайлович, адъюнкт, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, bashlikov_alex@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению применения фрейм-алгоритмов при создании на практических занятиях в военных вузах ВНГ России проблемных ситуаций с целью выявления теоретических аспектов их эффективности. Высказано предположение, что одним из условий готовности к профессиональной деятельности офицера будет являться способность действовать и правильно принимать решения при возникающих критических ситуациях. При анализе ситуационного подхода выявлено, что вероятность принятия правильного решения будет выше, если в ходе профессиональной подготовки курсантов на практических занятиях использовать метод создания проблемных ситуаций. Предложена идея разработки универсального фрейм-алгоритма действий как методического приема, способного сократить время создания проблемной ситуации за счет своей универсальности. Обращается внимание на то обстоятельство, что особенность его применения будет заключаться в получении определенного опыта, активизации мыслительного процесса у курсантов, а также развитии профессионального ресурса личности, что позволит верно оценивать ситуации и принимать правильные и своевременные решения, от которых будут зависеть жизни подчиненного им личного состава.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, готовность, фрейм-алгоритм, ситуация.

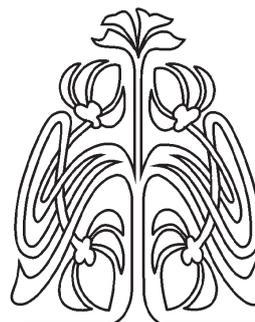
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-89-92>

Современные методы и приемы обучения, используемые в процессе профессиональной подготовки курсантов военных организаций высшего профессионального образования войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – курсантов), не всегда способствуют достижению требуемого качества ее результата. Анализируя источники, мы пришли к выводу, что под результатом профессиональной подготовки понимается готовность [1], которая, по нашему мнению, будет заключаться в следующем:

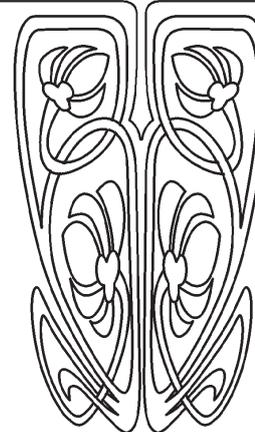
во-первых, сформированности профессиональных компетенций;

во-вторых, достигнутом уровне развития профессионально значимых личностных ресурсов.

Курсант – это будущий офицер, командир и начальник подчиненного ему личного состава, за чьи жизни, принимая то или иное решение, он будет нести непосредственную ответственность. Следовательно, профессионально подготовить его к этому – важная и ответственная задача всего профессорско-преподавательского и командного состава.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Понять, как будет действовать курсант при возникновении непредвиденных обстоятельств, возможно методом создания на практических занятиях в военных вузах ВНГ России проблемных ситуаций. У. Томас указывал на то, что любая ситуация возникает в ходе какой-либо деятельности. Сталкиваясь с ней, мы оцениваем ее, обдумываем и принимаем соответствующее решение. Как утверждает ученый, «цикл таких ситуаций происходит непрерывно в течение всей нашей жизни» [2, с. 68].

Данный метод основан на ситуационном подходе, который рассматривался многими науками. Методологические основы ситуационного подхода были заложены в 20–30-е гг. XX в. – К. Левиным, Л. Выготским.

Так, К. Левин, используя ситуационный подход для решения проблемы соотношения объективного и субъективного мира человека, доказал, что описание ситуации происходит со стороны человека, т. е. его внутреннего мира, а не с внешней стороны [3].

Менее известна, но не менее важна позиция советского ученого Л. С. Выготского, занимавшегося изучением детского развития, и представлявшего суть ситуационного подхода в двух составляющих – «социальной ситуации развития и понятии переживания» [4, с. 122].

Анализируя работы К. Левина, Л. Выготского, можно отметить их схожие взгляды на проблему. Ситуацию они описывают как внутреннее побуждение человека к действию, а оно возникает лишь после принятия соответствующего решения. Считаем, что использование данного метода в профессиональной подготовке курсантов, а именно при проведении практических занятий, положительно повлияет на формирование у них способностей к безошибочному принятию решений в условиях боевой обстановки, критических ситуациях, возникающих при выполнении служебно-боевых задач. Обязательны при реализации данного метода следующие требования: методическая подготовленность преподавательского состава; наличие учебно-материальной базы; установленный порядок действий.

По нашему мнению, основная сложность в подготовке занятия будет заключаться в разработке алгоритма (сценария) действий. Основываясь на многолетнем опыте профессорско-преподавательского состава в обучении курсантов, можно утверждать, что для использования данного метода на практических занятиях необходимо будет затратить массу времени к их подготовке. Дополнительную сложность может вызвать готовность самого педагога, ведь разработку алго-

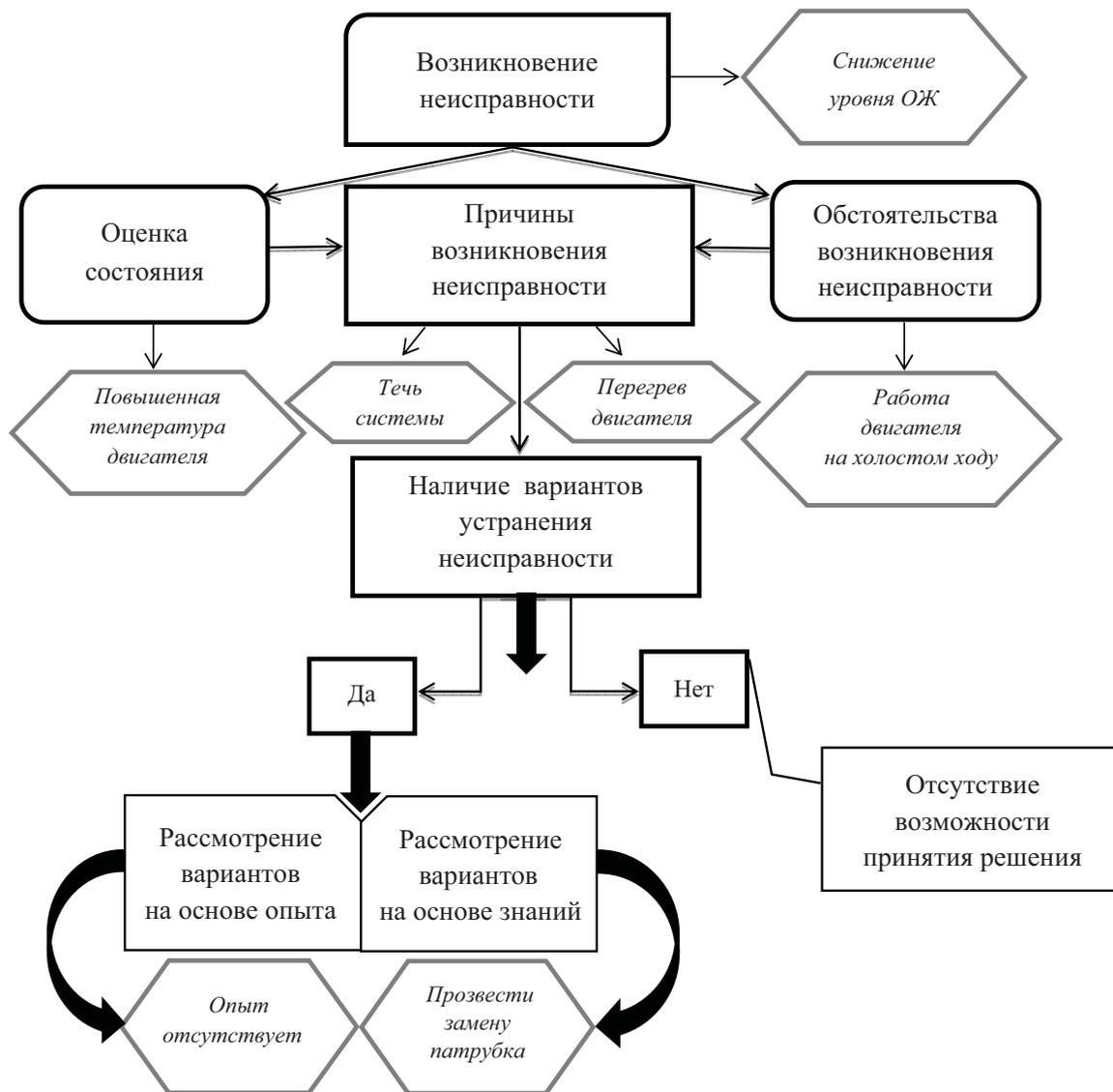
ритма проблемной ситуации может осуществить не каждый, и даже опытные преподаватели не всегда способны это реализовать.

Решение указанных проблем видится в создании универсального алгоритма действий, обладающего свойствами стереотипности. На применимость его в профессиональной подготовке, а именно при организации проведения практических занятий, нас подтолкнули исследования, проводимые Р. В. Гуриной и Т. В. Лариной. Они видят применение фрейм-алгоритма или, иначе говоря, алгоритмического предписания в целесообразности обучения решению физических задач. Используя систему последовательно осуществляемых операций, они создали алгоритмическую процедуру, состоящую из эффективных операций, содержащих только однозначно детерминированные разветвления. Р. В. Гурина и Т. В. Ларина указывают, что можно создать как общий (универсальный) алгоритм, подходящий ко всему курсу физики, так и частный, разработанный для конкретного занятия [5].

Мы разделяем точку зрения исследователей, касающуюся актуальности применения методического приема, и считаем, что его использование в процессе профессиональной подготовки курсантов будет способствовать его интенсификации и непременно приведет к повышению эффективности управления ее качеством. Неукоснительным условием использования данного приема на практических занятиях должна стать заблаговременная подготовка структурной базы данных в виде алгоритма, состоящего из определенных уровней. При этом заполнены информацией будут лишь ориентирующие (верхние) уровни, определяющие единое отношение к возникшей ситуации. Более низкие уровни могут быть заполнены характерной информацией (примером решения ситуации) либо оставаться пустыми (при проведении контроля). Особенность использования фрейм-алгоритмов на практических занятиях заключается в универсальности этого процесса.

Приведем пример универсального фрейм-алгоритма, который может быть использован при подготовке курсантов в ситуациях возникновения технических неисправностей в системе охлаждения автомобиля (рисунок).

Универсальность приема заключается в том, что данный алгоритм можно использовать с незначительной корректировкой на каждой теме занятия, где рассматриваются какие-либо виды технических неисправностей. Его практическое применение будет сказываться на развитии активности и самостоятельности мыслительного процесса у курсантов и повлияет на эффек-

Фрейм-алгоритм действий в ситуации возникновения неисправностей в системе охлаждения автомобиля

тивность принятия ими решений и быстроту осуществления действий при выполнении служебно-боевых задач в условиях возникновения критических ситуаций – в ходе профессиональной деятельности по завершении процесса подготовки в военном вузе.

Таким образом, можно утверждать, что теоретическое подтверждение эффективности применения фрейм-сценариев при использовании метода создания проблемных ситуаций на практических занятиях не может вызывать сомнений. Особенность его будет заключаться в получении определенного опыта, активизации мыслительного процесса у курсантов, а также развитии профессионального ресурса их личности, что повлияет на их способности оценивать ситуации и принимать правильные и своевременные

решения, от которых будут зависеть жизни подчиненного им личного состава.

Список литературы

1. Слостенин В. А., Каширин В. П. Психология и педагогика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. 480 с.
2. Tomas U., Znanekij F. Polish peasant in Europe and America. N.Y., 1958. 86 p.
3. Lewin K. Principles of Topological Psychology. N.Y. ; L., 1936. 231 p.
4. Выготский Л. С. Кризис семи лет // Собр. соч. : в 6 т. М., 1984. Т. 4. 386 с.
5. Гурина Р. В., Ларина Т. В. Теоретические основы и реализация фреймового подхода в обучении : в 2 ч. Естественнонаучная область знаний : физика, астрономия, математика / под ред. Р. В. Гуриной. Ульяновск, 2008. 264 с.

Образец для цитирования:

Башлыков А. М. Эффективность использования фрейм-алгоритмов при создании проблемных ситуаций на практических занятиях в военных вузах войск национальной гвардии России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 89–92. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-89-92>

Effectiveness of Frame-Algorithms Application When Creating Problem Situations in Military Universities of the VNG of Russia

A. M. Bashlykov

Aleksey M. Bashlykov, Saratov Military Order Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya Str., Saratov 410023, Russia, bashlykov_alex@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the effectiveness of frame algorithms application when creating problem situations in practical classes at military universities of the VNG of Russia, in order to identify theoretical aspects of their effectiveness. The author suggested that one of the conditions of the officer's readiness for professional activity should be the ability to act and make decisions correctly in emergent critical situations. Analyzing the situational approach in pedagogical science, the author has revealed that the probability of a correct decision will be higher if during the training of cadets in practical classes the method of creating problem situations will be used. The application of this method will contribute to the activity and independence of thinking, which directly contributes to the effectiveness of their decision-making and the speed with which they perform their actions carrying out combat mission, under conditions when a similar situation arises again. The article presents the idea of developing a universal frame-algorithm of actions, as a methodical technique that can shorten time and simplify the system of professional training for creating a problem situation due to its universality, while its main advantage will be its ability to use it in conjunction with traditional teaching methods, and efficiency

in its considerable intensification. As an example, a frame-algorithm was developed to train actions in situations of occurrence of technical malfunctions of the car cooling system. In conclusion, the author analyzes the thought process in the event of an identical (typical) situation arising in the course of the officer's professional activities, drawing attention to the fact that the expected effect will be the ability to assess the situation and make the right decision on which the lives of the subordinate personnel will depend.

Keywords: professional training, readiness, frame, problem situation.

References

1. Slavenin V. A., Kashirin V. P. *Psichologiya i pedagogika: ucheb. posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenij* [Psychology and Pedagogy]. Moscow, 2001. 480 p.
2. Tomas U., Znaneckij F. *Polish peasant in Europe and America*. New York, 1958. 86 p.
3. Lewin K. *Principles of Topological Psychology*. New York, London, 1936. 231 p.
4. Vygotskij L. S. *Krizis semi let. Sobr. soch.: v 6 t.* [The Crisis of Seven Years. Sobr. soch.: in 6 vol.]. Moscow, 1984, vol. 4. 386 p.
5. Gurina R. V., Larina T. V. *Teoreticheskie osnovy i realizaciya frejmovogo podhoda v obuchenii. 2. Estestvennonauchnaya oblast' znaniy: fizika, astronomiya, matematika* [Natural Science Area of Knowledge: Physics, Astronomy, Mathematics]. Ed. by R. V. Gurinoy. Ul'yanovsk, 2008. 264 p.

Cite this article as:

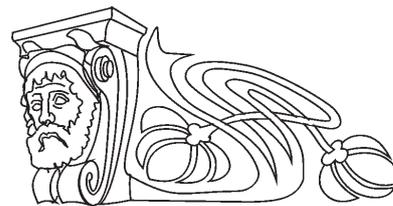
Bashlykov A. M. Effectiveness of the Frame-Algorithms Application When Creating Problem Situations in Military Universities of the VNG of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 89–92. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-89-92>

УДК 378.6

Контекстная подготовка и аттестация спасателей в учебных заведениях МЧС России

В. В. Булгаков

Булгаков Владислав Васильевич, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России – начальник Института профессиональной подготовки, Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС России, vbulgakov@rambler.ru

Статья посвящена актуальной проблеме подготовки курсантов ведомственных образовательных организаций Государственной противопожарной службы МЧС России к профессиональной деятельности в области проведения аварийно-спасательных работ. Мониторинг качества подготовки выпускников в практических пожарно-спасательных подразделениях Государственной противопожарной службы МЧС России выявляет ряд проблем, связанных с уровнем их практической подготовки, основной задачей которой является формирование теоретических знаний, практических умений и навыков выполнения поисково-спасательных, аварийно-спасательных и других неотложных работ с использованием соответствующего аварийно-спасательного оборудования и снаряжения. Дополнительное обучение по программе подготовки спасателей способствует не только овладению первичными профессиональными знаниями, формированию практических умений и навыков, но и готовит курсантов, привлекаемых в процессе обучения в составе аэромобильной группировки, к ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Обучение курсантов по программе подготовки спасателей и привлечение их к выполнению аварийно-спасательных работ при ликвидации реальных чрезвычайных ситуаций реализуют контекстную форму, направленную на формирование профессиональных умений и навыков через выполнение профессиональных задач. Качество подготовки и готовность курсантов к профессиональной деятельности подтверждаются независимой комиссией МЧС России, которая проводит аттестацию курсантов на право ведения аварийно-спасательных работ.

Ключевые слова: контекстное обучение, дополнительная подготовка, аттестация, спасатель, аварийно-спасательные работы, ликвидация чрезвычайных ситуаций.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-93-97>

Современные угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного и техногенного характера требуют совершенствования традиционных форм подготовки пожарных и разработки новых подходов и методик, направленных на расширение профессиональных компетенций. Статистика возникновения ЧС и привлечение пожарно-спасательных подразделений Государственной противопожарной службы

(далее – ГПС) к ликвидации их последствий свидетельствуют о необходимости развития у пожарных дополнительных компетенций, связанных с выполнением аварийно-спасательных работ (далее – АСР). В 2016 г. пожарно-спасательными подразделениями ГПС МЧС России было совершено более 700 тыс. оперативных выездов на ликвидацию различных ЧС, из которых свыше 139 тыс. – на тушение пожаров и проведение АСР. Более 118 тыс. раз пожарно-спасательные подразделения выезжали на дорожно-транспортные происшествия. В 2016 г. было спасено более 237 тыс. чел. и более чем 106 тыс. чел. оказана помощь, на сумму более 55 млрд руб. спасено материальных ценностей [1].

Подготовка специалистов для пожарно-спасательных подразделений ГПС осуществляется в учебных заведениях МЧС России по специальности 20.05.01 – пожарная безопасность и направлению подготовки 20.03.01 – техносферная безопасность (профиль – пожарная безопасность). Основные образовательные программы высшего образования реализуются в соответствии с требованиями ФГОС и формируют общепрофессиональные и профессиональные компетенции в области проектно-конструкторской деятельности, сервисно-эксплуатационной, производственно-технологической, организационно-управленческой, научно-исследовательской, экспертной, надзорной и инспекционно-аудиторской. Профессиональные компетенции способствуют формированию профессионально значимых качеств будущего инженера в области пожарной безопасности и руководителя пожарно-спасательными подразделениями. Вместе с тем обучение, направленное на подготовку инженера в соответствии с требованиями ФГОС, имеет существенный недостаток, заключающийся в незначительном объеме подготовки в области формирования первичных навыков тушения пожаров и проведения АСР. В результате выпускники, прибывающие для прохождения службы в практические пожарно-спасательные подразделения ГПС, по отзывам руководителей этих подразделений, демонстрируют слабые практические умения и навыки в области работы с пожарно-техническим и аварийно-спасательным

оборудованием, недостаточную профессионально-прикладную подготовку в области тушения пожаров, проведения АСР и ликвидации последствий ЧС природного и техногенного характера.

По окончании учебного заведения более 65% выпускников распределяются для прохождения службы в должности начальника караула, который в соответствии с должностными обязанностями непосредственно организует работу пожарно-спасательного подразделения по тушению пожаров и проведению АСР. В результате проведенного исследования готовности к служебной деятельности выпускников Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, Академии ГПС МЧС России, Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России и Уральского института ГПС МЧС России, закончивших обучение по специальности 20.05.01 – пожарная безопасность и проработавших на новом месте службы один год, установлено, что 50% выпускников имеют высокий уровень готовности к профессиональной деятельности, 40% продемонстрировали средний уровень профессиональной готовности, 10% обладают низкой профессиональной готовностью, т. е. по уровню профессиональной компетентности и профессионально важным качествам не готовы к выполнению служебных обязанностей, возложенных на сотрудников ГПС МЧС России [2, с. 14]. Исследование проблем, связанных с успешностью в профессиональной деятельности и удовлетворенностью знаниями, практическими умениями и навыками, полученными выпускниками в ходе обучения, свидетельствует о том, что образование в учебных заведениях ГПС МЧС России дает, прежде всего, теоретические знания. Социологический опрос выпускников показал, что приобретенных в учебных заведениях практических умений и навыков для применения в профессиональной деятельности не хватает половине из них [3, с. 292]. Слабая практическая подготовка требует выделения времени и ресурсов на адаптацию выпускников к служебной деятельности и организацию в практических пожарно-спасательных подразделениях дополнительного обучения и стажировок молодых специалистов, в том числе в области проведения АСР.

Навыки в осуществлении таких работ необходимы современному специалисту ГПС в связи с привлечением пожарно-спасательных подразделений к ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) [4], наводнений [5], аварий в жилищно-коммунальном комплексе (взрывы бытового газа, обрушение зданий и сооружений) [6, 7] и других ЧС. Для решения проблемы качественной подготовки

выпускников учебных заведений ГПС МЧС России необходима организация дополнительного обучения по программам подготовки пожарных, спасателей и других программ, формирующих первичные компетенции в области проведения АСР. Правовое обоснование дополнительного обучения реализовано с 2016 г. в ФГОС по направлению подготовки 20.03.01 – техносферная безопасность, который в рамках сервисно-эксплуатационной деятельности предъявляет требования к выпускнику по обладанию способностью выполнять работы по одной или нескольким профессиям рабочих, должностям служащих в области профессиональной деятельности.

Актуальность дополнительного обучения по программе подготовки спасателей обусловлена привлечением курсантов учебных заведений МЧС России в составе аэромобильной группировки (далее – АМГ) к ликвидации последствий ЧС природного и техногенного характера как в субъекте Российской Федерации, в котором расположено учебное заведение, так и в других субъектах, в том числе расположенных на значительном удалении. Например, АМГ Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (далее – академия) привлекалась в 2012 г. к ликвидации последствий разрушительного наводнения в Краснодарском крае (г. Крымск), в 2013 г. в Хабаровском крае (г. Комсомольск-на-Амуре) [8, с. 36, 82], в 2016 г. в Вологодской области (г. Великий Устюг). Также курсанты академии неоднократно привлекались для ликвидации последствий разрушения жилых объектов и объектов инфраструктуры Ивановской области [9, 10]. Участие курсантов академии в ликвидации ЧС природного и техногенного характера имеет огромное значение для получения опыта выполнения АСР, формирования практических умений и навыков, а также профессионально значимых качеств будущего специалиста ГПС.

В целях повышения качества аварийно-спасательной подготовки в академии в рамках освоения дополнительных образовательных программ с 2017 г. организовано обучение курсантов по программе подготовки спасателей. Основными задачами подготовки является формирование теоретических знаний, практических умений и навыков выполнения поисково-спасательных, аварийно-спасательных и других неотложных работ с использованием соответствующего аварийно-спасательного оборудования и снаряжения. Программа подготовки спасателей разработана с учетом ассоциативно-рефлекторной теории обучения (А. А. Смирнов, В. В. Давыдов, С. Л. Рубинштейн, Ю. А. Самарин), теории развития мотивации (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев),

теории проблемного обучения (М. И. Махмутов, И. Я. Лернер, А. В. Брушлинский) и теории контекстного обучения, развитой в работе А. А. Вербицкого [11]. Контекстным является такое обучение, в котором на языке наук с помощью всей системы традиционных и новых педагогических технологий в формах учебной деятельности, все более приближающихся к формам профессиональной деятельности, динамически моделируется предметное и социальное содержание профессионального труда, обеспечивая условия трансформации учебной деятельности курсанта в профессиональную деятельность специалиста [12]. Реализация контекстного подхода в обучении курсантов по программе подготовки спасателей осуществляется как в процессе проведения теоретических и практических занятий, так и в процессе участия курсантов в ликвидации последствий ЧС природного и техногенного характера в составе АМГ, когда теоретические знания, практические умения и навыки выполнения АСР формируются, применяются и закрепляются в условиях профессиональной деятельности.

В 2017–2018 учебном году 363 курсанта академии прошли обучение в объеме 292 ч по программе подготовки спасателей и были допущены к аттестации на право ведения АСР для присвоения квалификации «спасатель». Аттестация курсантов проводилась независимой комиссией МЧС России [13] и включала 3 этапа: прохождение дополнительного медицинского освидетельствования; выполнение нормативов по физической подготовке; выполнение теоретических и практических заданий по профессиональной подготовке.

Нормативы по физической подготовке включали следующие упражнения и критерии их выполнения: челночный бег 10×10 м – 28 сек, подтягивание на перекладине – 10 раз, бег (кросс) на 1 км – 3 мин 50 сек. Все курсанты выполнили нормативы по физической подготовке и были допущены к аттестации по профессиональной подготовке, которая включала теоретический и практический экзамены по медицине, теоретический и практический экзамены в области проведения АСР с выполнением нормативов по пожарно-строевой и тактико-специальной подготовке и работой с аварийно-спасательным инструментом. Результаты аттестации показали высокий уровень подготовки курсантов, в частности, в овладении требуемым объемом теоретических знаний, практических умений, в приобретении навыков, необходимых для выполнения профессиональных задач в области ликвидации ЧС природного и техногенного характера [14, 15].

Таким образом, дополнительное обучение курсантов по программе подготовки спасателей способствует повышению качества профессиональной подготовки в области проведения АСР. Полученные теоретические знания, практические умения и навыки необходимы курсантам, привлекаемым в составе АМГ для ликвидации ЧС различного характера. Обучение курсантов по программе подготовки спасателей и привлечение их к выполнению АСР при ликвидации реальных ЧС реализуют контекстную форму, направленную на формирование профессиональных умений и навыков через выполнение профессиональных задач. Высокий уровень подготовки и готовность курсантов к выполнению АСР подтверждены независимой аттестационной комиссией МЧС России, которая по результатам аттестации на право ведения аварийно-спасательных работ в 2018 г. 363 курсантам присвоила квалификацию «спасатель».

Список литературы

1. О дополнительных мерах по повышению готовности пожарно-спасательных подразделений федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы : приказ МЧС России от 14 февраля 2017 г. № 50. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
2. Порошин А. А., Шишков М. В., Стрельцов О. В., Лазарева Э. В., Рюмина С. И. Методика оценки готовности к профессиональной деятельности выпускников образовательных организаций высшего профессионального образования ГПС МЧС России // Актуальные проблемы пожарной безопасности : сб. материалов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. Ногинск, 2016. С. 7–16.
3. Стрельцов О. В., Лазарева Э. В. Оценка профессиональной подготовленности выпускниками учебных заведений высшего профессионального образования ГПС МЧС России // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. Т. 2, № 1 (4). С. 289–293.
4. Иванов В. С. Результаты деятельности МЧС России в области ликвидации последствий ДТП за 2015 год // Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения : сб. докл. XXI Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Ногинск, 2016. С. 74–78.
5. Иванов П. Б., Попов А. В. Опыт предупреждения и ликвидации последствий наводнений на территории Краснодарского края // Опыт предупреждения и ликвидации последствий наводнений стран-участниц Организации Черноморского экономического сотрудничества : сб. тр. семинара экспертов стран-участниц ЧЭС. Анапа, 2014. С. 38–59.
6. Продолжаются аварийно-спасательные работы на месте обрушения здания в Дзержинском районе

- г. Волгограда // ГУ МЧС России по Волгоградской области : сайт. URL: <http://34.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/3324440/> (дата обращения: 26.06.2018).
7. Жители поселка Загорские Дали благодарят подмосковных спасателей за работу на месте взрыва жилого дома // ГУ МЧС России по Московской области : сайт. URL: <http://50.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/2328111/> (дата обращения: 26.06.2018).
 8. *Малый И. А.* Опыт участия личного состава Ивановского института ГПС МЧС России в ликвидации крупномасштабных чрезвычайных ситуаций, произошедших на территории Российской Федерации в период с 2010 по 2013 годы. Иваново, 2014. 109 с.
 9. Аварийно-спасательные работы на месте обрушения части дома в Юрьевце завершены // ГУ МЧС России по Ивановской области : сайт. URL: <http://37.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/6257355/> (дата обращения: 25.06.2018).
 10. Активная фаза аварийно-спасательных работ на месте обрушения дома в городе Иваново завершена // ГУ МЧС России по Ивановской области : сайт. URL: <http://37.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/4410809/> (дата обращения: 25.06.2018).
 11. *Вербицкий А. А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М., 2004. 84 с.
 12. *Вербицкий А. А.* Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 32–37.
 13. Об аттестации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований и спасателей в системе МЧС России : приказ МЧС России от 30 августа 2017 г. № 362. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
 14. Аттестация спасателей 29.01.2018 // Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России : сайт. URL: http://www.edufire37.ru/gen_info/news/?ELEMENT_ID=1975 (дата обращения: 28.06.2018).
 15. Аттестация спасателей 02.07.2018 // Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России : сайт. URL: http://www.edufire37.ru/gen_info/news/?ELEMENT_ID=2198 (дата обращения: 25.06.2018).

Образец для цитирования:

Булгаков В. В. Контекстная подготовка и аттестация спасателей в учебных заведениях МЧС России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-93-97>

Contextual Preparation and Certification of Rescuers in Educational Institutions of the Ministry of Emergency Measures of Russia

V. V. Bulgakov

Vladislav V. Bulgakov, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 33 Builders Ave., Ivanovo 153040, Russia, vbulgakov@rambler.ru

The article is devoted to the actual problem of training cadets of departmental educational organizations of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia for professional activities in the field of emergency rescue operations. Monitoring the quality of training graduates in practical fire and rescue units of the State Fire Service EMERCOM of Russia reveals a number of problems related to the level of their practical training. The main tasks of the training are the formation of theoretical knowledge, practical skills and skills of performing search and rescue, emergency rescue and other urgent work with the use of appropriate emergency rescue equipment and gear. Additional training in the training program for rescuers contributes not only to the formation of primary professional knowledge and practical skills, but also prepares cadets involved in the training process as part of an airmobile group, to eliminate natural and man-made situations. Training cadets according to this program and involving them in performing emergency rescue operations while eliminating real emergency situations implements a contextual form aimed at the formation of professional skills through the implementation of professional tasks. The quality of training and readiness of cadets for professional activities is confirmed by the independent Commission

of the Ministry of emergency situations of Russia, which certifies cadets for the right to conduct rescue operations.

Keywords: context training, additional training, attestation, rescuer, emergency rescue operations, liquidation of emergency situations.

References

1. About Additional Measures for Increase of Readiness of Fire and Rescue Divisions of Federal Fire Service of the State Fire Service. *Legal Information system «Garant»* [electronic resources] (in Russian).
2. Poroshin A. A., Shishkov M. V., Strel'cov O. V., Lazareva Eh. V., Ryumina S. I. Methods of Assessment of Readiness for Professional Activity of Graduates of Educational Organizations of Higher Professional Education of Ministry of Emergency Situations of Russia]. *Aktual'nye problemy pozharnoj bezopasnosti: sb. materialov XXVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Actual Problems of Fire Safety: Collection of Materials of the XXVIII International Scientific and Practical Conference]*. Noginsk, 2016, pp. 7–16 (in Russian).
3. Strel'cov O. V., Lazareva Eh. V. Assessment of Professional Training of Graduates of Higher Education Institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidacii posledstvij chrezvychajnyh situacij* [Problems of Safety in Emergency Response], 2015, vol. 2, no. 1 (4), pp. 289–293 (in Russian).
4. Ivanov V. S. Results of EMERCOM of Russia in the Field of Elimination of Consequences of Road Accident

- for 2015. *Aktual'nye problemy formirovaniya kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti naseleniya: sb. dokladov XXI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam zashchity naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij* [Actual Problems of Formation of Culture of Safety of Life of the Population: Collection of Reports of the XXI International Scientific and Practical Conference on Problems of Protection of the Population and Territories from Emergency Situations]. Noginsk, 2016, pp. 74–78 (in Russian).
5. Ivanov P. B., Popov A. V. Experience in Preventing and Eliminating the Consequences of Floods in the Krasnodar Territory]. In: *Opyt preduprezhdeniya i likvidacii posledstvij navodnenij stran-uchastnic Organizacii Chernomorskogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva* [The Experience of Prevention and Liquidation of Consequences of Floods of the Participating Countries of the Black Sea Economic Cooperation: Collection of Papers of the Expert Workshop]. Anapa, 2014, pp. 38–59 (in Russian).
 6. Rescue Work Continues at the Site of the Collapse of Buildings in Dzerzhinsky District of Volgograd. *GU MCHS Rossii po Volgogradskoj oblasti* (EMERCOM of Russia in Volgograd Region. Site). Available at: <http://34.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/3324440/> (accessed 26 June 2018) (in Russian).
 7. Residents of the Village of Zagorsk Gave Thanks to the Rescue Team Near Moscow for Working at the Site of the Explosion of a House. *GU MCHS Rossii po Moskovskoj oblasti* (EMERCOM of Russia in Moscow Region. Site). Available at: <http://50.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/2328111/> (accessed 26 June 2018) (in Russian).
 8. Malyj I. A. *Opyt uchastiya lichnogo sostava Ivanovskogo instituta GPS MCHS Rossii v likvidacii krupnomasshtabnyh chrezvychajnyh situacij, proizoshedshih na territorii Rossijskoj Federacii v period s 2010 po 2013 gody*. [Experience in the Participation of the Personnel of the Ivanovo Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia in the Liquidation of Large-Scale Emergency Situations that Occurred on the Territory of the Russian Federation in the Period from 2010 to 2013]. Ivanovo, 2014, 109 p. (in Russian).
 9. Rescue work at the Site of the Collapse of the House in Yuryevets Completed. *GU MCHS Rossii po Ivanovskoj oblasti* (EMERCOM of Russia in Ivanovo Region. Site). Available at: <http://37.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/6257355/> (accessed 25 June 2018) (in Russian).
 10. The Active Phase of Rescue Operations at the Site of the Collapse of the House in the City of Ivanovo Completed. *GU MCHS Rossii po Ivanovskoj oblasti* (EMERCOM of Russia in Ivanovo Region. Site). Available at: <http://37.mchs.gov.ru/pressroom/news/item/4410809/> (accessed 26 June 2018) (in Russian).
 11. Verbickij A. A. *Kompetentnostnyj podhod i teoriya kontekstnogo obucheniya* [Competence Approach and the Theory of Contextual Learning]. Moscow, 2004. 84 p. (in Russian).
 12. Verbickij A. A. Context-Competence Approach to Modernization of Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2010, no. 5, pp. 32–37 (in Russian).
 13. On Certification of Emergency Rescue Services, Emergency Rescue Units and Rescue Services in the System EMERCOM of Russia no. 362 of 30 August 2017. *Legal Information system «Garant»* [electronic resources] (in Russian).
 14. Certification of Rescuers 29 January 2018. *Ivanovskaya pozharno-spasatel'naya akademiya GPS MCHS Rossii* (Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia. Site). Available at: http://www.edufire37.ru/gen_info/news/?ELEMENT_ID=1975 (accessed 28 June 2018) (in Russian).
 15. Certification of Rescuers 02 July 2018. *Ivanovskaya pozharno-spasatel'naya akademiya GPS MCHS Rossii* (Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia. Site). Available at: http://www.edufire37.ru/gen_info/news/?ELEMENT_ID=2198 (accessed 25 June 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Bulgakov V. V. Contextual Preparation and Certification of Rescuers in Educational Institutions of the Ministry of Emergency Measures of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 93–97. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-93-97>

УДК 378.1

Современные проблемы функционирования систем менеджмента качества в высших учебных заведениях

С. Б. Вениг, С. А. Ворошилов, Е. Н. Дубовская

Вениг Сергей Борисович, профессор, доктор физико-математических наук, декан факультета нано- и биомедицинских технологий, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergey.venig@gmail.com

Ворошилов Сергей Александрович, доцент, кандидат физико-математических наук, руководитель центра менеджмента качества, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, voroshilov@sgu.ru

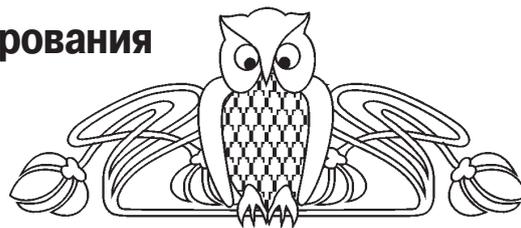
Дубовская Екатерина Николаевна, ведущий инженер центра менеджмента качества, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, yuga4@yandex.ru

Статья посвящена вопросам актуальности наличия в высшем учебном заведении системы менеджмента качества. Рассмотрены вопросы, связанные с влиянием позиционирования высшего учебного заведения в системе образования на набор основных процессов. Подчеркнута связь цели стратегического развития высшего учебного заведения с набором процессов его деятельности. Представлена процедура выборов процессов, их описания, показателей результативности, динамики расширения области сертификации СМК. На примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского показана одна из возможностей по управлению документированной информацией. Обсуждены принципы построения системы управления документированной информацией, ее классификации. Приведены элементы системы управления документацией высшего учебного заведения, ее классификация, основы группировки и обозначения документов по отличительным признакам. Подчеркнута важность обучения персонала для обеспечения эффективности и результативности системы менеджмента качества. Описаны принципы выбора направлений подготовки для различных категорий персонала. В качестве примера представлена структура двух программ повышения квалификации по управлению документацией и внутреннему аудиту СМК.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, система менеджмента качества, процессы, документированная информация, повышение квалификации персонала.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-98-102>

Подписание Российской Федерацией Болонского соглашения и введение наличия сертифицированной системы менеджмента качества вуза в аккредитационные показатели привело в первом десятилетии XXI в. к массовому созданию систем менеджмента качества (СМК)

в российских вузах. При этом использовались различные модели [1–3]. К 2010 г. многие ведущие вузы страны имели в своей структуре подразделения по управлению качеством и СМК, сертифицированные в различных органах.

В настоящее время переход от аккредитации вузов к аккредитации образовательных программ, изменения в нормативной документации органов управления образованием привели к тому, что наличие сертифицированной СМК не отражено в статистической отчетности вузов, аккредитационных и лицензионных показателях и показателях мониторинга эффективности вузов. В литературе еще идет обсуждение опыта реализации СМК вузов [4–8], но все чаще возникают вопросы, особенно у руководства вузов, о целесообразности финансовой и ресурсной поддержки СМК вуза, в частности с учетом редакций ГОСТ Р ИСО 9001.

В работе рассмотрены несколько аспектов деятельности вуза, которые требуют работающей СМК.

Позиционирование в системе образования. При рассмотрении вопросов, связанных с качеством образования, часто забывают, что одной из заинтересованных сторон является сам вуз [9]. В силу географических особенностей, особенностей распределения населения, административного деления, экономического развития различных регионов нашей страны системе образования требуются самые различные вузы – от входящих в мировую элиту до решающих региональные вопросы подготовки специалистов и реализации конституционных прав граждан на образование. В соответствии с позиционированием вуза формируются стратегия его развития и политика качества. Например, международная, научная, инновационная деятельность ведущих и региональных вузов существенно различается. Поэтому набор процессов вуза в СМК, с одной стороны, определяется стратегией развития вуза, а с другой стороны, позволяет эффективно управлять практикой реализации этой стратегии.

В Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского СМК первоначально рас-

пространялась исключительно на образовательную деятельность и в 2009 г. было подтверждено ее соответствие требованиям ГОСТ Р ИСО 9001–2008. В 2010 г. в рамках инспекционного контроля область сертификации была расширена на научную и инновационную деятельность, а в 2012 г. при ресертификации – на технические испытания, исследования и сертификацию.

В СМК СГУ включены 8 основных процессов, 3 процесса управления и 11 процессов обеспечения. В рамках всех процессов осуществляются мониторинг, измерение и анализ показателей, управление несоответствиями, улучшение процессов. Выбор процессов, их описания, показателей результативности осуществлялся по следующей процедуре:

идентификация процессов и видов деятельности, необходимых для СМК, что представлялось в виде реестра процессов, содержащего сведения о группах процессов, наименовании процессов, их идентификационных номерах и руководителей;

установление последовательности и взаимодействия процессов, которые представлялись в виде обобщенной модели системы процессов, позволяющей определить их укрупненную классификацию, последовательность, точки пересечения и взаимодействия;

определение измеряемых характеристик и показателей качества процессов и их результатов, целевых значений, а также критериев и методов анализа, необходимых для обеспечения результативности процессов для управления ими и их улучшения;

обеспечение ресурсами и информацией, необходимыми для осуществления процессов и их мониторинга;

осуществление мониторинга, измерений (там, где это возможно) и анализа выделенных процессов;

принятие мер, необходимых для достижения запланированных результатов (целевых значений показателей) и постоянного улучшения процессов.

Идентификация процессов осуществлялась исходя из цели стратегического развития университета: *формирование современного университета, сопоставимого по своим образовательным, исследовательским и инновационным параметрам с ведущими зарубежными университетами и способного вносить заметный вклад в кадровое и научно-инновационное обеспечение развития ключевых секторов экономики и социальной сферы России*. В частности, вхождение СГУ в международные рейтинги университетов QS

World University Rankings и The Times Higher Education World University Rankings привело к необходимости выделения процесса по продвижению и поддержке имиджа СГУ в различных средствах массовой информации, в том числе электронных. В результате эта деятельность составляет часть процесса по управлению информационными ресурсами.

Изменяемые характеристики и показатели процессов вводились в соответствии с показателями результативности программы развития национального исследовательского университета, показателями отчетности и мониторинга эффективности вузов. Часть показателей синхронизировалась с показателями, необходимыми для продвижения вуза в мировых рейтингах.

Такой подход к идентификации и описанию процессов позволил исключить дублирование, определить однозначное подчинение процессов и их взаимодействие. В результате значительно повысилась эффективность управления университетом.

Управление документацией. В соответствии с требованиями стандартов ISO серии 9001 [10,11] документационное обеспечение управленческих решений, свидетельств этих действий и достигнутых результатов является неотъемлемой частью системы менеджмента качества. В современных условиях качественное документационное обеспечение играет важную роль, особенно в условиях перехода на аккредитацию не вузов, а образовательных программ и тенденций Рособнадзора к увеличению числа камеральных проверок и переходу на рассмотрение электронных вариантов документов.

Разработанная в СГУ система управления документированной информацией основывается на 8 принципах: комплексность, функциональная полнота, системность, адекватность, идентифицируемость, адресность, актуализированность и доступность. С учетом этих принципов система управления документацией СГУ включает следующие элементы:

- классификацию;
- обозначение;
- планирование разработки (актуализации);
- разработку, согласование и утверждение;
- рассылку и хранение;
- анализ и внесение изменений;
- аннулирование, архивирование и уничтожение.

Есть два подхода к классификации документов. Первый заключается в том, что документы СМК выделяются в отдельную систему документации, второй подход – документация СМК входит в общую систему документации

организации. При формировании системы классификации документации СГУ был использован второй подход, структура документации имеет следующий вид.

Внутренние документы:

организационно-учредительные (учредительные) документы: устав СГУ, свидетельство о государственной регистрации, лицензия на право ведения образовательной деятельности, коллективный договор и др.;

организационно-распорядительные документы: приказы, распоряжения;

документы по планированию деятельности: миссия, концепции, программы, политика, планы, графики и др.;

организационно-нормативные (нормативные) документы: штатное расписание, стандарты, положения, правила, методические инструкции и рекомендации, положения о структурных подразделениях, должностные инструкции, образовательные программы и др.;

информационно-справочные документы: служебные, докладные и объяснительные записки, предложения, представления, заявления, все разновидности переписки, справки, заключения, отзывы, сводки, списки, перечни, протоколы, акты и др.;

учетные документы: первичная и другая учетная документация по направлениям деятельности;

отчетные документы: отчеты по направлениям деятельности и уровням управления;

договорные документы: договоры, контракты, соглашения по направлениям деятельности.

По направлениям деятельности:

общее управление университетом;

кадровое и правовое обеспечение;

образовательная и методическая деятельность;

деятельность по социальной поддержке студентов и работников, воспитательной и внеучебной работе;

научная и инновационная деятельность;

управление финансовыми ресурсами;

управление материальными ресурсами, инфраструктурой;

управление производственной средой, обеспечение безопасности жизнедеятельности;

библиотечное информационное обслуживание, управление информационной средой.

По области применения:

документы общеуниверситетского уровня;

документы уровня структурных подразделений.

Документация СМК:

документально оформленные заявления о политике и целях в области качества;

руководство по качеству;

документированные процедуры и записи, требуемые стандартом ГОСТ ISO 9001;

документы, включая записи, определенные университетом, как необходимые для обеспечения эффективного планирования, осуществления процессов и управления ими.

В СГУ было принято решение о группировке документов таким образом, чтобы они были ориентированы на поддержку реализации конкретного процесса (вида деятельности). Обозначение документа состоит из индекса (СТО, П, ИД и др.), регистрационного номера, который включает класс документа (по видам деятельности), номер группы и порядковый номер группы и годы утверждения документа. Регистрационные номера вновь разработанным документам присваиваются в порядке возрастания номеров по мере их регистрации. После пересмотра документа ему может присваиваться тот же регистрационный номер.

Такой подход к управлению документированной информацией в СМК позволил значительно упорядочить поток документов, сделать их более понятными для потребителей, часть документации перевести в электронный формат. Во время прошедшей в 2017 г. аккредитации основных образовательных программ СГУ несоответствий в документации образовательного и сопутствующих процессов обнаружено не было.

Обучение персонала. Эффективное функционирование СМК вуза невозможно без обучения персонала, причем в первую очередь руководства вуза. По согласованию с ректором руководством вуза предложили проходить повышение квалификации не по профессиональным направлениям научной или образовательной деятельности, а по направлениям, связанным с управлением вузом, научной и образовательной деятельности, повышения качества соответствующих процессов, оценки деятельности. Во всех этих направлениях подготовки в том или ином виде присутствуют элементы, методы и инструменты управления качеством. Такое обучение способствует укреплению лидирующей роли руководства при внедрении, функционировании и улучшении СМК.

Второе направление – это обучение остального персонала. Обучение сотрудников СГУ по различным аспектам менеджмента качества проводится с применением разных форм: индивидуального и корпоративного повышения ква-

лификации в ведущих российских и зарубежных вузах, организациях, Институте дополнительного профессионального образования СГУ (ИДПО), тематических семинаров и консультаций, проводимых центром менеджмента качества. Программы повышения квалификации, реализуемые в ИДПО, ориентированы на различные категории и группы работников (руководителей и уполномоченных по качеству, внутренних аудиторов и др.): по управлению документацией, внутреннему аудиту и др.

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Управление документацией» предназначена для подготовки работников вуза, ответственных за организацию и ведение делопроизводства и документооборота в структурных подразделениях (руководители структурных подразделений, документоведы, делопроизводители и др.). Предусмотрена очная форма обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Программа включает 2 модуля. Первый (теоретический) модуль посвящен классификации документации, порядку управления внутренней и внешней документацией, электронному документообороту; второй посвящен управлению документацией на рабочем месте и ориентирован на приобретение слушателями практических умений и навыков по организации делопроизводства и документооборота.

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Внутренний аудит системы менеджмента качества» предназначена для подготовки работников образовательных организаций, ответственных за организацию и проведение внутренних аудитов системы менеджмента качества. Предусмотрена очная форма обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Программа состоит из трех модулей. Первый посвящен приобретению знаний о целях и объектах внутреннего аудита СМК, принципах и методах его проведения, требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2015 к СМК; второй модуль ориентирован на получение знаний по организации и подготовке к аудиту, этапы проведения аудита, сопроводительные действия; третий – на приобретение слушателями практически умений и навыков по подготовке и участию во внутреннем аудите СМК.

За время функционирования СМК в СГУ по различным программам повышения квалификации в области управления качеством прошли обучение не менее 30% сотрудников СГУ различных категорий.

Таким образом, эффективная работа СМК вуза позволяет формировать понимание его собственной позиции в системе образования страны, определять пути и средства достижения этой позиции. Использование процессного подхода при описании процессов вуза обеспечивает более эффективное управление университетом и стратегическое планирование развития. Оптимизация документооборота, в том числе электронного, способствует более успешному прохождению процедур аккредитации, лицензирования, мониторинга эффективности, уменьшению временных и трудовых затрат при оформлении документов и знакомстве с ними персонала. Обучение персонала формирует осознанное восприятие различных процедур и регламентов деятельности СМК, что особенно сказывается во время внутренних и внешних аудитов.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 9001-2001 «Система менеджмента качества. Требования». М., 2001. 22 с.
2. ГОСТ Р ИСО 9004-2001 «Система менеджмента качества. Рекомендации по улучшению». М., 2001. 54 с.
3. Азарьева В. В., Круглов В. И., Пузанков Д. В., Соболев В. С., Соловьев В. П., Степанов И. В., Степанов С. А., Яценко В. В. Методические рекомендации по внедрению типовой модели системы качества образовательного учреждения. СПб., 2006. 408 с.
4. Листопадова Е. В. Система менеджмента качества в высших учебных заведениях : к истории вопроса // European Social Science Journal. 2012. № 12-1 (28). С. 104–109.
5. Назарова С. И. Формирование системы менеджмента качества образования в высшем учебном заведении // Человек и образование. 2014. № 2 (39). С. 96–100.
6. Чумаченко А. Н., Вениг С. Б., Ворошилов С. А., Елина Е. Г., Захарова Т. Г. В центре внимания СМК : опыт Саратовского государственного университета // Стандарты и качество. 2015. № 11 (941). С. 40–41.
7. Ананченко И. В. Политика и цели в области качества : нужны ли они вузу? // Экономист года 2016 : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конкурса. 2016. С. 55–58.
8. Серебрянников С. С., Харитонов С. С., Бородулин А. Л. Индустрия 4.0 : перезагрузка вузовского образования // Стандарты и качество. 2018. № 10. С. 88–90.
9. Вениг С. Б., Винокурова С. А. Анализ требований заинтересованных в образовании сторон для обеспечения его качества // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011. № 4 (18). С. 500–502.
10. ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М., 2015. 23 с.
11. ГОСТ Р ИСО 9001-2015. Системы менеджмента качества. Требования. М., 2015. 23 с.

Образец для цитирования:

Вениг С. Б., Ворошилов С. А., Дубовская Е. Н. Современные проблемы функционирования систем менеджмента качества в высших учебных заведениях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 98–102. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-98-102>

Modern Problems of Quality Management Systems Functioning in Higher Education Institutions

S. B. Venig, S. A. Voroshilov, E. N. Dubovskaya

Sergey B. Venig, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410002, Russia, sergey.venig@gmail.com

Sergey A. Voroshilov, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410002, Russia, voroshilov@sgu.ru

Ekaterina N. Dubovskaya, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410002, Russia, pyra4@yandex.ru

The article is devoted to the relevance of the quality management system availability in higher educational institutions. The authors consider the issues connected with the influence of higher education institution positioning in the educational system on the set of basic processes. Connection of the purpose of strategic development of a higher educational institution with a set of processes of its activity is emphasized. The procedure of processes selection, their descriptions, productivity indicators, and expansion dynamics of a quality management system certification field is submitted. One of the ways of documentary information management is shown on the example of Saratov State University. Principles of creation of documentary information control system and its classifications are discussed. Elements of the documentation control system of the higher educational institution, its classification, and basics of grouping and document designation by distinctive features are given. Importance of personnel training for ensuring efficiency and effectiveness of the quality management system is emphasized. The principles of the choice of training directions for various categories of personnel are described. The structure of two programs of professional skill improvement on the documentation management and internal audit of the quality management system is presented as an example.

Keywords: higher educational institution, quality management system, processes, the documentary information, personnel professional skill improvement.

References

1. GOST R ISO 9001-2001. *Sistema menedzhmenta kachestva. Trebovaniya* [State Standard 9001-2001. Quality management system. Requirements]. Moscow, 2001. 27 p. (in Russian).
2. GOST R ISO 9004-2001. *Sistema menedzhmenta kachestva. Rekomendacii po uluchsheniyu* [Quality man-

agement system. Recommendations for improvement]. Moscow, 2001. 54 p. (in Russian).

3. Azar'eva V. V., Kruglov V. I., Puzankov D. V., Sobolev V. S., Solov'ev V. P., Stepanov I. V., Stepanov S. A., Yaschenko V. V. *Metodicheskie rekomendacii po vnedreniyu tipovoj modeli sistemy kachestva obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [Methodological Recommendations for the Implementation of a Standard Model of the Quality System of an Educational Institution]. St. Petersburg, 2006. 408 p. (in Russian).
4. Listopadova E. V. Quality Management System in Higher Educational Institutions: on the History of the Issue. *European Social Science Journal*, 2012, no. 12-1 (28), pp. 104–109 (in Russian).
5. Nazarova S. I. Formation of the Quality Management System of Education in Higher Education. *Chelovek i obrazovanie* [Person and Education], 2014, no. 2 (39), pp. 96–100 (in Russian).
6. Chumachenko A. N., Venig S. B., Voroshilov S. A., Elina E. G., Zaharova T. G. The Focus of the QMS: the Experience of Saratov State University. *Standarty i kachestvo* [Standards and quality], 2015, no. 11 (941), pp. 40–41 (in Russian).
7. Ananchenko I. V. Quality policy and objectives: does the University need them? *Ehkonomist goda 2016 sbornik statej III Mezhduna-rodnoogo nauchno-prakticheskogo konkursa* [Economist of the year 2016 proceedings of III of the International Scientific and Practical Competition], 2016, pp. 55–58 (in Russian).
8. Serebrennikov S. S., Haritonov S. S., Borodulin A. L. Industry 4.0: a Reboot of University Education. *Standarty i kachestvo* [Standards and Quality], 2018, no. 10, pp. 88–90 (in Russian).
9. Venig S. B., Vinokurova S. A. Analysis of the Requirements of Stakeholders in Education to Ensure its Quality. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos. un-ta* [Vector of Science of the Tolyatti State University], 2011, no. 4 (18), pp. 500–502 (in Russian).
10. GOST R ISO 9000-2015. *Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozheniya i slovar'* [Quality Management System. Basic Provisions and Dictionary]. Moscow, 2015. 23 p. (in Russian).
11. GOST R ISO 9000-2015. *Sistemy menedzhmenta kachestva. Trebovaniya* [Quality Management System]. Moscow, 2015. 23 p. (in Russian).

Cite this article as:

Venig S. B., Voroshilov S. A., Dubovskaya E. N. Modern Problems of Quality Management Systems Functioning in Higher Education Institutions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 98–102. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-98-102>

УДК 355.231.4:94(47)“186”

Изменение содержания морского образования в связи с проведением в России военной реформы в 1860–1870-х годах

Н. А. Дельви́г

Дельви́г Наталья Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Севастопольский государственный университет, natad1313@yandex.ru

Период второй половины XIX в. в России был отмечен значительными переменами, затронувшими практически все сферы общественной и политической жизни. Реформы 1860–1870-х гг. стимулировали развитие капиталистических отношений, что, в свою очередь, не могло не отразиться и на развитии военной промышленности, укрепляя потенциал обороноспособности государства и оказывая непосредственное влияние на изменение содержания военного образования в целом. В статье исследуется взаимосвязь проводимых в России военных реформ и процесса развития морского образования в государстве; изучается влияние значимых исторических событий на модернизацию содержания военного образования и повышение эффективности учебно-воспитательного процесса в морских учебных заведениях различного уровня. В ходе историко-педагогического анализа использовался ряд определенных методологических подходов, основными из которых являются: системный подход, позволяющий проследить динамику изменения содержания образования; теория социально-общественной обусловленности морского образования, дающий возможность выявить социально-педагогические условия воспитания и обучения будущих морских офицеров; психолого-педагогическая концепция деятельности, доминирующая в процессе формирования личности будущего морского офицера. Формулируется вывод: в исследуемый период в целях подготовки квалифицированных моряков были предприняты кардинальные меры по оптимизации обучения и воспитания военных морских специалистов, отвечающих требованиям технического прогресса и высокого социального статуса.

Ключевые слова: военная реформа; учебно-воспитательная деятельность; учебные программы; методическое обеспечение; военно-учебные заведения.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-103-107>

Негативные для России последствия Крымской кампании (1854–1855 гг.) – одного из переломных моментов военной истории – положили начало кардинальным реформам в сфере технического оснащения флота более совершенной техникой – броненосными кораблями и орудиями нового поколения, что предполагало внесение коренных изменений в сферу военного образования в целях осуществления подготовки специалистов принципиально нового уровня [1]. Кроме того, активное развитие судостроительной отрасли повлекло за собой необходимость

открытия дополнительных морских инженерных училищ для подготовки высококвалифицированных кадров [2].

В ходе поэтапного перехода к новым стандартам военного, в частности военно-морского, образования тщательно изучался как отечественный, так и зарубежный опыт. К учебному процессу начали привлекаться не только военные специалисты, но и гражданские педагоги с университетским образованием, что в значительной мере повысило качество приобретаемых учащимися знаний по общеобразовательным и специальным дисциплинам. Изначально учебные программы разрабатывались с ориентацией на ученика средних способностей, но в дальнейшем они значительно усложнились в связи с повышением квалификационных требований к военно-морскому специалисту. Командованию военного учебного заведения было категорически запрещено вводить в учебный план новую дисциплину без наличия учебных пособий или опорных конспектов по дисциплине, а также без тщательно разработанного учебного плана. Повышенные требования были предъявлены и к дисциплине. Они заключались в следующем:

на занятиях необходимо сидеть прямо, заложив руки за спину (таким образом формировалась выправка будущего морского офицера);

без разрешения не позволялось класть руки на стол, книгу или тетрадь, а при необходимости ученик поднимал руку и спрашивал разрешения.

В качестве мер наказания применялись приказы стоять неподвижно в течение некоторого времени, вывод учащегося из класса за дверь, плохая оценка, запись в классном журнале, что влекло за собой лишение сладкого блюда в воскресенье, жалобу инспектору и порку розгами [3, с. 87]. Окончательно содержание образовательных реформ было доработано в 1863 г., когда и было дано разрешение на внедрение нововведений на флотах и в военных округах.

Подготовка военно-морских специалистов до 1869 г. осуществлялась без единой учебной программы, но в сфере проведения реформ уже в 1869–1870 учебном году созданная унифицированная учебная программа включала в себя: изучение Закона Божьего, русского и церковно-

славянского языков, французского и немецкого языков, математики, политической истории, географии, всеобщей и русской истории, физики и космографии, а также начальных понятий из курса физиологии и «начертательных искусств» (чистописания, рисования, геометрии) [3, с. 88]. Периодически менялось и количество часов, отводимых на определенную дисциплину. Несмотря на то, что особое внимание уделялось преподаванию физики и математики, гуманитарный цикл никогда не отходил на второй план. Курс русского и церковно-славянского языков включал в себя синтаксический разбор текстов, орфографию, этимологию, изучение образцов словесности, церковно-славянскую грамматику, чтение Евангелия с анализом языковых форм и флексий. Курс литературы предполагал знакомство с творчеством М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, чтение первой части «Илиады» и «Макбета». Иностранные языки изучались в пределах основ грамматики и письменного перевода. Математический цикл включал в себя: арифметику (дроби и действия над ними), алгебру (до логарифмов), геометрию (планиметрию и стереометрию до конических сечений, тригонометрию). В курс географии входили основы физической географии, а также география Европы и России, которая предусматривала изучение этнографии, промышленности и сельского хозяйства. Программа по истории включала русскую и всеобщую историю, охватывая период с XI до середины XIX в. В курс обучения входили также основы геологии и ботаники. Автор учебной программы российский ученый-зоолог, гидробиолог, профессор К. К. Сент-Илер нередко подвергался критике учителей по поводу чрезмерной насыщенности программы, однако он сумел обосновать необходимость всестороннего развития личности в ходе воспитания элиты российского общества – офицеров военно-морского флота [4].

Чтобы улучшить качество обучения, методисты успешно применили дидактический принцип, то есть принцип систематичности и последовательности, предусматривавший полное освоение предмета. Поощрялись также активность и самостоятельность гимназистов, что должно было положительно повлиять на изменение качества преподавания в целом и естественно облегчить гимназистам «прохождение» учебных предметов [3, с. 90].

Для младших классов кадетских корпусов и юнкерских училищ был специально разработан курс «элементарных знаний» с тем, чтобы заложить основу для дальнейшего систематического изучения отдельных дисциплин [5]. Вести эти

занятия должен был один учитель, который по истечении определенного времени уведомлял педагогический комитет об успехах того или иного ученика (данная информация учитывалась при дальнейшем распределении детей по специальностям).

В старших классах учителя стремились сочетать лекционную и практическую подачу материала с беседами, задавая вопросы в ходе занятий и выслушивая ответы тут же в классах; все большую популярность приобретала и система использования наглядных пособий. Это сокращало время на выполнение домашних заданий, так как материал усваивался в основном на уроках. В отличие от кадетских корпусов в военных гимназиях педагоги стремились избегать излишней опеки над учащимися: руководство хотело приучить гимназистов к самостоятельности как в учебе, так и в быту. Домашние задания со временем стали распределять по классам: в 1-м – по одному предмету в день, во 2-м – по два и т. д. В младших классах вместо экзаменов практиковали своеобразную проверку в виде так называемых «репетиций», состоявших из сочинений, контрольных работ, иногда устных ответов на вопросы по пройденному материалу. И хотя такая форма проверки знаний действовала менее эффективно, чем экзамены с билетами и экзаменационными комиссиями, это в значительной степени помогало учащимся «влииться» в учебный процесс. С 1874 г. необходимо было сдавать конкурсные экзамены, но система еще кардинально отличалась по содержанию от «классической» процедуры.

Инновационным в области военного образования было решение создать специальный надзорный орган – Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ), начавший свою деятельность в 1863 г. В круг задач ГУВУЗ входило осуществление контроля за методической работой и учебно-воспитательной деятельностью в военно-учебных заведениях Российской империи в целях создания унифицированной системы требований к качеству подготовки военного специалиста [6]. Так, ГУВУЗ осуществляло контроль за качеством учебно-методической литературы и наглядных пособий; инициировало проведение регулярных педагогических съездов и семинаров с целью распространения педагогического опыта; занималось вопросами организации мероприятий по повышению квалификации педагогов и офицеров-воспитателей; принимало участие в создании системы аттестации педагогического состава; осуществляло выпуск регулярного периодического издания «Педагогический сборник», обобщавшего и распространявшего опыт лучших

в обучении и воспитании офицерских кадров и всего передового, имевшегося в педагогической области в России и за рубежом [3, с. 91].

Параллельно с усовершенствованием академической составляющей обучения в военно-морских учебных заведениях на первый план стала выдвигаться проблема духовно-нравственного и патриотического воспитания будущих специалистов. Учитывая актуальность данного вопроса, редакция ежемесячного журнала «Морской сборник», издаваемого Морской Коллегией, одной из первых на своих страницах инициировала обсуждение проблемы нравственного воспитания и предложила обзоры регулярных педагогических изданий. Так, из «Морского сборника» читатели узнали о существовании такого периодического издания, как «Журнал для воспитания» – руководства не только для преподавателей, но и для родителей, чья роль в воспитании ребенка являлась не менее значимой, чем авторитет педагога-наставника кадетского корпуса или военной гимназии. «Прошло то время, когда у нас под воспитанием подразумевали одно только приготовление детей к обучению в казенных учебных заведениях, когда все заботы родителей заключались только в том, чтобы сдать с рук ребенка и освободиться от попечений о дальнейшей судьбе. Теперь уже поняли, что как бы ни было хорошо организовано общественное воспитание, оно не достигает цели, если не основано на прочем домашнем воспитании. Наставники и преподаватели могут с успехом развивать и совершенствовать только то, что при благотворном влиянии семейной жизни посеяно под кровом родительским» [7, с. 82].

Однако, несмотря на строгое исполнение требований программ и правил педагогической дисциплины, некоторые преподаватели и воспитатели отмечали, что, результаты их трудов не всегда оказывались удовлетворительными. Зачастую молодые преподаватели военных училищ жаловались на то, что их старшие коллеги неохотно делились педагогическим опытом, в связи с чем было бы крайне актуально в целях усовершенствования системы духовно-нравственного воспитания будущих патриотов, представителей военно-морской элиты Российской империи, знакомить молодых педагогов с актуальными вопросами в данной области и предоставлять преподавателям возможность следить за достижениями педагогической науки, осваивать новые методы работы. «Приступая к изданию нового в нашем отечестве Журнала, Редакция понимает всю важность своих обязанностей в отношении к публике, воспитателям и преподавателям. Получив одобрение со стороны некоторых известных

педагогов, она [Редакция] в то же время будет привлекать к работе и публикациям молодых деятелей и потому открывает журнал для всех, кому дорог предмет воспитания. В надежде на одобрение публики и на содействие со стороны наших преподавателей и людей знакомых с педагогической наукой, Редакция будет способствовать тому, чтобы журнал удовлетворял всем современным требованиям в великом деле воспитания» [7, с. 84].

Вопрос о преобразовании системы духовно-нравственного воспитания в морских учебных заведениях активно обсуждался и в кругах высшего морского начальства.

Недостатком системы духовно-нравственного воспитания в военно-морских заведениях России дореформенного периода считалась методика так называемого «отрицательного воспитания», которая заключалась в стремлении отыскивать отрицательные качества в воспитанниках и преследовать их за это различными наказаниями. Руководство учебных заведений воспринимало поступающих как потенциально обладавших всеми нравственными пороками дворянства и полагало, что в результате принимаемых ими мер они исчезнут. Но система в большинстве случаев не оправдывала себя. Большинство педагогов направлялось для работы в кадетских корпусах из действующих воинских частей с преобладавшей там системой жесткой муштры, а при отсутствии педагогических знаний преподавателей система приносила отрицательный результат. Воспитательный процесс был регламентирован до мелочей. Основная обязанность педагога-воспитателя состояла в неустанном наблюдении за поведением кадетов. Сведения о проступках фиксировались в Аттестационной тетради, форма которой была утверждена Главным штабом. Тем не менее, прежде чем сделать подобную запись, офицер-воспитатель должен был обсудить проступок с коллегами. Воспитательный комитет ежемесячно просматривал тетради.

Впоследствии, реформируя систему духовно-нравственного воспитания, военные педагоги пришли к выводу, что эффективность воспитания и гармония в развитии личности достигаются при воздействии на воспитуемого трех сред – церковной, государственной и семейной. Таким образом, задачей воспитания являлось как раскрытие интеллектуальных способностей, так и формирование высоких моральных качеств. В целях гармоничного развития личности, по мнению представителей высшего морского начальства, было необходимо «изучать литературу как учебный предмет для извлечения положительных примеров, грамматический анализ – для

развития умения логически мыслить, английский язык как язык международного морского общения, а также переводить с иностранного языка на русский, что приучает к четкости выражения мыслей» [3, с. 85].

Так, формирование системы подготовки морского специалиста происходило в довольно противоречивых исторических условиях. Обязательным требованием к квалификации специалиста принципиально нового уровня являлось безупречное знание стратегии, морской тактики, военно-морской истории, гидрографии, навигации, морского оружия. Важное место в системе предъявляемых квалификационных требований отводилось высоким моральным и патриотическим качествам. В 1896 г. был сделан окончательный шаг в становлении многоуровневой системы военно-морского образования [8]. Изменения произошли и в сфере финансирования военно-морских учебных заведений. Отдельной строкой предусматривались дополнительные деньги на финансирование нововведений, внедряемых в учебный процесс [9].

Историко-педагогический опыт формирования системы военного, в частности военно-морского, образования используется и в наше время. Остается актуальной концепция многоуровневой подготовки офицерских кадров (от первичного офицерского звания до офицера оперативно-тактического уровня); дифференциация обучения по критерию успеваемости, что является важным фактором при рассмотрении кандидатуры к назначению на должности; идея формирования

творческой личности, способной к самовоспитанию и самообразованию; повышенное внимание к духовно-нравственному воспитанию.

Список литературы

1. *Королев М. А.* Преобразование армии и флота Российской империи в контексте военных реформ : вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 214 с.
2. *Алехин И. А., Чистяков А. В.* Система военного образования в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2011. 241 с.
3. *Путятин Е. В.* Соображения об устройстве морского воспитания на новых началах // Морской сборник. 1859. Ноябрь. Т. XLIV, № 11. С. 85–92.
4. *Данченко В. А., Калашиников Г. Н.* Школа русской военной элиты. Центрполиграф. 2007. 463 с.
5. *Гурковский В. А.* Кадетские корпуса в России (XVIII – начало XX вв.) // Образование и общество. 2002. № 1. С. 19–24.
6. *Дрозд Е. В., Свиридов В. А., Чухлебова И. А.* Роль Главного управления военно-учебными заведениями в руководстве учебно-воспитательным процессом военно-учебных заведений России // Вестн. Воронежского Военного авиационного инженерного ун-та. 2010. Т. 2, № 2. С. 204–214.
7. Обзор педагогической литературы // Морской сборник. 1857. Январь. Т. XXVII. № 1. С. 81–84.
8. *Захарова Е. Г.* Основные тенденции развития системы морского образования в России конца XIX – начала XX веков // Морское образование. 2011. № 2. С. 248–255.
9. *Яковлева Л. В.* Система воспитания будущих офицеров в военно-учебных заведениях Российской империи // Инновации в образовании. 2010. № 10. С. 129–137.

Образец для цитирования:

Дельвиц Н. А. Изменение содержания морского образования в связи с проведением в России военной реформы в 1860–1870-х годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 103–107. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-103-107>

Changes of Marine Education Content in Connection with Military Reforms in Russia in the 1860s-70s

N. A. Delvig

Natalya A. Delvig, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya Str., Sevastopol 299026, Russia, natad1313@yandex.ru

The period of the second half of the 19th century is described as the period of significant changes in almost all spheres of social and political life. The reforms of 1860-70es stimulated capitalist relationship, fortifying the defensive potential of the state and influencing directly the change of military educational concept. Thus, the article examines the influence of political and military reformations of the 1860–70ies on the development of marine education in Russia. The article substantiates the influence of significant historic events on the process of modernization of military education contents in

educational establishments of various levels, as well as increasing the effectiveness of teaching and upbringing process. The realization of research tasks was achieved on the basis of the following methodological approaches: a systematic approach that allows to obtain complete information about the change in the contents of education; a theory of social conditioning of marine education, that makes it possible to identify socio-pedagogical conditions for upbringing and educating future naval officers; the psychological and pedagogical concept of activity that plays the dominating role in the process of creating the personality of the future naval officer. As a result of the analysis it is possible to conclude that in the reviewed period, in order to prepare qualified seamen, radical actions were taken to optimize military marine specialists training and education, taking into consideration the requirements of technical progress as well as their high social status.

Keywords: military reformation, educational activities, training programs, methodological support, military educational institutions.

References

1. Korolyov M. A. *Preobrazovaniye armii i flota Rossiyskoy imperii v kontekste voyennykh reform: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [The Russian Empire Army and Navy Transformation in the Context of Military Reforms: The Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries]. Diss. Cand. Sci. (Historical). Moscow, 2009. 214 p. (in Russian).
2. Alyokhin I. A., Chistyakov A. B. *Sistema voyennogo obrazovaniya v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The System of Military Education in the Russian Empire (The Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century)]. Moscow, 2011. 241 p. (in Russian).
3. Putyatin E. V. Considerations on the Organization of Maritime Education on a New Basis. *Morskoy sbornik* [Marine Journal], 1859, November, vol. 54, no. 11, pp. 85–92 (in Russian).
4. Danchenko V. A., Kalashnikov G. N. *Shkola russkoy voyennoy elity* [School of the Russian Military Elite]. Tsentrpoligraf, 2007. 463 p. (in Russian).
5. Gurkovsky V. A. Cadet Schools in Russia (XVIII – Early XX Centuries). *Obrazovaniye i obshchestvo* [Education and Society], 2002, no. 1, pp. 19–24 (in Russian).
6. Drozd E. V., Sviridov V. A., Chuchlebova I. A. The Role of the Military Educational Institutions Main Directorate in the Educational Process Supervision in the Military Educational Institutions in Russia. *Vestnik Voronezhskogo Voyennogo aviatsionnogo inzhenerenogo universiteta* [Bulletin of Voronezh of the Military Aviation Engineering University], 2010, vol. 2, no. 2, pp. 204–214 (in Russian).
7. Review of Educational Literature. *Morskoy sbornik* [Marine Journal], 1857, vol. 27, no. 1, January, pp. 81–84 (in Russian).
8. Zakharova E. G. Main Tendencies of Marine Education Development in Russia in the Late XIX Early XX Centuries. *Morskoye obrazovanie* [Marine Education], 2011, no. 2, pp. 248–255 (in Russian).
9. Yakovleva L. V. The system of education of future officers in military schools of the Russian Empire. *Innovatsii v obrazovani* [Innovations in Education], 2010, no. 10, pp. 129–137 (in Russian).

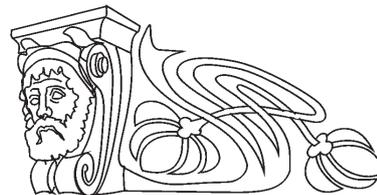
Cite this article as:

Delvig N. A. Changes of Marine Education Content in Connection with Military Reforms in Russia in the 1860s-70s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 103–107. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-103-107>

УДК 377.8

Профессиональная успешность учителя: теоретический анализ понятия и возможности развития в системе дополнительного профессионального педагогического образования

Г. И. Железовская, В. П. Жуковский, Н. А. Жуковская

Железовская Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sgu.pedagogika@yandex.ru

Жуковский Владимир Петрович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-инновационной деятельности, Саратовский областной институт развития образования, vl0971@mail.ru

Жуковская Нина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования, Саратовский областной институт развития образования, zhna73@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы профессиональной успешности учителя, актуальность которых обуславливается спецификой и тенденциями развития социально-профессионального пространства, требующего от него готовности к актуализации личностных и профессиональных преимуществ в условиях современной социокультурной среды. Анализируются научные труды отечественных авторов, отражающие сущностные и содержательные характеристики профессиональной успешности учителя, на основе которых определяются базовые составляющие профессиональной успешности, представленные профессиональной компетентностью, свободой педагогических действий и ответственностью за результаты педагогического труда, стрессоустойчивостью. Установлено, что развитие профессиональной успешности учителя в условиях современных социально-профессиональных реалий является приоритетной задачей, решение которой имеет высокую личностную значимость для учителя, способствует повышению эффективности педагогической деятельности и достижению качества образования. Рассматриваются возможности системы дополнительного профессионального педагогического образования для развития профессиональной успешности учителя в содержательном, организационно-функциональном и личностном аспектах с ориентацией на основные доминанты развития самой системы постдипломного педагогического образования.

Ключевые слова: профессиональная успешность, профессиональная компетентность, свобода, ответственность, устойчивость, стрессоустойчивость.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-108-112>

В современных условиях модернизационные процессы, происходящие в нашей стране, затрагивают все сферы общественных отношений,

ориентируя на реализацию модели устойчивого развития. Особая роль в данном процессе отводится системе образования, выступающей одним из приоритетных социальных институтов государства, призванной обеспечить гармоничное формирование личности обучающегося, способного к активной жизни и деятельности в современной событийной среде. При этом одной из приоритетных задач, обозначенных в Государственной программе РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы», утвержденной распоряжением Правительства РФ 22.11.2012 года № 2148-р, является организация эффективного процесса, направленного на социализацию и самореализацию подрастающего поколения, развитие его личностного потенциала [1].

Безусловно, субъектная ориентация образовательной парадигмы, инновационные стратегические ориентиры развития образования в нашей стране, новые горизонты профессиональной деятельности педагогических работников существенным образом изменяют роль учителя, который сегодня, наряду с глубокими знаниями и умениями в соответствующей предметной области, должен обладать способностью к демонстрации успешных образцов поведения в условиях современной социокультурной среды, готовностью к вариативности когнитивных и поведенческих моделей в процессе организации педагогической деятельности. Очевидно, что в данном процессе учитель «превращается» из носителя социального опыта и «репродуктора» знаний в активного субъекта и агента социализации, который ориентирует обучающихся на раскрытие своей индивидуальности, актуализацию внутриличностных ресурсов и саморазвитие. В соответствии с этим учитель должен быть вариативен в своем поведении, свободен в реализации педагогических новаций и выстраивании маршрутов педагогической деятельности, устойчив в современном социально-профессиональном пространстве, а следовательно, обладать конкурентоспособностью и профессиональной успешностью.

Обращаясь к понятию «профессиональная успешность учителя», Н. В. Самоукина отмечает,

что успешность профессиональной деятельности определяется в первую очередь достижением личностно-профессиональной, субъективно значимой и профессионально востребованной цели или преодоления факторов, препятствующих ее достижению [2]. Автор рассматривает профессиональную успешность учителя, с одной стороны, как внешнее по отношению к личности педагога образование, предполагающее профессиональное признание со стороны социально-профессионального окружения в части одобренного обществом результата профессиональной деятельности. С другой стороны, профессиональная успешность представляет собой личностную характеристику, ориентирующую на признание самим учителем профессиональных достижений, осознание себя как субъекта педагогической деятельности, способного на основе сформированной профессиональной компетентности к эффективной трансляции педагогического опыта, обладающего готовностью к реализации новых моделей ролевого поведения, основанной на свободе выбора, ответственности за принимаемые решения, устойчивости к воздействию неблагоприятных факторов внешней среды.

По нашему мнению, именно внутриличностная составляющая служит основной детерминантой профессиональной успешности учителя, элементы которой (профессиональная компетентность, свобода педагогических действий, ответственность и стрессоустойчивость) выступают индикаторами профессиональной состоятельности учителя, эффективности педагогической деятельности, основными мотиваторами социально-профессионального саморазвития.

Очевидно, что эффективность профессиональной деятельности учителя определяется уровнем сформированности у него профессиональной компетентности, обеспечивающей актуализацию знаний предметной области, личностно-профессиональных качеств, готовности к выстраиванию конструктивных ролевых маршрутов. Э. Р. Скорнякова, Л. А. Флоренкова [3] профессиональную компетентность учителя характеризуют с позиции качества его действий, которые обеспечивают решение профессионально-педагогических проблем, обусловленных различными педагогическими ситуациями, с использованием имеющейся профессиональной квалификации, жизненного и профессионального опыта. Иными словами, профессиональная компетентность учителя представляет интегративное единство его теоретической подготовленности и практической готовности к организации педагогической деятельности и включает следующие компоненты: 1) уровень

актуализации знаний, умений и навыков, готовность к восприятию, обработке новой информации в связи с вероятностью изменения траектории деятельности; 2) когнитивно-поведенческую готовность, проявляющуюся в способности педагога к освоению новых знаний, приобретению опыта, модификации поведенческого маршрута и регуляции своего поведения; 3) креативную готовность, предполагающую способность педагога к организации самостоятельной поисковой деятельности, использованию инновационных подходов к решению профессиональных задач в условиях вариативности индивидуального маршрута педагогической деятельности; 4) нравственно-коммуникативную готовность, обеспечивающую способность педагога к организации продуктивного взаимодействия с другими участниками образовательных отношений на основе соблюдения нравственно-этических и правовых императивов профессиональной деятельности, осознания профессионального долга и персональной ответственности за результаты педагогического труда [4].

В соответствии с позицией Г. В. Кравец [5] профессиональная компетентность учителя представляет собой основное личностное свойство, обеспечивающее продуктивное взаимодействие с субъектами профессионального пространства за счет активного задействования имеющегося массива профессиональных знаний, умений, навыков, социального и личного опыта в рамках нормативно предоставленных полномочий.

В условиях интенсификации педагогической деятельности важная роль отводится способности учителя четко реагировать на изменение обстановки, принимать взвешенные и обоснованные решения, с одной стороны, находясь в нормативно обусловленном поле сферы профессионального труда и обладая свободой педагогического выбора, а с другой – проявляя ответственность за качество процесса и результата собственного педагогического труда, деятельности других субъектов образовательных отношений. В этой связи весьма значимыми элементами профессиональной успешности учителя являются свобода педагогических действий и ответственность за их результаты, четкое осознание учителем их границ в процессе организации и осуществления педагогической деятельности.

В. Н. Кодин [6], указывая на тесную связь свободы и ответственности в педагогической деятельности, справедливо полагает, что свобода педагогических действий в своей пиковой фазе выступает как осознание учителем желаемого и должного, признание ответственности за качество и целесообразность принимаемых

управленческих решений. Границы свободы и ответственности учителя детерминированы его социально-профессиональным статусом в соответствии с профессиональным стандартом, определяющим права и обязанности по реализации педагогических функций, что позволяет ему осуществлять педагогические действия самостоятельно, используя свой социально-профессиональный опыт, вместе с тем определяя и пределы приложения педагогических усилий, задавая ориентиры ответственности в социально-правовом и нравственно-этическом аспектах.

Исходя из этого, свобода в педагогической деятельности является свободой долженствования и характеризуется избирательной активностью учителя в осуществлении определенных педагогических действий в соответствии с уровнем его профессиональной компетентности в поле действия принципов целесообразности, достаточности и нормативной обусловленности (Г. В. Атаманчук [7]). В свою очередь, данные принципы ориентируют на актуализацию механизмов внутриличностного контроля учителя за его действиями и возможными последствиями принимаемых педагогических решений, что относится к плоскости ответственности. В этой связи свобода в педагогической деятельности определяется ответственностью учителя за сделанный педагогический выбор в связи с полномочиями, предоставленными ему для организации педагогической деятельности, ее регуляции в системе принятых в обществе правовых и нравственных императивов.

Продолжая наши исследовательские рассуждения относительно феномена профессиональной успешности учителя, отметим, что педагогическая деятельность сопровождается воздействием значительного количества стрессогенных факторов, природа которых весьма разнообразна и охватывает весь спектр отношений в образовательной среде (информационная насыщенность, сложность и противоречивый характер педагогической деятельности; наличие временного и ресурсного дефицита; жесткий, ненормированный регламент работы, ее стереотипизация; высокий уровень ответственности за результаты педагогической деятельности; особый характер внутриорганизационных социальных контактов; большая вероятность возникновения конфликтных ситуаций и т.п.). Поэтому в условиях данных реалий профессионально успешным может считаться учитель, обладающий устойчивостью к воздействию приведенных выше и других неблагоприятных факторов среды, способный к сохранению психической и поведенческой стабильности в различных ситуациях образовательного пространства. В на-

учных исследованиях (В. В. Гузь, Т. В. Осадчая, А. В. Бузмакова) устойчивость трактуется с позиций интеграции личностных и профессиональных качеств учителя, системность проявления которых обеспечивает его профессиональную успешность в социальном пространстве.

В Большом психологическом словаре (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко [8]) определяются различные виды устойчивости, которые так или иначе находят отражение в деятельности учителя: 1) помехоустойчивость, отражающая готовность учителя к осуществлению педагогической деятельности в условиях вариативности нормативного поля системы образования, расширения объема поступающей информации, модификации применяемого инструментария, динамичности образовательного процесса, что в определенной степени можно отнести к помехам в деятельности; 2) трансситуативная устойчивость учителя определяется его готовностью к демонстрации продуктивных поведенческих стратегий, направленных на использование управленческих механизмов, позволяющих обеспечить личностную стабильность в условиях возникновения разнообразных педагогических ситуаций, несущих потенциальную угрозу для эффективной профессиональной деятельности и психофизиологической целостности личности; 3) эмоциональная устойчивость анализируется с точки зрения готовности учителя к осуществлению внутреннего контроля интенсивности переживаемых чувств посредством активизации эмоционального, интеллектуального, мотивационного и волевого компонентов психики для реализации педагогической деятельности в сложных ситуациях; 4) нравственная устойчивость проявляется в готовности учителя следовать нормам профессиональной этики с ориентацией на требования долга и осознании личной ответственности за результаты труда и используемый методический инструментарий [4].

Получая актуализацию в педагогической деятельности, перечисленные виды устойчивости представляют интегративную систему, основу которой составляет стрессоустойчивость как системное качество личности учителя. Его стрессоустойчивость проявляется в мотивации педагогической деятельности, направленности личности на обеспечение психофизиологической стабильности в сложных ситуациях педагогического труда, активизации психических познавательных процессов с целью «фильтрации» информационных потоков, поступающих из внешней социальной среды, актуализации поведенческо-регуляционных механизмов на основе владения стратегиями и методами антистрессовой защиты.

Рассмотрев базовые характеристики профессиональной успешности учителя, отметим, что для ее развития большой содержательно-процессуальный потенциал имеет система дополнительного профессионального педагогического образования. Именно в данной системе, как отмечает Э. М. Никитин [9], сосредоточены инновационные ресурсы для развития личности учителя в соответствии с новыми реалиями. При этом к ключевым особенностям системы дополнительного профессионального педагогического образования относятся оперативность, динамичность, вариативность, способность к гибкому и мобильному реагированию на педагогические новации, трансформации дополнительных профессиональных программ в связи с возникновением новых нормативных, содержательных и инструментальных механизмов в системе образования, готовность к реализации непрерывной траектории профессионального развития учителя в соответствии с социальными приоритетами и личностными потребностями.

В этой связи система дополнительного профессионального педагогического образования позволяет осуществить следующие функции:

в содержательном аспекте – разработку и реализацию дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, отвечающих нормативным требованиям и индивидуальным приоритетам с ориентацией на практико-прикладной характер содержания;

в организационно-функциональном аспекте – ориентацию образовательного процесса на обеспечение индивидуального маршрута развития каждого учителя с учетом личностно-профессиональных способностей;

в личностном аспекте – стимулирование учителей на формирование антропологических ценностей, гарантирующих создание бесконфликтной образовательной среды, сохранение целостности личности с акцентом на ее саморазвитие.

В условиях современных социокультурных реалий основными доминантами развития системы дополнительного профессионального педагогического образования выступают следующие:

создание единого информационно-образовательного пространства дополнительного профессионального педагогического образования с целью унификации деятельности организаций, входящих в данную систему, обеспечения качества и непрерывности дополнительного профессионального образования педагогов;

обновление содержания образования с ориентацией на инновационные векторы развития системы дополнительного профессионального образования и потребности социума;

технологическое обновление системы дополнительного профессионального педагогического образования за счет определения ее «скрытых возможностей» и точек роста;

долгосрочное прогнозирование сценариев развития кадрового потенциала региональных образовательных систем путем мониторинга перспективного спроса на педагогические кадры, разработка в этой связи моделей функционирования и развития системы дополнительного профессионального педагогического образования и ее отдельных компонентов;

обновление подходов к мониторингу результатов профессионального развития педагогов и качества образования в проекции сформированности у них профессиональных компетенций по итогам освоения дополнительных профессиональных программ и уровня личностно-профессионального развития.

Подводя итог изложенному, отметим, что в настоящей статье мы предложили авторское видение исследования проблемы профессиональной успешности учителя в проекции характеристик ее базовых личностных составляющих и возможностей развития в образовательном пространстве системы дополнительного профессионального педагогического образования. Очевидно, что проблемное пространство данного феномена открыто для научных поисков и нуждается в дальнейших теоретических и прикладных исследованиях, определении технологий развития профессиональной успешности учителя в условиях современного социума.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013 – 2020 годы» (утверждена Постановлением Правительства РФ 22.11.2012 г. № 2148 в ред. от 15.04.2014 № 295).
2. Самоукина Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности М., 1999. 351 с.
3. Скорнякова Э. Р., Флоренкова Л. А. Профессиональная успешность педагога при внедрении ФГОС нового поколения // Управление инновациями : теория, методология, практика. 2015. № 12. С. 133–137.
4. Дорофеев А. Профессиональная компетентность как показатель качества образования // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 30–33.
5. Кравец Г. В. Социально-коммуникативная компетентность как ключевая компетентность в профессиональном становлении психолога // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 5. С. 60–64.
6. Кодин В. Н., Литягина С. В. Как работать над управленческим решением. Системный подход : учеб. пособие. М., 2008. 192 с.

7. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд., стер. М., 2006. 584 с.
8. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб., 2005. 672 с.
9. Никитин Э. М. Дополнительное педагогическое образование в XXI веке (из доклада на Всероссийской конференции 29 мая 2001 г.) // Методист. 2001. № 2. С. 2–9.

Образец для цитирования:

Железовская Г. И., Жуковский В. П., Жуковская Н. А. Профессиональная успешность учителя: теоретический анализ понятия и возможности развития в системе дополнительного профессионального педагогического образования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 108–112. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-108-112>

**Professional Success of a Teacher:
A Theoretical Analysis of the Concept and Development
Opportunities in the System of Additional Professional
Pedagogical Education**

G. I. Zhelezovskaya, V. P. Zhukovsky, N. A. Zhukovskaya

Galina I. Zhelezovskaya, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410002, Russia, sgu.pedagogika@yandex.ru

Vladimir P. Zhukovsky, Saratov Regional Institute Development of Education, 1 Bolshaya Gornaya Str., Saratov 410031, Russia, vl0971@mail.ru

Nina A. Zhukovskaya, Saratov Regional Institute Development of Education, 1 Bolshaya Gornaya Str., Saratov 410031, Russia, zhna73@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the problem of professional success of the teacher. The urgency of the problem is determined by the specifics and trends in the development of the socio-professional space, which requires from the teacher to be ready to actualize personal and professional advantages in the conditions of the modern socio-cultural environment and in accordance with the requirements imposed on the teacher's professional functionality. The authors analyze the investigations of the domestic researchers which reflect the essential and meaningful characteristics of the teacher's professional success. These characteristics identify the basic components of professional success that are represented by professional competence, freedom of pedagogical actions, responsibility for the results of the pedagogical work, and stress tolerance. According to the results of the study, it has been established that the development of professional success of the teacher in the context of modern social and professional realities is a priority task, the solution of which has a high personal significance for the teacher and contributes to the improvement of pedagogical activity and the achievement of quality education. The possibilities of the system of additional professional pedagogical education for the development of the teacher's professional success in terms of content, organizational, functional and personal aspects with an orientation to the main dominants of the development of the system of postgraduate pedagogical education are analyzed.

Keywords: professional success, professional competence, freedom, responsibility, stability, ability to handle stress.

References

1. The State Program of the Russian Federation «Development of education for 2013–2020» (Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 295) (in Russian).
2. Samoukina N. V. *Psikhologiya i pedagogika professionalnoy deyatel'nosti* [Psychology and Pedagogy of Professional Activity]. Moscow, 1999. 351 p. (in Russian).
3. Skornyakova E. R., Florenkova J. A. Professional Success of a Teacher when Introducing the GEF of a New Generation. *Upravlenie innovatsiyami: teoriya, metodologiya, praktika* [Innovation Management: Theory, Methodology, Practice], 2015, no. 12, pp. 133–137 (in Russian).
4. Dorofeev A. Professional competence as an Indicator of the Quality of Education. *Iysshie obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2009, no. 4, pp. 30–33 (in Russian).
5. Kravets G. V. Socio-Communicative Competence as a Key Competence in the Professional Development of a Psychologist. *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Buryat State University], 2013, no. 5, pp. 60–64 (in Russian).
6. Kodin V. N., Lityagina S. V. *Kak rabotat nad upravlencheskim resheniem. Sistemnyy podkhod: ucheb. posobie* [How to Work on a Management Decision. System Approach: Studies. Manual]. Moscow, 2008. 192 p. (in Russian).
7. Atamanчук G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: kurs lektsiy* [Theory of Public Administration: a Course of Lectures]. 4th ed. Moscow, 2006. 584 p. (in Russian).
8. *Bolshoy psikhologicheskiy slovar* [Large Psychological Dictionary]. Comp. and total ed. B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. St. Petersburg, 2005. 672 p. (in Russian).
9. Nikitin E. M. Additional Pedagogical Education in the XXI Century (from the Report at the All-Russian Conference on May 29, 2001). *Metodist* [Methodologist], 2001, no. 2, pp. 2–9 (in Russian).

Cite this article as:

Zhelezovskaya G. I., Zhukovsky V. P., Zhukovskaya N. A. Professional Success of a Teacher: A Theoretical Analysis of the Concept and Development Opportunities in the System of Additional Professional Pedagogical Education. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 108–112. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-108-112>

УДК 372.851

Учить логике будущих учителей математики (часть I)

В. И. Игошин

Игошин Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, igoshinvi@mail.ru

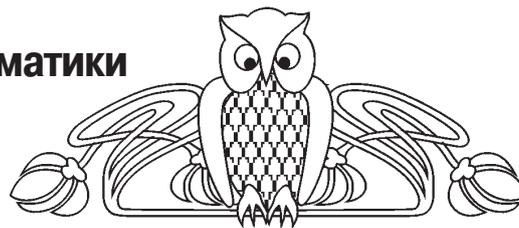
В статье обсуждается проблема формирования логических компетенций будущих учителей математики как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры. Логика рассматривается в трех аспектах – классическая аристотелевская логика, современная математическая логика и ее применение к аристотелевской логике, неклассические логики. Предлагается ряд мер, связанных с содержанием логической подготовки будущих учителей математики и направленных на совершенствование этой подготовки с целью повышения логической и общей профессиональной компетентности учителей математики, выпускаемых педагогическими и классическими университетами.

Ключевые слова: учитель математики, подготовка учителя математики, логическая компетентность будущих учителей математики, аристотелевская логика, математическая логика, неклассические логики.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-113-117>

Введение

В статье Н. Х. Розова «Логика и школа» поднимается важная проблема математического образования школьников, напрямую и тесно связанная с подготовкой будущих учителей математики. Автор считает, что «нужно обеспечить целенаправленное ознакомление школьников с основными классическими универсальными законами мышления, добиваться, чтобы учащиеся их понимали и умели применять в своей деятельности. Однако наша школа фактически не уделяет внимания систематическому воспитанию логического мышления учащихся. В школе отсутствует целостный курс логики, и в этом один из печальных недостатков нашего среднего образования» [1, с. 143]. Далее автор утверждает, что «школьный курс математики ни в коей мере не покрывает общую логику мышления, а затрагивает лишь некоторые, весьма фрагментарные моменты ее специфической части – математической логики» [1, с. 144]. Следовательно, для того, «чтобы привести ум в порядок», математику изучать необходимо, но не достаточно». «Воспитание подлинной логической культуры должно быть отдано дисциплине “Логика”, содержащей основы науки, которая веками занималась этим» [1, с. 149].

Все же автор полностью не отрицает роли и значения курса математики в воспитании логического мышления учащихся: «Будем объективны: конечно же, школьная математика в определенном смысле действительно вносит свой вклад в развитие у учащихся умения рассуждать, делать правильные выводы, обосновывать утверждения. Ведь она неотделима от логических математических построений, подспудно опирается на “общелогические” законы. Но с сожалением заметим: это специально никогда явно не акцентируется, не объясняется и не развивается – ни на уроках, ни в учебниках. Увы, общелогические правила не обсуждаются даже тогда, когда в ходе математического доказательства появляется повод, возможность и даже необходимость о них поговорить специально». И вот здесь автор делает важнейший вывод: «Что, впрочем, не удивительно, ибо сами учителя математики с наукой “Логика” не знакомы» [1, с. 144].

Один из постулатов теории развивающего обучения гласит: обучение будет развивающим, если оно в сжатой, сокращенной форме воспроизводит действительный исторический процесс рождения и становления знаний. Что касается логики, то подобно тому, как арифметика возникла из потребности человечества считать, геометрия – измерять, так и логика была призвана решать еще одну практически важную для человечества задачу – исследовать процесс человеческого мышления.

Логика как наука началась с практического анализа мыслительного процесса, что гениально проделал ученик Платона Аристотель (384–322 гг. до Р.Х.), построив почти математическую модель этого процесса, которая более двух тысяч лет верой и правдой служила развитию всей последующей европейской научной цивилизации. Именно им впервые были выработаны научные представления об основных категориях логики – понятиях, суждениях и умозаключениях, даны характеристика и классификация суждений, доказано существование 19 типов правильных умозаключений специального вида, получивших название аристотелевских силлогизмов. На протяжении двух тысячелетий логика находилась в кругу идей и методов, очерченном Аристотелем. Эти идеи, методы и в

настоящее время не утратили своего значения и представляют не только исторический интерес.

Еще в древнегреческие времена логика вошла в математику, превратив ее в логичнейшую из наук. «Со времен древних греков говорить “математика” – значит говорить “доказательство”» [2, с. 23].

Математика и логика на протяжении многих веков развиваются в теснейшем взаимодействии. Более того, это их взаимодействие собственно и обуславливает эффективное и поступательное развитие каждой из этих областей знаний, поочередно периодически вызывая кризис в каждой из них и затем способствуя его преодолению. Кризисы были связаны с тем, что накопленные к этому моменту математические результаты не укладывались в традиционно сложившиеся допустимые рамки способов рассуждений и представлений о порядке вещей. Для преодоления возникших трудностей приходилось коренным образом перерабатывать общие основы и методологию практически всех математических теорий и, конечно, анализировать логические методы рассуждений и доказательств, логические основания математической науки. Развивающаяся математика выдвигала все новые и новые критерии строгости математических доказательств, стимулируя логику к ее развитию. В то же время развивающаяся логика помогала математикам находить выходы из возникавших математических тупиков, куда они попадали, следуя по лабиринтам логических рассуждений.

С XIX в. древняя наука логика обретает второе рождение: в нее входит математика, причем математические методы внедряются в логику не просто по форме, но и по существу. Начиная с работ Дж. Буля, логическая модель мыслительного процесса, созданная Аристотелем, наполнилась математическим содержанием. В новом своем качестве логика, с одной стороны, применила математические методы для изучения общих структур (форм) правильного мышления и тем самым оформилась как раздел математики. С другой стороны, она сделала предмет своего изучения процесс доказательства математических теорем, сами математические теории. Логика, таким образом, становится полноправным разделом математической науки – математической логикой. Математическая логика получила в XX в. такие результаты о методах рассуждений в области математики, о которых традиционная логика не могла и помыслить: она обозначила границы применимости главенствовавшего на протяжении двадцати веков, со времен древнегреческой цивилизации, основного метода

математики – аксиоматического метода. Эти результаты, полученные К. Геделем, А. Тьюрингом, А. Тарским, А. Черчем, без преувеличения можно считать важнейшими достижениями математической науки XX в.

Наконец, во второй половине XX в. обнаружилось необычайной эффективности прикладные возможности, казалось бы, сугубо теоретической и абстрактной науки – математической логики, которая оказалась тесно связанной с компьютерами, во многом обязанными ей своим появлением и функционированием. При этом методы математической логики оказались необходимы в компьютерной практике, с одной стороны, при создании самих компьютеров (методы математической логики составили тот математический аппарат, который используется при конструировании переключательных схем – основных элементов компьютерного “железа”), а с другой стороны, при создании математического (программного) обеспечения к ним (в основе многочисленных языков программирования лежат различные так называемые логические исчисления). Кроме того, синтез логики и компьютеров привел к возникновению баз данных и экспертных систем – важнейших этапов на пути к созданию искусственного интеллекта – машинной модели человеческого разума.

Большие прикладные возможности математической логики привели к тому, что об основах логики современные учащиеся как на уровне высшего, так и на уровне среднего образования узнают из курса информатики, где логика представлена в своем математическом выражении, в котором они совершенно не видят логики как науки о мышлении, рассуждениях и доказательствах. Особенно пагубна эта ситуация в случае подготовки будущих учителей математики, которые как раз и призваны в будущей педагогической деятельности учить своих учеников рассуждать и доказывать, к чему призывает и Н. Х. Розов.

Однако прежде чем будущие учителя начнут знакомить школьников с основными классическими универсальными законами мышления, необходимо самих будущих учителей ознакомить с этими законами, и в первую очередь учителей математики, да и другим учителям-предметникам знание законов логики будет очень полезно. Еще Мефистофель наставлял Фауста:

*«Употребляйте с пользой время.
Учиться надо по системе.
Сперва хочу вам в долг вменить
На курсы логики ходить.
Ваш ум, не тронутый доньше,*

*На них приучат к дисциплине,
Чтоб взял он направленья ось,
Не разбредаясь вкривь и вкось».*

И. В. Гете. «Фауст»

Восполнению этого существенного методологического пробела в образовании будущих учителей математики (как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры), обучающихся на математических факультетах педагогических и классических университетов, – изучению традиционной науки логики с использованием методов современной математической логики – и призван послужить рассматриваемый курс логики.

Итак, педагогическая задача состоит в том, чтобы научить традиционной логике, «которая веками занималась воспитанием подлинной логической культуры», будущих учителей математики. Тем не менее все сказанное убеждает в том, что современная логика немислима без ее математической составляющей, т. е. изучать в XXI в. логику без освоения хотя бы элементарных основ того, что дала ей математика, бессмысленно.

Традиционная логика с элементами математической логики

Фундаментом традиционной аристотелевской логики служит знаменитая аристотелевская триада категорий – понятие, суждение, умозаключение, характеризующая этапы мыслительного процесса и являющаяся методологической основой для построения математической модели процесса мышления, выражаемого на языке. При описании этих категорий с позиций математической логики используются два основных ее раздела – логика высказываний и логика предикатов [3–5]. Математизация начинается при изучении темы «Понятие», продолжается при прохождении темы «Суждение» и достигает наибольшей эффективности при изучении темы «Умозаключение».

Мыслительный процесс начинается с того, что предметы и явления окружающего мира мы называем некоторыми словами (терминами), обозначающими понятия, которые выделяют некоторый класс (множество) объектов посредством указания их признаков. Аристотель разработал теорию, как следует определять понятия и классифицировать их. Он ввел определения содержания и объема понятия и охарактеризовал классический способ его определения через ближайший род и видовые отличия. С точки зрения математической логики, признаки понятия представляют собой одноместные предикаты; совокупность признаков, составляющая

его содержание, есть результирующий предикат, являющийся конъюнкцией этих предикатов; наконец, объем понятия есть множество истинности этого результирующего предиката. С этого момента для описания традиционной логики к математической логике подключается современная теория множеств. Таким образом, в понятиях обобщаются знания об отдельных предметах и явлениях окружающего мира.

Второй этап процесса мышления – установление связей (отношений) между предметами и явлениями окружающего мира и формулирование этих связей в форме суждений. Суждение, или высказывание, – это предложение, которое что-либо утверждает или отрицает о том или ином предмете или явлении и о котором можно судить, истинно оно или ложно. Наличие у предложения значения истинности есть то характеристическое свойство, которое выделяет высказывания из класса всех предложений языка. Таким образом, всякое высказывание либо *истинно*, либо *ложно*, третьего не дано. Каждому истинному суждению (высказыванию) ставится в соответствие символ 1, каждому ложному – 0. Таким образом, первый шаг на пути построения математической модели процесса мышления, выражаемого на языке, состоит в том, что мы отвлекаемся (абстрагируемся) от конкретного содержания суждений, а оставляем от каждого суждения лишь одну его характеристику – истинностное значение, т. е. приходим к двухэлементному множеству $\{0, 1\}$.

В сочинении «Об истолковании» Аристотель дал классификацию суждений по количеству (общее, частное, единичное) и качеству (утвердительное, отрицательное) и, кроме того, разделил суждения на простые и сложные. *Простое суждение* – такое, ни одна связанная часть которого, в свою очередь, не является суждением. *Сложное суждение* имеет в своем составе другие суждения. Таким образом, в суждениях выражаются связи между понятиями.

С позиций математической логики сложные суждения устроены в определенном смысле проще, чем те, которые Аристотель назвал простыми. Это различие особенно ярко проявилось при анализе умозаключений с простыми и сложными суждениями. Сложные суждения моделируются первым разделом математической логики – логикой высказываний, простые – вторым ее разделом – логикой предикатов.

С точки зрения логики высказываний сложные суждения конструируются из простых с помощью языковых союзов «*не*», «*и*», «*или*», «*если ... , то ...*», «*тогда и только тогда*». Эти языковые действия над суждениями, обладаю-

щими теми или иными логическими значениями, приводят к новым суждениям, также имеющим какие-то логические значения, и тем самым порождают преобразования одних логических значений в другие. Каждое такое преобразование представляет собой алгебраическую операцию на двухэлементном множестве $\{0, 1\}$ логических значений суждений.

Следующий шаг в построении математической модели процесса мышления, выражаемого на языке, состоит в том, чтобы понять, как устроена каждая такая операция, как она действует, т. е. точно определить эти операции. Операцию, порождаемую союзом «не», называют отрицанием (обозначение: \neg), союзом «и», – конъюнкцией (обозначение: \wedge), союзом «или», – дизъюнкцией (обозначение: \vee), союзом «если ... , то ...», – импликацией (обозначение: \rightarrow), союзом «тогда и только тогда», называют эквивалентностью (обозначение: \leftrightarrow). Сами эти операции, называемые логическими, определяют с помощью соответствующих таблиц, называемых таблицами истинности. В итоге мы приходим к следующей алгебраической конструкции: двухэлементное множество $\{0, 1\}$ с заданными на нем алгебраическими операциями – одной унарной \neg и четырьмя бинарными \wedge , \vee , \rightarrow , \leftrightarrow . Эта конструкция обозначается $\mathbf{B} = \langle \{0, 1\}; \neg, \wedge, \vee, \rightarrow, \leftrightarrow \rangle$ и представляет собой алгебраическую систему, называемую *алгеброй логики* (алгеброй высказываний, или булевой алгеброй).

Что касается простых суждений, то Аристотель выделил класс так называемых категорических (или атрибутивных) суждений, назвав ими суждения о свойствах предметов – отдельных предметов (единичные) и классов предметов (общие), подразделив их на утвердительные и отрицательные. Аппаратом математической логики, моделирующим такие суждения и их свойства, явилась логика предикатов.

Итак, на первых двух этапах мыслительного процесса – формирования понятий и формулирования суждений – человек, начиная действия от материального мира, переходит в область сознания.

Наконец, третий этап мыслительного процесса – умозаключение. В самом общем виде *умозаключение* представляет собой мыслительную операцию получения нового знания, выраженного в суждении, из других знаний, также выраженных в суждениях. Исходные суждения называют *посылками* умозаключения, а получаемое суждение – *заключением* или *следствием*. Таким образом, посредством умозаключений мы получаем приращение знаний, не обращаясь к исследованию предметов и явлений самой дей-

ствительности, имеем возможность открывать такие связи и отношения действительности, которые невозможно увидеть непосредственно.

Аристотель первым обратил внимание на то, что в рассуждениях из одних суждений выводятся другие, исходя не из конкретного содержания суждений, а из определенной взаимосвязи между их формами, структурами. Вершиной теории умозаключений в традиционной логике явилась теория вывода, или доказательства, основой которой стала блестяще решенная Аристотелем задача описания всех правильных силлогизмов (их оказалось 19), т. е. общезначимых (универсальных для человеческого мышления) способов построения правильных умозаключений на основе категорических суждений. Математическая логика разработала общую теорию логического (дедуктивного) следования как для сложных, так и для простых суждений, в которую вошла составной частью и теория аристотелевских силлогизмов.

Таким образом, теория дедуктивных умозаключений – это апофеоз классической логики, ее вершина, поскольку в ней устанавливается порядок следования (выведения) суждений. В нахождении такого порядка в хаосе суждений и состоит высшее предназначение логики как науки. Здесь уместно вспомнить слова одного из основоположников кибернетики – американского математика Н. Винера: «*Высшее назначение математики как раз и состоит в том, чтобы находить скрытый порядок в хаосе, который нас окружает*» [6, с. 27].

Построенная математико-логическая модель позволяет изучать формы мышления, которые на языке этой модели выражаются так называемыми формулами логики высказываний и формулами логики предикатов. Мысль представляется высказыванием языка, а соответствующая ему формула математической логики выражает логическую форму этой мысли. Образно выражаясь, форма мысли – это то, что остается, если полностью абстрагироваться от конкретного ее содержания, сущностного многообразия отражаемого, оставив от мысли лишь ее форму. Таким образом, одну и ту же логическую форму могут иметь разные по содержанию мысли и это есть то общее, что они имеют. Изучение указанных форм и отношений между ними и составляет предмет логики как науки. В этом смысле логику называют формальной логикой, т. е. наукой о формах мыслей (подобно тому, как геометрию – наукой о пространственных формах предметов). Здесь можно, продолжая мысль Н. Винера, вспомнить, что логика призвана находить порядок в хаосе мыслей, который нас окружает, а также привести высказывание Д. Гильберта: «*Математика есть*

искусство называть разные вещи одним и тем же именем». При этом математическая логика в – двух своих разделах – логике высказываний и логике предикатов – предоставляет идеальный аппарат для такого исследования.

Продолжение следует

Список литературы

1. Розов Н. Х. Логика и школа // Наука и школа. 2016. № 1. С. 143–149.

2. Бурбаки Н. Теория множеств / пер. с фр. М., 1965. 456 с.
3. Игошин В. И. Математическая логика и теория алгоритмов : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004, 2008, 2010. 448 с.
4. Игошин В. И. Математическая логика : учеб. пособие. М., 2012. 399 с.
5. Игошин В. И. Элементы математической логики : учебник для студ. учреждений сред. проф. образования. М., 2016, 2017, 2018. 320 с.
6. Винер Н. Я – математик / пер. с англ. М., 1964. 336 с.

Образец для цитирования:

Игошин В. И. Учить логике будущих учителей математики (часть I) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-113-117>

To Teach Logic to Prospective Mathematics Teachers (part I)

V. I. Igoshin

Vladimir I. Igoshin, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, igoshinvi@mail.ru

The article discusses the problem of formation of logical competences of future mathematics teachers both at the undergraduate and graduate levels. In this case, the logic is considered in three aspects – classical Aristotelian logic, modern mathematical logic and its application to Aristotelian logic, non-classical logics. The author suggests a range of measures related to the content of logical training of future mathematics teachers at pedagogical and classical universities aimed at its improving and enhancing students' logical and general professional competence.

Keywords: teacher of mathematics, mathematics teacher training, logical competence of prospective mathematics teacher, Aristotle's logic, mathematical logic, non-classical logics.

References

1. Rozov N. Kh. Logic and School. *Nauka i shkola* [Science and School Journal], 2016, no. 1, pp. 143–149 (in Russian).
2. Burbaki N. *Teoriya mnozhestv* [Theory of sets]. Transl. of fr. Moscow, 1965. 456 p. (in Russian).
3. Igoshin V. I. *Matematicheskaya logika i teoriya algoritmov* [Mathematical logic and theory of algorithms]. Moscow, 2004, 2008, 2010. 448 p. (in Russian).
4. Igoshin V. I. *Matematicheskaya logika* [Mathematical Logic]. Moscow, 2012. 399 p. (in Russian).
5. Igoshin V. I. *Elementy matematicheskoy logiki* [Elements of Mathematical Logic]. Moscow, 2016, 2017, 2018. 320 p. (in Russian).
6. Viner N. *Ya – matematik* [I am a mathematician]. Moscow, 1964. 336 p. (in Russian).

Cite this article as:

Igoshin V. I. To Teach Logic to Prospective Mathematics Teachers (part I). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 113–117. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-113-117>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Рецензия на книгу: **Максимова Е. А. Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения**

(Максимова Е. А. Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. – 148 с.)

Е. А. Александрова, А. В. Тимушкин

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexkatika@mail.ru

Тимушкин Александр Владимирович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Балашовский институт (филиал), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, timushkin-box@rambler.ru

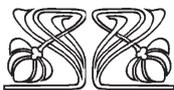
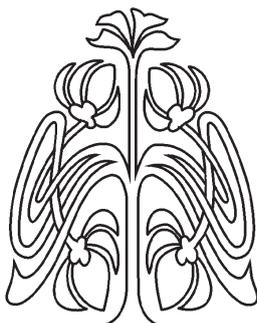
Система профессионального образования обеспечивает человека средствами достижения значимых целей. Ее непосредственная зависимость от уровня социокультурного развития общества является аксиоматичной, а связь содержания профессионального образования с требованиями социально-экономического развития неоднократно становилась предметом научного исследования не только педагогов, но и экономистов, социологов. Однако недостаточно изученным является влияние эволюции труда на организацию системы профессионального образования, открытыми для исследования остаются предпосылки возникновения инновационных форм ее организации. В рецензируемой работе, во-первых, разработана классификация образовательных объединений и проведен их сравнительный анализ; во-вторых, систематизированы риски в образовательных объединениях и показаны возможности управления рисками; в-третьих, проведен прогностический анализ перспектив развития образовательных объединений. Исследование показало, что образовательные объединения отчасти способствуют разрешению некоторых противоречий современной системы профессионального образования, в частности, приведению компетенций в соответствие с решаемыми профессиональными задачами благодаря механизмам государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: образовательное объединение, сетевое взаимодействие, государственно-частное партнерство, риск развития системы профессионального образования.

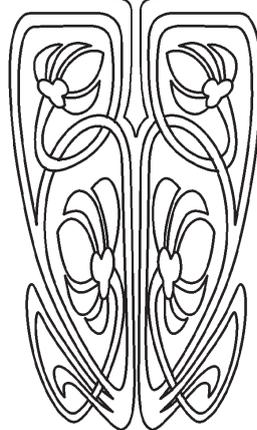
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-118-120>

В ряду недавних исследований, посвященных различным аспектам реформирования системы профессионального образования, выделяется монография Е. А. Максимовой «Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения». В этой работе предпринимается довольно успешная попытка рассмотреть образовательные объединения не только как форму организации системы профессионального образования, но и как способ для образовательных организаций включиться в экономику.

© Александрова Е. А., Тимушкин А. В., 2019

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Проблема инновационной организации системы профессионального образования, затрагиваемая автором, весьма актуальна в настоящее время, поскольку ее разработка находится в русле объективно наблюдаемой тенденции к консолидации ресурсов бизнеса, государства и системы образования, это находит свое отражение во многих работах российских ученых, прежде всего экономистов. В частности, автор проводит анализ образовательных объединений отчасти на основе уже опубликованных исследований институализации корпоративного образования в России, становления межкорпоративного образовательного комплекса, развития региональных образовательно-производственных кластеров. Тем не менее рецензируемую работу отличают целостность и системность.

Структура монографии подчинена достижению поставленных автором целей: классифицировать образовательные объединения, показать их преимущества перед неинтегрированными образовательными организациями. Содержание первой главы носит теоретико-методологический характер. На основе комплексного подхода всесторонне охарактеризованы девять форм образовательных объединений: альянс, ассоциация, кластер, консорциум, корпоративный университет, образовательная корпорация, образовательный комплекс, университетский комплекс, холдинг. Предложена в целом удачная классификация образовательных объединений в зависимости от цели их деятельности, источника возникновения, структуры, типа взаимодействия, временных характеристик, интенсивности интеграции, вида деятельности объединения.

Проведенный анализ предпосылок возникновения образовательных объединений показал, что их появление в новых социально-экономических условиях отчасти закономерно, поскольку в истории развития российской системы профессионального образования накоплен значительный опыт сближения образования и производства в форме ремесленного ученичества, школ фабрично-заводского обучения и ученичества, заводо-втузов, программ целевой интегрированной подготовки специалистов.

Значительное внимание в работе уделено вопросам организации взаимодействия членов образовательных объединений. Охарактеризовано сетевое взаимодействие, образовательные возможности которого (расширение информационного поля, возможность для студентов заниматься в удобном режиме) реализуются посредством технологий дистанционного обучения, а административные возможности (сокращение потребности в ресурсах, повышение престиж-

ности образовательных учреждений посредством формирования инновационной культуры, возможность привлечения ведущих специалистов) связаны преимущественно с комплементарностью материальных и кадровых ресурсов членов объединения.

Автор утверждает, что образовательные объединения оптимально соответствуют требованиям к государственно-частному партнерству и последовательно доказывает их преимущества перед автономными образовательными организациями в подготовке работников для отраслей хозяйства и общественных практик. Эмпирической основой для подобных выводов стал анализ деятельности образовательно-производственных кластеров, действующих в Республике Татарстан и образовательных комплексов Московской области.

Вторая глава носит практико-ориентированный характер. Вводя понятие «риск» в контекст развития системы профессионального образования, автор опирается на экономическое содержание рассматриваемой категории и определяет риск развития образовательного объединения как возможность возникновения неблагоприятной ситуации в любом направлении деятельности или отклонение фактического результата работы объединения от предполагаемого результата. С целью всестороннего анализа рисков предложена авторская классификация данной категории. Ее необходимость обоснована отсутствием единой классификации рисков ввиду многообразия видов деятельности человека в разных сферах. Заслуживает внимания предпринятая автором попытка анализировать риски образовательного объединения как субъекта системы профессионального образования в аспекте компонентного состава системы. С этой позиции разделение рисков на агломерационные, информационные, социально-экономические, организационные, инфраструктурные, поведенческие представляется обоснованным.

Практическая направленность рассматриваемой работы связана с предложенным механизмом пошагового управления рисками: идентификация рисков; выбор методов управления рисками; разработка программы управления рисками; реализация разработанной программы; оценка результатов управления.

Следует отметить прогностический потенциал проведенного Е.А. Максимовой исследования. Автор утверждает, что востребованность образовательных объединений в ближайшем будущем будет неодинакова в связи с разницей в их возможности становиться обеспечивающим ресурсом развития отраслей хозяйства. В качестве наиболее перспективных форм образо-

вательных объединений представлены кластеры, корпоративные университеты и университетские комплексы. При этом каждое из названных объединений имеет собственный вектор дальнейшего развития.

Показано, что перспективы развития кластера являются производными от становления отраслевых рынков. Эволюция корпоративных университетов определяется их способностью выхода на внешний рынок образовательных услуг. Университетские комплексы могут формироваться как научно-образовательные объединения, конкурирующие в получении грантов и государственной поддержки для проведения научных исследований. С другой стороны, возможно их развитие в привязке к потребностям региональной экономики, что предполагает специализацию в конкретных научных областях и субсидирование научно-исследовательской и образовательной деятельности предприятиями-партнерами.

Вместе с тем рецензируемая монография не лишена недостатков. Так, анализируя этапы

формирования образовательных объединений, автор следует логике развития организации или разработки крупного образовательного проекта. Складывается впечатление, будто любое образовательное объединение обязательно проходит все выделенные этапы, что, очевидно, не соответствует действительности. Кроме того, отдельные аспекты, затронутые в книге, следовало бы рассмотреть более подробно. В частности, недостаточно полно освещен вопрос управления образовательными объединениями. Было бы целесообразным более детально охарактеризовать разные типы управления, привести примеры реально действующих образовательных объединений. Однако указанные замечания не снижают научной ценности рецензируемой работы, ее новаторского характера.

Монография «Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения» является актуальной, и поставленные автором задачи решены весьма успешно.

Образец для цитирования:

Александрова Е. А., Тимушкин А. В. Рецензия на книгу: Максимова Е. А. Инновационная организация системы профессионального образования: образовательные объединения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-118-120>

Review of the Book:

Maksimova E. A. Innovative Organization of the System of Professional Education: Educational Unions

Ekaterina A. Aleksandrova, Alexander V. Timushkin

Aleksandrova E. A., Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, alexkatika@mail.ru

Alexander V. Timushkin, Balashov Institute (Branch), Saratov State University, 29 Karl Marks Str., Balashov 412300, Saratov Region, Russia, timushkin-box@rambler.ru

The system of professional education provides a person with certain means to achieve important goals in life. Its direct dependence on the level of sociocultural development of the society is axiomatic; the relation between the content of professional education and require-

ments of the socio-economic development of a nation has become the problem of scientific research not only for pedagogues, but for economists and sociologists as well. However, the influence of the evolution in labor on the organization of the system of professional education has not been thoroughly analyzed. The background for appearing innovative organization of the system of professional education is still open for scientific research. First, the paper under consideration offers classification and thorough comparison of educational unions. Second, numerous risks in educational unions are classified, and opportunities to run the risks are differentiated. Third, prognostic analysis of the prospects for educational unions' development is carried out. The research shows that educational unions are able to resolve a certain contradiction in the modern system of education. For example, the contradiction between the competence being formed and professional tasks to be solved by today's students can be solved through the mechanism of state and private partnership.

Keywords: educational union, net interaction, state and private partnership, risk in the system of professional education.

Cite this article as:

Aleksandrova E. A., Timushkin A. V. Review of the Book: Maksimova E. A. Innovative Organization of the System of Professional Education: Educational Unions. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 118–120. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-118-120>
